

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ВАЙНАХ»

Чеченский рассказ

Редакционная коллегия журнала «Вайнах»:

М. Ахмадов (главный редактор), Л. Абдулаев, Г. Алиев (зам. главного редактора), М. Бексултанов, Л. Довлеткиреева (1-ый зам. главного редактора), Р. Межиева (редактор отдела публицистики), М. Музаев, С. Мусаев (редактор отдела прозы), Р. Талхигова (редактор отдела поэзии).

Чеченский рассказ. Библиотека журнала «Вайнах». Составитель Л. Довлеткиреева. 2006 г. – 176 с.

Настоящее издание представляет собой приложение к литературно-художественному журналу «Вайнах», в котором собраны рассказы чеченских прозаиков старшего и среднего поколений: С. Бадугева, Ш. Айсханова, А. Лайдамирова, М. Ахмадова, М. Бексултанова, С. Яншуркаева, Э. Минкаилова, М. Мутаева.

Перед читателем предстанут не похожие друг на друга образы, характеры и судьбы героев, каждый из которых не просто плод авторского воображения, но носитель определенных ценностей, идей и представлений, через которые познаются культура, история, менталитет народа, обычаи и адаты, позволившие выстоять в круговерти бед и лишений, выпавших на долю нации в XX веке и начале века XXI, а также те из них, которые, изжив себя или будучи ложными, отрицательно влияют на дальнейшее развитие народа и отдельной личности.

©ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах». Библиотека журнала «Вайнах». Чеченский рассказ – 2006 г.

Саид БАДУЕВ

(1904 -1937)

Бадиев Саид-Селах Сулейманович – основоположник новой чеченской литературы – родился в г. Грозном. Окончил пять классов гимназии, кооперативные и учительские курсы. Им написаны пьесы, стихи, поэмы, рассказы, очерки, повести. В 1930 г. вышла первая часть его романа «Петимат», а в 1976-1977 годах – Собрание сочинений в двух томах.

Олдум

Пересекая село по центру, не торопясь, текла широкая и чистая река. Иногда, касаясь больших выступающих или скрытых под водой валунов, она выгибала свою гладкую спину. Блики солнца, заходящего за черными, как галки, вершинами гор, расположенных недалеко от села, переливаясь, играли на ее поверхности.

Не так давно на берегу реки было шумно. Крепко сжимая посеребренные кинжалы, висящие на поясах, юноши шутливо приветствовали идущих навстречу девушек: «Клянусь серебром, которое ты носишь на груди, ты выйдешь за меня, если я не умру». Те же, покусывая маленькими, как у мышек, зубами кончики своих шалей и скрестив руки на высокой груди, проявляя к заигрывавшим уважение и в то же время подтрунивая, смеясь, отвечали: «Вай, конечно, выйду. Если не за тебя, то за кого? Кто еще мечтает на мне жениться? И кто обо мне вспоминает?»

Девушки, набрав вечером воду, разошлись по домам; чуждые ребяташки, переделав за день все свои плохие и хорошие дела, напившись воды и устроив здесь скачки, сопровождавшиеся гиканьем и криками, также вернулись домой; еще только полчаса назад щебетавшие на желтеющих осенних ветвях птицы угомонились; вороны по две-три спускались к воде и после каждого глотка поднимали глаза к синему небу, а затем бесшумно возвращались на место...

Сейчас не было слышно ни звука, никто из людей не ходил по берегу. Правда, одна живая душа все же была здесь — неподвижно стоял человек. Это Олдум. Опершись о прутья своего забора, спускавшегося к реке, и воткнув трость в гравий, он держал ее двумя руками и, склонив к ней голову, о чем-то думал. Сегодня не первый раз Олдум находился в раздумьях. Обычно его можно было застать одиноко и печально сидящим на камне перед своим домом. В своем околотке Олдум прослыл чрезмерно замкнутым, погруженным в свои невеселые мысли человеком. Куда бы он ни держал путь, никогда не поднимал глаз от земли. Когда старики, собравшись вместе, направлялись посмотреть на свадьбу, Олдум не шел с ними. Он редко выходил на вечерний сход, если же такое случалось, говорил очень мало. Поведение Олдума казалось сельчанам странным, поэтому одни нарекли его сумасшедшим, другие поговаривали, что он в дружбе со злыми духами или же вступил вговор с бесами. Однако Олдум не был в согласии с нечистой силой, одно горе прервало его близость с людьми, это же горе раньше времени состарило.

Олдум сторонился людей, предпочитал уединиться или же, как сегодня, когда улицы пустели и затихали, выходил, чтобы молча выплакать свою печаль, полагая, что раз сердце не ноет от боли и он еще может переносить ее на ногах, значит, ему становится легче от того, что он снова и снова изливает сам себе душу.

Раньше он думал, что, если поделится своей бедой с другим человеком, сердце его высвободится и успокоится. Еще

два года назад он частенько именно так и поступал: говорил о своих переживаниях с женой, знакомыми...

В последнее же время чеченское понятие «яхь¹» взяло верх, гордость возобладала над ним. Тогда, два года назад, он был, конечно, не менее гордым человеком и умел держать-ся с достоинством, но до беседы с одним гостем казалось ему, что все люди, как и он сам, чисты сердцем и помыслами.

Это было ночью. В доме Олдума горела лампа. Отужи-нанн жижиг-галнаш, и Олдум поведал гостю о своей печали. Выслушав его, тот вытер руки о короткие махьсеш² и сказал:

– Олдум, я расскажу тебе одну историю.

– Прошу тебя, Израил, – ответил Олдум.

И гость начал свой рассказ:

– Жил когда-то посреди леса старый лесник в скромном доме. Как-то вечером, когда еще не совсем стемнело, он направился в чащу леса. Не успев отойти далеко от дома, он услышал необычайно красивое щебетание птицы. Поражен-ный изяществом напева и улаждающим слух звучанием тре-ли, он не смог удержаться и поймал птицу, свил для нее гнез-до, считая, что заботится о ней, как о своем друге.

Прошло не так много времени, как весть о редкой певу-ще дошла до одного человека, он не мог иметь детей, и в этом мире... – гость, было, прервал свою речь, но быстро продолжил: – в этом мире, как и тебя, ничто его не радовало, ничто не приносило утешения. Он купил птичку, не торгу-ясь, принес ее домой, поместил в лучшую клетку и днем и ночью слушал исполняемую ею мелодию. Он забыл о своей печали, она словно развеялась, на душе стало так легко и от-радно. Забота, поднявшись, улетучилась из его головы. На-конец-то он обрел покой...

С тех пор прошло три месяца. И вот в один из дней, ког-да он вместе с женой наслаждался пением птицы, в кори-дор, где на гвоздике висела клетка, внезапно ворвалась дру-

гая птица. Она что-то быстро прошебетала, ударившись крылом о прутья клетки. Певунья, словно замороженная, смотрела на нее. А после притихла. Так прошло две недели. Хозяин молил ее снова запеть. Он увещевал ее длинными, сладкими речами; стараясь угодить, предлагал изысканные яства; причитал...

– Твои неопишуемые трели, твоя прекрасная музыка растопили мою давнюю печаль, оставив лишь толику ее на самой глубине моей души, и эта грустинка покинула бы вскоре меня. продолжи ты свои песни, моя нежная птичка! Звени же своей чудной мелодией! Обмани хоть немного ее неземной красотой! Пожалей меня! Если ты не сделаешь этого, если вновь не зазвучит твой прелестный свист, моя маленькая печаль притянет поднятую и оторванную тобой скорбь и я, как и раньше, окажусь затопленным ее морем. Щебечи же, птичка! Встрепенись! Так же, как нелегко проститься с этим светом, тяжело пребывать в горьких раздумьях.

Но гордая птичка, как ни плакал и ни просил он, осталась неумолима. На его отчаянные призывы она ответила яростной речью:

– А я и не догадывалась, что являюсь причиной твоего веселья, и думать не думала, что изгоняю твое горе. Что я пред тобой, человек? Лишь бусинка от четок. И ты смог утешиться мной?! Моя печаль растопила твою. Ха – ха, ты больше никогда не услышишь мое пение, я никогда больше не буду говорить с тобой о своем несчастье... Пусть горькие слезы, которые я проливала все эти месяцы, пропитают насквозь твое тело, как очень сладкое вино, которое действует на тебя опьяняюще. Я и не пыталась веселить тебя. Я взывала к помощи, изливая тебе свою беду. А ты?! Ты и не намеревался понять меня! И я бы так и пребывала в неведении, не прилети та птица, не объясни она мне, что мое горе вылилось в твою радость. Тогда, осознав это, я и перестала петь...

Не знал ты, что однажды вечером, вернувшись с едой для трех своих птенчиков, нашла я гнездо пустым?! Что, ког-

да и от всего сердца, всей силой своего тонкого голоса кричала о помощи, заслушавшись моим воплем, показавшимся ему райским пением, поймал меня лесник?! Что языком, доступным мне, голосом, на который я только способна, просила лишь об одном – отпустить меня. А вдруг мои птенчики в объятиях ястреба? А может, лежат где-то голодные и обессиленные? Или они ранены?.. Ты так и не понял, что молитба о воле во имя спасения детей моих растопила твою печаль?!

Что же, я не буду больше рыдать! Не буду устраивать тебе бесседую вечеринку на своем горе! – высказав все это, птица опять замолкла, и человек... отпустил ее...

Гость, остановившись, вновь обратился к Олдуму:

– Подобно этому, знай, если ты, как и мне, каждому встречному будешь изливать свое несчастье, может быть, когда-нибудь ты и получишь незначительное успокоение, а вот люди будут только рады, они будут смеяться над тобой... Почему? Да потому что, стремясь следовать нашему чеченскому обычаю, ты сам себе накликнул беду. И когда ты будешь вынужден делиться с людьми, они лишь осмеют тебя: «Желая быть мужчиной, он поступил по обычаю, а теперь сожалеет и вынужден делиться с каждым встречному-поперечному. Боже, вряд ли когда-нибудь он станет настоящим мужчиной. Это будет для него слишком уж тяжело», – скажут они. И не один раз, а снова и снова будут они повторять эти слова на сельском сходке, насмехаясь над тобой.

С тех пор, как состоялся этот разговор с гостем, Олдум сильно осунулся, он чуть ли не слег. Теперь уже он не желал делиться своей печалью с каждым, кто ему встретился, боялся, что это может доставить ему успокоение...

Из глубоких раздумий Олдума вывел внезапно раздавшийся шум: сверху, с долины, босиком бежали дети. Он медленно повернулся в сторону звуков и, когда увидел ребятиншек, тяжело вздохнул: «Да вала хьан, дуйне»,³ – сказав это,

прогнулся назад, к изгороди. Пристально глядя на пробегающих мимо детишек, он вспомнил то, что произошло с ним, и из его глаз упали две одинаково большие слезы, дрожь против воли пробежала по телу. Не отрываясь, смотрел он им вслед, плотая комки подступающих слез.

Со двора соборной мечети, находящейся с правой стороны от дома Олдума, послышался призыв старого муллы к вечерней молитве: «Аллох!у акбар! Аллох!у акбар!» А на улице, у мечети, сидя на камнях и ведя беседы, словно споря о справедливости, сплевывая на ровные комья грязи, сидели старики, повторяя про себя вслед за муллой священные слова. Когда же муэдзин завершил азан, старики, уступая друг другу, направились к мечети. Олдум, согнувшись, не глядя по сторонам, потянулся за ними.

После моления он зашел через низкую дверь в свой старый дом. «Сепият, постели мне». Он подошел к окну, где горела лампа, взял зеркальце с подоконника и стал смотреться в него.

– Тебе опять нездоровится? – спросила Сепият, натягивая старые чулки. Она знала, что из-за своих переживаний Олдум раньше срока состарился и с каждым днем угасал.

В зеркале Олдум разглядывал свое лицо с проступающей поседевшей щетиной и длинным носом, еще более покрасневшим со временем. Оно было местами шероховатым, словно изборождено просяными крупинками, и багровым.

Сегодня не в первый раз Олдум ощущал недомогание. Время было жестоко к Олдуму, снова и снова било его, любовью ребенок, увиденный им, напоминал о его печали, повергая в горькие раздумья и с новой силой беря так и не зажившую рану, которую он сам нанес себе, желая соблюсти адаты. В такие минуты он, как безумный, крепко сжимал своими огромными, огрубевшими руками высокий лоб, с силой сдавливая голову. Его бросало то в жар, то охватывало ознобом, крепкое тело вдруг слабело, и жилы натягивались – все

но предшествовало болезни, в которой он пребывал день, а то и неделю. В этом состоянии был он и ныне.

Сейпят выгнула из-под постели, водруженной стопкой из широких нарах, единственный большой матрас, разложив его — то ли от этого матраса, то ли от белого войлока под ним поднялась небольшая пыль. Завершив с постелью, Сейпят обратилась к Олдуму, который, сняв одежду, уже ложился на нары:

Чурек только что с печи, может быть, перекусишь?

Сейчас нет, — ответил он, натягивая на себя синее ситцевое одеяло.

Что же за печаль преждевременно состарила Олдума и часто становилась причиной его нездоровья?

Когда Олдуму исполнилось двадцать пять лет, его шестидесятилетний отец Элашби решил женить единственного сына. Против своего желанья Олдум все же женился на прищипанной в селе красавице Сейпят, дочери Заби. Когда невеста привезли, он не стал противиться воле отца и, чтобы люди не осудили его, смирился. Чистосердечие и красота Сейпят понравились Олдуму. Не зря в селе она прославилась своей красотой и добротой. Именно такой и была она с Олдумом и его отцом Элашби. Когда она смеялась, показывая ряд ровных зубов, на ее щеках выступали ямочки; лицо было круглым, румяным, она, действительно, была очень хороша собой. Сейпят уважала своего свекра Элашби, а тот, в свою очередь, любил ее не меньше, чем своего сына Олдума.

До женитьбы Олдум, как единственный сын, оберегаемый отцом от забот, был большим любителем вечеринок. Сейчас же — другое дело: он обратил все свои мысли к дому, семье. Если до сих пор Олдум мог лишь раз в год привезти в село дровами, то теперь он чуть ли не ежедневно ходил по деревне, и остальные же дни возил стройматериалы или зарабатывал на перевозках, запрягая своих черных буйволов.

Элашби не мог нарадоваться тому, что Олдум взял на себя тяжесть домашних забот, а его жена Сейпят стала на-

стоящей хозяйкой, заменив умершую два года назад мать Олдума.

Так шло время. Позже, наблюдая за Сепият, занятой делами по хозяйству во дворе и переваливающейся, как утка, Элашби думал: «Боже, пошли мальчика!» И Олдум, поскольку у него не было ни родного брата, ни двоюродного, мечтал о сыне, он говорил Сепият: «Нам не нужна дочь. Роди нам крепкого сына – такого, чтоб перед его удалью конь не мог устоять, чтоб никого не боялся и был красив ровно настолько, чтобы девушка вышла за него замуж». Хотя Сепият и говорила Олдуму, что тоже хочет сына, в душе надеялась на то, что родится дочь, которая станет ей помощницей.

То ли оттого, что в их семье двое мечтали о мальчике, то ли потому, что так было суждено, но в положенный срок Сепият родила сына. Олдум и Элашби были безмерно рады наследнику, тая, по обычаю гор, друг от друга свои чувства. Несмотря на то, что Сепият ждала дочь, она тоже была счастлива приходу мальчика и освобождению от мук.

Вскоре в честь рождения внука Элашби зарезал барана, пригласил мулл, нарекли они его Вахой. Неизвестно, было ли это имя взято мутлами из Книги Судеб, но Элашби, Олдуму и Сепият оно очень нравилось и красотой звучания, и уважением, проявленным столь почитаемыми людьми, назвавшими его, и потому что означало оно «живи», обещая ребенку долгую, счастливую жизнь.

В один из осенних дней, точно испарения над кастрюлей, в которой варится тыква, над небольшим селом поднялся сильный туман. Над каждым домом, старым или новым, над низким медресе и высокой мечетью в центре села, кружась, извиваясь, расползалась сизая, темно-серая дымка; местами был слышен лай собак. В темной ночи с маленьких окон, выстроившихся в ряд, словно пчелиные улья, разливался свет, как от ярмарочных фонарей.

Из пяти-шести домов, расположенных на берегу широкой реки, особенно ярко горела одна лампа. Это был дом Олдума.

Сепият испекла в горской печи хингалаш⁴, смазала их маслом, часть отнесла в соседнюю комнату Элашби, а часть, в комнате Олдума, сложила в алюминиевую чашку, обернув ее полотенцем. На печь поставила чугунную кастрюлю, полную воды, чтобы помыть голову и искупать Ваху. Олдум задремал, и Сепият подумала: «Искупаю-ка я Ваху до его пробуждения. Потом легче будет помыть голову и лечь спать». В эти же мысли она взяла с печи кастрюлю и поставила ее над входом комнаты – вода остынет, да и не выкипит. Потом выткнула из-под нар деревянное корыто и, пока остывает вода, решила осмотреть маленькую головку Вахи. Она взяла его на руки, присела на нары ближе к свету и стала перебирать его волосы.

Элашби мог выйти во двор только через комнату Сепият. Поэтому, чтобы Сепият не смутилась тем, что держит в его комнате ребенка, он, взяв кумган, не глядя на сноху и выйдя шумно, быстро вышел. Хотя он и не посмотрел в их сторону, Сепият, смутившись, положила мальчика, быстро вышла с нар. Ваха заплакал. В это время послышался скрип двери во дворе. Сепият поняла, что вернулся Олдум. Сначала она побежала к Вахе: «Не плачь, мой хороший, мой миленький Ваха...» Сказав это, как была, в тапочках выбежала во двор, чтобы помочь уставшему Олдуму распрячь буйволов.

Олдум, как обычно, когда Сепият выбегала к нему на встречу, зашел в дом, разматывая на ходу повязанное поверх рваного рабочего бешмета полотенце. Бросив его на нары и заглянув через окошко в комнату Элашби, он медленно подошел к плачущему Вахе: «Ну, что ты плачешь?.. Мужчина на тебе не выйдет... Нет, конечно...» Услышав тихий голос отца, Ваха заплакал еще громче. Олдум еще раз бросил взгляд

на окошко отца, взял Ваху на руки и направился к двери, чтобы на улице передать его Сепият. Когда он почти дошел до двери, с улицы стремительно вошел Элашби. Увидев на руках Олдума Ваху, он от неожиданности отскочил назад. По телу Олдума пробежал огонь, как будто его ударила молния. В глазах потемнело и, не понимая, что делает, он отбросил сына в сторону. Ваха упал в кастрюлю, над которой поднимался пар. Раздался душераздирающий крик. Олдум, словно его с силой вытолкнули, выскочил во двор.

Сепият в это время, развязав арбу, загоняла буйволов в стойло. Услышав доселе не слыханный крик Вахи, она ринулась к дому, но, заметив, что на крик, как и она, бежит Элашби, отступила. Душа ее застыла от неизвестности, она медленно вошла на веранду и заглянула в окно. Пусть ни одна мать не увидит то, что пришлось увидеть Сепият, и ни одно сердце не испытает того, что испытала она! Ее сознание помутнело, но она успела заметить, как Элашби, словно курицу, опущенную в кипяток, чтобы ощипать, доставал из кастрюли Ваху, издававшего редкие стоны. Она не смогла перенести этого, ноги ослабли, точно ей перерезали вены в пятках, и, как дерево с обрубленными корнями, рухнула...

Не зная, что делать, Элашби в смятении то укрывал ребенка одеялом, то подбегал к окну, раскрывал его, чтобы мальчика обдало свежим воздухом. Потом, вдруг вспомнив, что чеченцы натирают ожог мылом, он быстро схватил мыло и стал обтирать им красное, ошпаренное тельце Вахи. От этого Вахе, конечно, не стало легче, так как это не было действенным средством. На второй день от полученных ожогов малыш умер.

Олдум же, как человек, упавший в море позора, совершивший самый неблагоприятный и порочащий его поступок в мире, хотя мальчик и умер, не показывался на глаза Элашби больше месяца...

Смерть Вахи -- вот в чем причина скорби старого Олдума, она же причина его сегодняшнего недомогания, озноба,

преждевременной старости, прерванной связи с людьми, нареками его безумцем, находящимся во власти бесов.

* * *

Читатель! Дальнейшее осмысли сам. Ты должен понять, что, как и у Олдума, в душе Сепият жили боль и раскаяние... Почему же Олдум бросил с рук Ваху в кастрюлю с кипятком? Неужели, если бы он оставил его на руках или осторожно опустил, он лишился бы части своего достоинства или же Дпанби стал врагом собственному сыну из-за того, что тот его не постеснялся? Поступи он так, разве об их семье говорили бы, что позор снизошел на Олдума или что он не настоящий мужчина? Это же не позор! Стремление избежать так называемый позор не должно приводить к гибели человека!

Послушай, читатель, как нужен был бы сейчас, на склоне лет, Олдуму и Сепият ребенок, чтобы заботиться о них! Посмотри, как глубоко раскаялся Олдум в том, что, желая следовать темному обычаю, он сломал свою жизнь. Хотя и поздно, но понял Олдум, что человек – не посуда, которую можно продать или купить. Сейчас он знает, что ценой жизни человека не станешь мужчиной, соблюдающим обычай. Никогда больше он не взял бы на душу такой груз. Ну, а дальше сам поразмысли над тем, что я поведал, а то у меня, рассказывая все это, голова пошла кругом...

¹ Яхь – гордость; честь.

² Маьхьсеш – ичиги; кавказские легкие сапоги без каблучков (обычно сафьяновые).

³ Да вала хьан, дуьне! – чеченская идиома, выражающая сожаление, грусть. Буквально: Умри отец твой, о мир!

⁴ Хингалаш – лепешки в форме полукруга с тыквой.

Перевод Л. Довлеткиреевой

Имран

Священное солнце, облагораживающее собой весь мир, не в силах покрыть своим золотом маленький аул на равнине, скользя под зимними облаками в ярко-алом нимбе, заходило за хребет, застывший неподалеку от аула в белоснежном убранстве.

Алые лучи его сверкали на льду маленькой речушки, протекающей по центру аула, деля его на две части, и снег, словно соревнуясь со льдом, густо разбрызгивал вокруг разноцветные искры.

Из печных труб домов, негусто разбросанных по обе стороны от речушки, прямо в небо тянулись сизые дымки, стояла безветренная погода. На согнувшихся под тяжестью снега ветвях деревьев, растущих перед домами, не было слышно прекрасного пения весенних птиц. Вместо пения птиц слышалось разноголосье детей, катающихся на санках по льду.

Далеко слышны были крики детей, стоящих по обе стороны катка, смеясь над упавшими товарищами и изредка бросая в них снежки.

В это время по тропе вдоль речушки шел мальчик, он то направлялся, улыбаясь, к катающимся детям, то, словно одернутый невидимой силой, возвращался на тропу.

Кто же он, идущий, столь мучимый изменчивыми желаниями?

Это был младший ученик духовной школы этого маленького аула, ласково нареченный отцом, когда семья была полноценной, Имраном.

С раннего детства люди про него говорили: «Имран, как и отец, будет хозяином в своем доме. Имран – серьезный мальчик, он, как и свой отец, станет опорой для дома». И в действительности, был Имран очень серьезным мальчиком и размышлял он как взрослый человек.

Имрану было 10 лет, когда его отец погиб в бою, защищая аулы, расположенные вдоль берегов Сунжи, впоследствии они были полностью разрушены царскими войсками. Через некоторое время, когда пришла нужда, мать отдала его в духовную школу, полагая, что и грамоте обучится, и голодать не будет. С тех пор и ходил Имран в школу, став младшим учеником. Но, когда Имрану исполнилось 14 лет, в Чечне наступил голод, и перед ним встал вопрос, как прокормить сраженную лихорадкой мать и четырехлетнего брата Хасана. Спросив разрешения у старших учеников, Имран ежедневно возвращался домой, после долгих размышлений, не найдя иного выхода, он, уходя, воровал по пригоршне курурушой муки из запасов, собираемых им для медресе.

На бледном лице его поблескивали карие глаза, выражение и черты лица выдавали глубокий ум, а овчинный тулуп его, из-за постоянного использования вместо одеяла, был весь в дыр.

На грустном лице Имрана, шагающего домой с красным от мороза носом, спрятав ворованную муку в кармане черкески и засунув руки в рукава тулупа, ясно отражались печаль и горе, терзающие его сердце. Это горе терзало души многих чеченских детей.

Пока Имран шел, погруженный в свои невеселые раздумья, дразнящие крики и смех детей, катающихся на льду, слышались все ближе и четче, сердце его вдруг бешено заколотилось, и ему захотелось присоединиться к ним, но, увидев свой домик, к которому уже подходил, он опустил глаза и, внезапно подтолкнутый в спину, резко ускорил шаг, будто решив для себя: «Лучше не слушать этих детей».

Домик, к которому он подходил, был беден. На берегу речушки, на большом участке стоял неогороженный маленький домик, с подпоркой у одной стены, удерживающей его от обрушения. Перед домом лежал небольшой обрезок дере-

ва для растопки, а неподалеку – разбитый чугунный котелок, из которого когда-то кормили пса. Плоская земляная крыша сакли почти полностью была скрыта под слоем снега, а из короткой трубы не тянулся дымок.

Погруженный в свои мысли, Имран, душою оставаясь с детьми, подошел к домику. Потом через маленькое окошко заглянул внутрь, как бы желая убедиться, что все там живы. Их единственная комната была не очень большой, кирпичная печь на четырех ножках, стоявшая справа от двери, с утра была не топлена.

Под печью лежал черный кот, его желтые глаза улыбались, как два маленьких солнца, он часто, поднося к мордочке, облизывал правую лапку.

Посуда возле печи, кроме того, что была пустой, была еще и грязной.

Напротив печи, на деревянных нарах, в старой постели сидела Зайна, мать Имрана, лихорадка на какое-то время отпустила ее, и она прижимала к себе маленького Хасана. Приболевший Имран не пошел накануне в медресе, и они со вчерашнего дня ничего не ели. После гибели мужа Зайна, чтобы прокормить сыновей, долго работала, не чураясь ни холода, ни сырости, но неожиданно заболела лихорадкой и осталась в постели, к тому же единственного коня увели воры, и вся ее надежда была на Имрана. Взгляд карих глаз на ее бледном лице с заострившимися чертами был мутным, а белые крупные зубы обнажились, словно в улыбке. Глядя на ее тонкую шею, трудно было поверить, что с ней связано тело. Зайна сидела, задумчиво глядя по голове не одетого Хасана, сидящего у нее на коленях. На худом грязном лице Хасана было не различить черты лица, выделялись только карие глаза.

Зайна, грустно наблюдавшая за долгим плачем Хасана, сказала: «Не плачь, Хасан, Имран сейчас вернется домой».

«Мама! Мне холодно, мама!.. Я голоден», – пуще прежнего заплакал Хасан, а у Зайны из глаз хлынули слезы, ее безжизненное тело задрожало, ей было трудно видеть, как у нее на глазах от голода плачет ребенок. Со вздохом: «О несчастный мир!» – она крепче прижала к себе плачущего Хасана, не пытаясь свои слезы, и глотательными движениями попыталась сбить жар голода, сжигающий ее сильнее сына; вдруг ей показалось, что кто-то открыл входную дверь. Взглянув туда, она увидела медленно входящего Имрана.

Увидев эту картину, у Имрана в груди полыхнуло пламя тревоги, и он со словами: «Мама! Что с вами?.. Что случилось?» – подбежал к ним.

«Имран, это ты?» – сказала мать.

А когда Хасан с вопросом: «Имран, ты принес муку?» – ворвался на месте, Зайна одной рукой обняла Имрана, а другой прижала к груди Хасана, и все трое долго плакали.

В этом ауле они считались пришлыми, и здесь у них не было ни близких, ни дальних родственников. Хотя они и были представителями небольшого рода, все же род у них был, но сородичи их жили вдалеке, в другом ауле, более того, губительствующий голод лишил людей способности думать о ком-то еще.

Имран, освободившись из объятий матери, вышел, наколот дров и, растопив печь, начал замешивать тесто, чтобы испечь чурек из принесенной муки. В это время солнце зашло, укрывая мир черной буркой, и в их маленькое жилище воцарился темнота, сплетая свою черную паутину. Потом чурек, увлеченный Имраном, они съели втроем, макая в соль, в старом доме, освещаемом только пламенем из печи.

После столь скудного ужина Имран попытался разговорить Зайну и Хасана, и они рано легли спать, словно завтра спозаранку им нужно было успеть на какие-то большие торжества.

II

Прошел месяц такой тяжелой для них жизни. Мороз с каждым днем крепчал. Но и среди этих морозных дней особенно выделялся один, когда, кроме лютого мороза, еще завывала и злобная метель. Не было видно детей на катке, и на узких улочках этого маленького аула не было ни живой души — только ветер, словно собираясь взорвать этот аул, тонко завывал во всех закоулках.

Прошло довольно много времени, ветер усилился, пытаясь ворваться к ним в дом, выталкивая тряпку, засунутую в оконный проем вместо выбитого стекла.

Огонь в их маленькой печи, зажженный Имраном еще утром, до ухода в школу-медресе, дровами, взятыми у соседей, так как свои кончились, то слабел, то разгорался с новой силой.

Зайна, сидящая, как и прежде, кутаясь в одеяло и прижимая к себе Хасана, была голодна, она очень ждала возвращения Имрана. Под ее невеселые мысли день в свою очередь сменил вечер. Ветер на улице, словно ему надоело завывать, довольно ослабел; огонь в печи погас; истощенный от голода и холода кот, вытянув ноги, издох под печью.

Зайна не замечала мертвого кота, она сидела, глядя на стены и вспоминая свои прошлые прекрасные дни. Она неожиданно вспомнила слова мужа, сказанные им однажды: «Смотри, жена, мы с тобою не ленились, и у нас три сапетки кукурузы, этого хватит на муку, на продажу и еще останется немало. Насыпь на эту отборную кукурузу еще по три корзины, неизвестно, как будут жить наши дети, если нас не станет! — он подошел к детям, пришедшим за закят¹, и со словами: «Когда вам понадобится кукуруза, идите прямо сюда», насыпал им в арбу три корзины кукурузы. Вспомнив об этом, из глаз Зайны хлынули слезы, они капали на Хасана, сидящего у нее на коленях, ее резко бросило в жар, а потом охва

ти и оной. Зайна растерялась, не зная, с одной стороны, что делать в голодном, замерзающим у нее на руках Хасаном, а с другой, как защититься от озноба в холодной комнате с остывшей печью. Вошедший в это время Имран, обрадовавшись, что они еще живы, шагнул к ним.

— Имран! Укутай в свой тулуп Хасана, меня знобит, — сказала Зайна, спешно укрываясь одеялом. Имран спешно скинул тулуп и, укрыв им хнычущего Хасана, стал поправлять одеяло на митери.

В это время к их дому торопливым шагом шел какой-то человек высокого роста. Он был одет в длинную каракулевую рубу, а на голове его была мохнатая белая папаха. Взгляд его синих, пронзительных глаз метался, седая борода на его продолговатом лице была коротко стрижена, румянец на щеках выдавал его злость.

— Кто же он, идущий к ним столь быстро?

— Это был мулла медресе из этого аула. Выходя после лекции из медресе, он заметил, как Имран насыпал в карманы мешочками муки. Прячась, стал идти следом за ним.

Мулла быстро подошел к двери этого маленького жилища. Громко хлопнув дверью, ворвавшись внутрь и увидев, как Имран высыпал из карманов черкески в блюдо муку, он, обернувшись глазами, проговорил:

— Ох, нажказ, нажказ?!.. Этим ты занимался до сих пор? Где ты учился грамоте? Ты, как и твой род... Ты разве можешь совершить что-либо, кроме плохого?!.. Ты поступаешь так, как тебя учили родители! Жулик!.. Ты поступаешь согласно своему обнику... — он шагнул к Имрану, стоящему то краснея, то бледнея, сначала дал ему пощечину, потом, ударив ногой в живот, отшвырнул его к стене.

Хасан, заснувший под теплым тулупом, проснулся от шума и со словами: «Имран! Имран!.. Чурек не готов? Я голодаю», — начал хныкать. Спасаящаяся от озноба под одея-

лом Зайна слышала шум, но не разобрала слов. Неожиданно услышав, что оба ее сына плачут, отбросив одеяло, из последних сил присела в постели и увидела, как мулла наклонился за блюдцем.

Вдруг она вспомнила, как, оставшись без коня, с двумя маленькими сыновьями, без средств к существованию, пришла к мулле и обратилась к нему: «Мы в очень тяжелом положении, и у нас нет другого выхода, если ты не обратишься к аульчанам с просьбой помочь нам». В ответ мулла сказал: «Ты когда-нибудь должна выйти замуж, а я как раз сейчас не женат, ты должна выйти за меня, Зайна. Помнишь, раньше, до твоего замужества, я ухаживал за тобой? Моя любовь к тебе не умерла, и я с тех пор не могу забыть тебя, я очень тебя люблю. Зайна, мы должны быть вместе, и, пока я жив, ни ты, ни твои дети не будут нуждаться ни в чем», — он подошел к ней, стоящей у дверей, схватил и швырнул на нары. С трудом вырвавшись из его рук, она вернулась домой. Об этом случае она рассказала женщинам, и люди долго смеялись над муллой, говоря: «С женщинами не сдержан». Его авторитет заметно пострадал. С тех пор мулла был по отношению к ним бесчеловечен во всем.

Зайна в то время была статной, красивой женщиной, и люди говорили, что она в дом приносит благодать. И сейчас, увидев муллу, она вспомнила этот случай.

Она не понимала, что происходит в их доме. Увидела плачущего Имрана и входящего с пустым блюдцем, выбросив муку, обозленного муллу. От этой картины ее всю затрясло, из глаз хлынули потоки слез. Сердце кольнула острая боль. Подумав: «Он побьет и Хасана», она прижала к себе слабыми руками младшего сына и попыталась что-то сказать, но слова заглушили громкие рыдания.

Имран, прижимая одну руку к животу, а другую — к горючей щеке, с трудом поднявшись, обратился к мулле, собирающемуся уходить:

И же эту муку воровал не для того, чтобы покупать си-
дирот или играть в карты...

Теперь повернувшись, перебивая Имрана, мулла рявкнул:
— Ни слова больше, вор!.. Более того, никогда больше не
забывай и медресе! — и, громко хлопнув дверью, ушел.

Когда Имран рассказал все как было, Зайна спросила:

— Имран, разве ты не утверждал, что эту муку тебе дают
барахлышники?

И говорил так, зная, что ты не будешь есть ворованную
муку, — ответил Имран, перестав плакать, он присел рядом с
Зайной, и некоторое время развлекал их разговорами. А потом
стал говорить, сказав:

— Мама! Я достану где-нибудь для нас дрова и муку, на-
йду Хасана своим одеялом.

Имран! Не задерживайся долго, Хасан голоден, — ска-
ла Зайна, натягивая на себя и Хасана одеяло.

И ненадолго, мама, — выходя, ответил Имран.

Эти были время, когда на улице сгущались сумерки, мо-
жет заметно кренчал. С наступлением ночи погода стала ме-
ннее, ветер вновь начал закручивать снежные вихри.

Зайна лежала, погруженная в горькие раздумья, кутаясь
одеялом, в темной комнате прижимая к себе плачущего от
голода Хасана и пытаясь скрыть от него терзавший ее голод,
но когда ветер усиливался, он целыми охапками швырял
на улицу мешки метель.

Ветер завывал тонким, злобным воем; с некоторых до-
стигало худые крыши, а там, где кровля была доброт-
ной, слышались печные трубы; далеко был слышен треск, слов-
но кто-то рубил в лесу деревья — это ветер ломал деревянные
тротуары, улицы тонули в снежной пыли, словно в тумане, не
было видно ни зги; напуганные этой жуткой ночью люди по-
спешивали в свои жилища.

В маленькой сакле Зайны не горела печь, и в оконный проем свирепствующая метель швыряла охапки снега.

– Мама! Я голоден, мама! Я мерзну, мама! Мама! – все громче плакал Хасан, лежащий рядом с ней.

– Хасан! Сейчас Имран придет, подожди... потерпи, стала уговаривать сына Зайна, и слезы вновь хлынули из ее глаз. Ее с давних пор ноющее сердце затрепетало, словно птица, попавшая в силки, ее больное тело с каждой минутой слабело и от голода, и от бессилия помочь своему ребенку, плачущему от голода и холода.

В конце концов, у Зайны пересохло в горле и, обессилев от голода, она не могла ни плакать, ни говорить.

Потом неожиданно начался приступ жестокой лихорадки, ее зубы начали выбивать частую дробь. Из-за сильного лихорадочного озноба она забыла про плачущего Хасана.

III

Жестокая метель на улице мало беспокоила муллу. Он сидел на широких нарах, стоящих перед жарко натопленной печью, и ужинал лепешками с тыквой, приготовленными дочерью, макая их в блюдце с маслом, изредка бросая взгляды на ковры на стенах и на циновки на полу, покачивая головой, он размышлял над сегодняшним воровством Имрана, случайно обнаруженным им. После ужина, вытерев руки о голенища, он откинулся на подушки и вспомнил, как Зайна рассказала людям о его предложении и опозорила его. Вспомнив об этом, он сказал самому себе: «Немало красивых и молодых вдовушек приходило ко мне с разными вопросами, и они не позорили меня, когда я к ним приставал... А кто такая Зайна, чтобы высмеивать и позорить меня, эта старуха?! Нет, отняв муку и оставив их сегодня голодными, выгнав из медресе Имрана, я недостаточно отомстил за свое унижение, им

«... другому нужно метить», — с этими словами он сначала выскочил в окно, потом, надев тулуп и башлык, вышел.

На улице прогигантски и тонко завывала метель, и, кроме мушкетера, не было видно ни души.

Мулла, шаркаемый ветром о чужие заборы и дома, с трудом добрался до домика Зайны, а добравшись, сразу же вцепился в подпорку, удерживающую стену дома от обрушения.

Эту подпорку мулла заметил не сегодня. Каждый раз, выходя по узкой улочке мимо этой сакли в мечеть или на рынок, мулла пристально разглядывал ее. Он давно искал какой-то отпущения Зайне за свой позор, но никак случая не находил. Изредка он принимал решение: «Все равно пощадю!» — но, испугавшись мести со стороны родственников Зайны, отступал.

Мулла долго не мог вырвать подпорку, борясь с ней в густой, поперечному воющей метели. Наконец, собрав все свои силы, шаркнул подпорку, бросил ее на землю у стены и, вернувшись домой, успокоился.

IV

Не выдержав бешеного напора ветра, стена дома, лишенная опоры, с грохотом рухнула, вслед за ней обрушилась и половина крыши.

В этот резкий грохот метель, ворвавшись, закружила Хасана, шарахнувший Хасан с душераздирающим криком прибежал к Зайне.

«Мама!.. Мама!.. Что это? Мама! Что с нами случилось? Мама!.. Мама!..» — кричал он.

Зайна, лежавшая дрожа от приступа лихорадки, еще больше ослабевшая от метели, закружившей в доме, почувствовала в слабое тепло, исходящее от Хасана, и в бреду, не сознавая, что делает, стала изо всех сил прижимать к себе сына, не глядя на его слабые ступни.

Долго прижимала к себе вырывающегося сына Зайна. И так истощенный от голода, Хасан затих, задохнувшись в объятиях. Но и после этого Зайна долго продолжала прижимать к себе затихшее тельце сына, она была в бреду.

Их комната за короткое время стала белой от снега, и внутри, словно туман, висела снежная пыль.

Потом ветер немного стих, и снежная пыль осела, в комнате стало чуть светлей, на улице с трудом можно было различить пестрые крыши домов.

Приступ лихорадки прошел, Зайна немного пришла в себя, увидела обрушившуюся стену и наметенный в комнату снег.

Зайна думала, что видит сон, но неожиданно ей показалось, что она прижимает к себе ледяную глыбу, и оттолкнула трупик Хасана. Потом вспомнила о сыне и с криком: «Хасан!.. Хасан!..» – начала шарить руками под одеялом, но обнаружила уже окоченевший трупик сына.

«Хасан!.. Хасан!..» – тормошила Зайна сына. Но он не откликнулся. И тогда сердце матери похолодело, ее бросило в жар, по всему телу пробежала судорога, она поняла, что Хасан умер от голода, еще и по ее вине.

Зайна душераздирающе закричала: «Аллах... Великий Боже!.. Что же это?.. Что с нами случилось?.. Какое горе!.. Хасан!.. Хасан!.. Да умри я, Хасан!.. Да умри я у тебя!.. Хасан!.. Да умри я, умри я!» – с плачем прижала к себе сына Зайна, но ослабленный болезнью и голодом организм не справлялся с этим горем, у нее резко закружилась голова, началось, мир переворачивался.

Когда поднялась сильная метель, Имрана задержали люди, боясь, что с ним может произойти беда; сильно переживая за родных, он попытался тайно уйти, но его вновь оставили.

И когда ветер немного стих, Имрану все же удалось уйти. Он шел сквозь ослабевшую метель с карманами, полными хлеба, и с небольшим сухим поленом под мышкой, которое была заведена, укрывшие его от метели; сердце мальчика наполнилось жаром тревоги, грызло нехорошее предчувствие, что он соранился успеть домой, чтобы утолить голод матери и брата.

В темноте и тумане, уходя в наметенном снегу, Имран с большим трудом добрался до родного дома. Но от вида полуразрушенного домика у него закружилась голова, он вскрикнул и замер на месте, оцепенев.

Долго стоял Имран, не решаясь войти.

Несомненно, с трудом пытаясь сдерживать рыдания, забежал к разрушенному домику.

«Мама!.. Хасан! Мама! Что с нами случилось?.. Что это такое?.. Мама, вставай! Мама! Слышишь? Проснись! Мама!.. Хасан!.. Хасан!.. Мама!.. Хасан!..» – долго кричал он, зовя и стараясь разбудить Айну и Хасана. Но они не шевелились.

Оба тела лежали окоченевшие, словно поспорив, кто же из них замрет сильнее.

Закят – обязательная милостыня в размере 1/40 стоимости имущества.

Фажал – нечестивец (арабск.).

Перевод М. Эльдиева

Шамсуддин АЙСХАНОВ

(1907-1937)

Айсханов Шамсуддин Катаевич родился в селении Надтеречном. В 1933-1934 годах работал редактором газеты политотдела МТС. Писал стихи, рассказы, пьесы, очерки. Вышло несколько его книг на чеченском языке. На русском языке его стихи печатались в сборниках: Поэты Чечено-Ингушетии. М., ГИХЛ, 1935; Поэты советской Чечено-Ингушетии. Пятигорск, 1937.

Автор школьных учебников по родной литературе, много записал народных песен.

Шамсуддин Айсханов возглавлял делегацию чечено-ингушских писателей на I Всесоюзном съезде советских писателей, где выступил с речью.

День не удался

Шаба, сын Дады, жил на восточной окраине большого села Шали, в низеньком доме, смотревшем на юг. Это был мужчина крепкого телосложения (взглянув на него, невольно думалось: «Ну и здоров же ты!»), выше среднего роста, не очень стар, но далеко и не молод, походил на доброго труженика и в целом производил приятное впечатление.

Шабе шел сорок восьмой год, у него было четверо взрослых детей: двое сыновей и две дочери. Старший из них, Урман, женился в двадцать два года и жил отдельно, недалеко от отца.

До прошлого года являвшийся мюридом Кунта-хаджи, Шабан имел острую, как угол головки сахара, бороду, напо-
серебренную сединами. Когда он отодвигал свою фетовую мохнатую шапку назад, над левой бровью об-
разовался глубокий шрам. Этот шрам остался от удара кинжа-
лом, полученного еще в молодости в драке, тогда из-за како-
го-то чувства он убил человека. В той ссоре Шабан не был
защитником, но, став кровником, вынужден был скрываться
много лет, не имея возможности вести свое хозяйство.

Широкосплечий, плотного сложения, Шабан почти всегда
ходил в череске, загнув за пояс полотенце, когда-то оно
было белым, но теперь все почернело от грязи. За пояс Шабан
тоже заводил полу черкески, но не оттого, что много ра-
боты и она ему мешала, а, как оказалось, потому, что так де-
лать удобнее. Пока на сельском сходе было с кем поговорить,
Шабан по вечерам дома было невозможно застать. Посох, с
которым он не расставался, весь расщепился внизу от долгих
покачиваний по земле на сходах.

Ферма Шабана, выходящий на запад, и сарай частично были
крыты камышом, остальной камыш лежал перед навесом.
Уже и уже осень, стремительно приближалась зима. За не-
высоким навесом и сараем лежал покрашенный когда-
то белой краской плуг, к которому с тех пор, как его прита-
щили в ферму, не прикасались, он уже весь покрылся ржав-
чиной. Этот плуг Шабан получил от Шалинского районного
сельского отдела, взяв на себя обязательство расплатиться
в течение двух лет. Шабан и не задумывался над тем, что плуг
ему понадобится для пахоты.

От фермы, расположенной за домом Шабана и отделенной
от него старым полуразвалившимся забором, который напо-
минал фетовую шапку, было свалено на землю одиннадцать-
надцать повозок кукурузных стеблей. Почти каждый ве-
зок, торча и поедая эти кукурузные стебли, на них стояли
бараны, быки и два вола Шабана, а также соседские коровы. Зи-

мой, когда выпадет снег и появится необходимость в фуражах. Шаба вспомнит о них, пока же он и не думает собрать кукурузные стебли и заскирдовать их. Всякий, кто видел это, приходил, покачивая головой: «Если установится ненастье, кукурузные стебли Шабы сгниют».

Все соседи Шабы (и колхозники, и единоличники), завершив осенние работы, успели привезти из леса, находившегося недалеко от села, жерди и подправить свои заборы или же поставить новые. Шаба же не только не позаботился о своем полуразвалившемся заборе, но еще и не начал заготавливаться дровами на зиму.

Только заслышав голос муэдзина: «Аллах Акбар! Аллах Акбар!» – Шаба бросал все свои дела, почесывал свой большой нос, словно приклеенный между синими глазами и, взяв свой посох, который всегда висел у входа, по левую руку, отправлялся в мечеть.

Наслушавшись на сходах всяких рассказней мулл, он тоже принимался «поучать» людей. Себя он считал очень набожным человеком, гордился этим.

К примеру, если при встрече колхозник спрашивал у него «Почему, Шаба, ты не записываешься в колхоз, видишь же, что мы, вступившие в него, зажили лучше, чем прежде?», Шаба отвечал ему: «Говорят, все, что принадлежит человеку, ставшему колхозником, вплоть до кошки, переходит в общественную собственность. Мне же, коли власти оставят и то, кое, такой колхоз без надобности. Если же, к примеру, все село запишется в колхоз, тогда, конечно, и мне придется».

Правда, сын Шабы, Усман, который жил отдельно, уже состоял в колхозе, да и хозяйство его не походило на хозяйство отца, Усман был сознательным человеком, в меру грамотным, кроме того, он был колхозным активистом. Он очень старался разъяснить отцу что к чему, рассказывал ему о привилегиях колхозной жизни, однако Шаба, привыкший

...Шабать только свою правоту, не прислушивался к словам Уваина.

Сквозь Шабу содержала его жена. Высокая, смуглая, прожаренная в делах, Бикагу едва ли не круглыми сутками была занята изготовлением бурок, войлочных ковров, переметных сум, пиджур, шляп для косарей. Она хорошо усвоила это ремесло и стала искусной мастерицей.

«Июльте концов, ты сведешь меня в могилу! Если бы ты, как иному другим, проявлял хоть какую-то заботу о хозяйстве, так не пришлось бы терпеть такую нужду! Из-за твоей лени Бикагу, уловно паседка, на этой шерсти! Неужели нельзя, как делают мужчине, поработать и хоть немного освободить себя? Неужели мне нельзя, как другим женщинам, посмотреть из белой свет?!» – чуть ли не ежедневно обращалась к Бикагу Шабать, проворно расчесывая свалявшуюся шерсть или выстилая ее для ковриков.

В безветренном утре, когда на село опустился густой туман, Шабать уходил в лес за дровами. Это было четырнадцатого числа черного месяца осени. Однако и слепой заметил бы, что из этого Шаба не задумывался о необходимости идти в лес, ибо до полудня ему никак не собрать того, что необходимо взять с собой, пойдет он просить у людей или примется выкопировать свое.

Наступил полдень, когда он кое-как наконец снарядился. Шабать свиря двух волов, пестрого и бурого, которые все утро сидели не кормленными в сарае, и с крайней неохотой выехали из сарая.

Хотя в чашке под навесом у него лежали три коробочки с ароматическим маслом, купленным недавно в кооперации, смазка арбы, не видевшие целый месяц смазки, всю дорогу играли разные мелодии. Осенний ветер доносил их до сарая.

Шаба выехал из Шали по дороге на запад. Словно и тогда, что он задержался до полудня, были виноваты воле, он нещадно стегал их хворостинкой, приговаривая: «Хай, чтобы вас съели на поминках хозяина!»

Возвращавшийся из леса с полной арбой дров мужчина окликнул его: «Ты что так поздно? Скоро уже сумерки спускаются». Шаба, посмотрев на солнце, которое уже пересекло зенит, ответил: «Гости у меня были, поэтому задержался. Проводил их, вот и выехал». Хотя арба встречного походила на арбу Шабы, ее колеса, своевременно смазываемые, не скрипели.

Приготовившаяся опасность листва пожелтела, но поводом к приходу осени покрылись зеленым овсюгом и пыреем.

Когда до леса осталось около километра, Шаба, решив пока косить немного овсюга, так как по дороге обратно он мог не успеть, огрев вола по ребрам хворостинкой, завернул арбу на поросшую зеленым овсюгом чужую делянку, которая находилась недалеко от западной дороги. Изголодавшиеся животные ринулись в заросли, словно кошка, которая прячется под кровать, если потянешь ее за хвост. Шаба ехал, привстав на арбе, куропатки от лязга колес разбежались, напугав этим двух волов, которые сразу стали как вкопанные, и Шаба упал в арбу.

— Эгей, будь вы неладны, откуда только взялись! Эх, жаль, что нет сейчас двустволки! — Шаба снова встал в арбе.

Оказывается, это ноги Шабы запутались в веревке, брошенной небрежно в арбу. Когда Шаба, въехав в овсюг, попытался спрыгнуть с арбы, он опять зацепился и упал лицом вниз.

— Треклятая, если бы нужно было, не обвилась бы, — обободив свои ноги от веревки, которая уже успела завязаться в узелки, он взял косу и углубился в овсюг.

Время было час после полудня. Чтобы доехать до леса, нарубить дров и вернуться домой, у Шабы оставалось всего четыре часа. Положив косу на землю, Шаба приступил к работе.

...ему мамату, посчитав это важнее всех остальных дел. Два волова два вола, запряженные в арбу, паслись на делянке. Паря по-козьяйски овсюг, словно его посадил Шаба. Издалека встав посточный ветерок, Шаба завершил свой наезд. «Маян хушт, чкав-хушт», — двигался вперед Шаба, размахивая косой, и когда он дошел до середины полосы, коса раздалась пополам.

— Ну! Ты посмотри, какой неудачный день! Видно, прогневался на зем-пшудь Бога, но, насколько припоминается, на что же ты одного греха, если только не то, что я взялся копать на твоей делянке», — нагнувшись, он вытащил из земли кусочек земли. Отодвинув назад опустившуюся на глаза во время выноса желтую мохнатую шапку, он пристально, вытаращившись под черных бровей свои синие глаза, осмотрел выкопанную часть и понял, что трещина на косе появилась еще раньше. Коса висела у него под навесом, крыша которой протекала, а потому заржавела, кроме того, сегодня Шаба, решив отбить ее лезвие, в спешке попал молотком по рукоятке, и коса дала трещину.

— Надоется серпом жать овсюг, чтобы собрать хотя бы одну дюж волов», — решил Шаба и, взяв серп, засунутый в арбу между двух досок по самую рукоять, сжал большой сноп овсюга. Положив сноп на арбу, Шаба вывел волов на дорогу и принялся за серпом, но никак не мог его найти. Он прошагал по делянке, словно искал иголку, и потерял целый час.

— «Найдет, он в снопе овсюга?» — он вернулся к арбе и стал искать овсюг, но серп так и не нашелся.

— Это не моя оплошность, это Божье наказание. Все в Его руках. Серп, если суждено, найдется, когда я буду ехать обратно. — Шаба тронулся в дорогу. Несмазанные колеса и деревянные ось, как и раньше, жутко скрипели. Скоро Шабе, везущий и так ехал без настроения, встретились горцы, перекрывавшие спуск на зимовку с гор на равнину. Среди овец,

как бычки среди телят, выделялись ослы. Правда, то, что они ослы, угадывалось с трудом, так как они полностью были скрыты поклажей.

Взглянув на идущего иноходью осла впереди овец, Шабан произнес:

– Будь ты проклят, и без встречи с тобой мой путь был очень удачен!

Шабан даже не поздоровался с горцами, гнавшими отару настолько не по душе пришлась ему встреча с ослом.

Крупные, как волки, собаки накинулись на Шабана и волков, не давая им проехать, и они остановились в растерянности, как курицы, загнанные в угол. Хозяевам, наконец, удалось отогнать своих собак, и Шабан поехал дальше.

Было уже полтретьего, когда Шабан доехал до леса, распряг волов и приступил к работе. Выбирая деревья потоньше он принимался их рубить и вскоре весь покрылся испариной. Шабан снял черкеску и вновь стал размахивать топором. Пот стекал с него ручьями, и через некоторое время рубаха тоже стала лишней.

– В это вечернее время здесь никого нет, чтобы видеть меня, – проговорил Шабан и, сняв с себя белую рубаху, бросил ее недалеко на землю. Шабан, спешно валивший деревья, боясь, что до вечера не успеет, не обратил внимания на бурого вола, который подошел к его рубахе и начал ее жевать.

Нарубив пять охапок дров, Шабан почувствовал голод и подошел к арбе, чтобы взять чурек, но не нашел ни его, ни творога, завернутых женой в полотенце. «Может, вола съели?» – возникла у него мысль, он посмотрел в сторону бурого вола и заметил небольшой, с четыре пальца, кусок рукава белой рубахи, торчащий изо рта продолжавшего жевать рубаху.

Быстро подбежав к месту, где оставил рубаху, и не найдя ее там, Шабан как ошпаренный кинулся к волу, однако вола в это время, сделав последний глоток, полностью съел его рубаху. Делать было нечего и, вспомнив о черкеске, в надежде

...она оказалась негнуптой, он пошел к груше, на которой висел, подумав: «Валлахи, это не дело, если придется возвращаться в село голым». Черкеска висела на своем месте, рубаха тоже была бы целой, если бы он ее так же пощипал и отпустил.

Кни чурек и творог волю не трогали, их он оставил, заперев под сеном овсюга, и они по дороге упали. Найдя у черкеса еще добычу, над едой Шабы крутилась большая стая ворон, подлетая и кроя то чурек, то творог.

Изголодавшийся, подавленный, Шаба вновь принялся рубить

Оставший вечер был прохладен. Шаба уже нарубил половину арбу дров и, стараясь закончить работу до наступления темноты, охотливо орудовал топором. Вдруг обух топора треснул. Черкеска, надетая на голое тело, так как белую его рубаху он не взял, шипала, и Шаба долго стоял, почесываясь. Топор у Шабы был старый, его обух уже четыре раза чинил наилучших в округе кузнецов.

Одурев от страха, ну и день сегодня неудачный, до дома не добраться без проключений! – порядком обеспокоенный Шаба быстро загрузил арбу дровами, которые уже успел нарубить, и тронулся в обратный путь.

Встретившись сумерки, очертания деревьев слились, в лесу раздались крики птиц. Недалеко от дороги, на пригорке около леса громко завыл волк.

Отвратив глаза от ужаса, Шаба, которого к тому же сильно раздражала слетая на голое тело черкеска, сидел на передке арбу, сидя на месте, и в это время волю резко свернули с дороги, и арба перевернулась. У Шабы, который успел спрыгнуть на боковой откос, порвался ремень и распустился пояс. Испуганный, как ужасенный, ремень, он кое-как сделал на нем узел и привязал пояс.

И так и знал, что встреча с этим проклятым ишаком не пройдет мимо узничной дороги! – взбешенный Шаба посмотрел

туда, куда в полдень прошла отара. Виной своих сегодняшних неудач он считал встречу с ослом. То, что еще до встречи у него сломалась коса, потерялся серп, а сам он три раза падал, не принималось Шабой в расчет.

Обойдя вокруг арбы, которая, трижды перевернувшись, скатилась с дороги, Шаба обнаружил, что у пестрого вола сломался рог, от чугунного кумгана отвалился носик, а на арбе сломались три спицы. Шаба, не в силах произнести ни слова, долго смотрел на этот страшный разгром. Затем ступившаяся темнота и завывание волка подстегнули его, и он быстро поставил арбу на колеса, загрузил дрова и, выведя волков на дорогу, направился в сторону дома.

– Если доберусь теперь до дома без какой-либо напасти, зарежу годовалого бычка от единственной коровы, сошью мюридов и устрою им обильное угощение, – дал обет Шаба. Ему казалось, что обещание о таком «жертвоприношении» может ему помочь.

Уставший от приключений, голодный, Шаба, у которого сломались коса и топор, потерялся серп, волы съели рубли, пропали чурек и творог, отломился рог у вола и носик у кумгана, задремал и свалился на дрова. Под мерную трясину он крепко заснул.

Ночь была темная. Волы не разбирали дороги. Женщины и дети Шабы, не зная, что с ним, пребывали в сильном беспокойстве. А Шаба крепко спал и видел сны.

Заяц, вышедший ночью полакомиться к дороге, отскочил в сторону, услышав скрип арбы, и волы Шабы, испугавшись, свернули в сторону хребта. Наступила полночь, а волаи, спящего Шабы все еще блуждали, не находя дороги в село. Когда выспавшись, Шаба наконец открыл глаза и, оставив арбу, долго сидел, озираясь по сторонам, не понимая, где он находится, забыв обо всех происшествиях прошедшего дня. Через какое-то время он услышал лай собак вдалеке, различил в двух-трех местах огоньки ламп, поехал в ту сторону, где уже под утро, когда пели петухи, приехал домой.

— И, слышишь, открывай ворота! — зло крикнул Шаб

— Иная, кто это стучится в столь неурочный час, два
Шаб и ласм кинулись на него.

— Как, черт нас побери?! — прикрикнул на них Шаб, и

— Почему, не сомкнувшая в эту ночь глаз, беспокоясь за мужа

каждый раз, услышав лай собак, встретила его со

— Как хорошо, что ты все же догадался вернуться домой,
ты еще немного не задержался?!

Шаб, оказавшемуся после стольких злоключений, нако-
— жена, не понравилась издевка в словах жены.

— Шаб, прокляты семь твоих отцов, не хватало мне еще
— оставив арбу на улице, Шаб кинулся к
— схватил ее за руку, начал избивать. Сбежавшиеся от
— плача проснувшихся детей соседи с трудом успо-
— ривавшегося.

— Оставившие все это время на улице, попытались
— арба опрокинулась в канаву, сломав при этом
— колеса и деревянную ось, и голодным, уставшим
— простоять еще пару часов.

— утренняя солнце постепенно переместилось к

—

— за того, что вернувшийся под утро Шаб посканда-
— Бикалу, колхозники из верхней части Шали
— Шаб косил овсюг на их наделе. Шабу вызва-
— и оштрафовали на десять рублей. Между тем
— привезенных Шабой из леса, не стоили и трех

— пестрым волом, когда он сломал рог,
— Шаб почти месяц не мог его запрячь,
— в полевых работах.

Перевод С. Мусаева

Абузар АЙДАМИРОВ

(1933-2005)

Абузар Айдамиров родился в с. Месты Ножай-Юртовского р-на. Он принадлежит к поколению писателей, чье детство и юность пришлось на годы депортации чеченского народа.

Первые произведения были опубликованы в газете «Знамя труда» (г.Алма-Ата) в 1956 г.

Вернувшись на родину в 1957 г., преподавал в мескетинской школе. В 1963 г. окончил историко-филологический факультет ЧГПИ. Одна за другой вышли его книги «Сердце матери» (1961), «В родных горах» (1962), «Сны в горах» (1963), «Подвиги Генарсолты» (1965), «В нашем доме» (1966), «Именем свободы» (1968).

Событием в чеченской литературе стала трилогия «Долгие ночи», над которой писатель работал более 30 лет. В нее вошли романы «Долгие ночи» (1972), «Молния в горах» (1991) и «Буря» (1999).

В последние годы жизни А. Айдамиров обратился к публицистике, осмысливая трагические события конца XX – начала XXI вв., произошедшие в Чечне. Так, отдельным изданием в 2002 г. вышла его статья «Корни чеченской трагедии».

Им также написана книга мемуаров «Мой жизненный путь».

Многие произведения Абузара Айдамирова переведены на арабский язык, некоторые – на русский.

В день смерти сына

представлю, как бы вели себя люди, если бы знали заранее, принесет им завтрашний день? Не зная этого, они ищут какие-то постоянные блага, как будто собираются на этой земле целую вечность.

Прошел и десяток дней с тех пор, как сердце мое, этот мой ступок мышц, билось спокойно и равномерно, без волнения, без тени тоски. Только десять дней назад я в город, крепко вбивая в землю дубовые колья и став грабовые прутья. К вечеру я закончил работу и, не довольный ее результатом, любовно взглянул на работу, поплевал, чтоб не сглазить. Кто бы мог подумать, что следующим же утром кто-то разрушит эту стену, пробьет в ней такую брешь, через которую свободен арба, запряженная двумя волами? Кто бы мог подумать, что чесночные грядки, за день до этого в поте лица моей старухой, в один миг растопчут и ее мажорандик превратят в площадную твердь?

На сердце было ясно и солнечно, как в летний полдень на небе ни облачка. Все радовало душу и глаз... Ужасно старость. Она-то, конечно, даже слишком напоминала о том, что уже не отойдет от меня и что крепко в своих дряхлых, но цепких руках мой завтрашний день. Даже в зеркало смотреть боязно. Голова-то моя украшенная серебряной пылью. Мои жгучие глаза, в которых давным-давно, когда я и моя старуха были еще десятилетием моложе, останавливался томный взгляд старухи, потускнели и впали. Их окутала пелена, как туман в горном ущелье. Чтобы взглянуть на себя приходится сооружать над ними козырек из ладоней, но лица не радуется. Да и само лицо с каждым днем все углубляется и заостряется, покрывается новыми мор-

щинами. С этим-то ладно, борода как-то еще скрывает следы времени на лице. Только вот лоб... На нем выведен каждый день моей жизни, здесь прожитые годы вырисованы с такой отчетливостью, что буквально кричат о себе. И лоб мой так поразительно похож на каменный чурт¹, изготовленный беспристрастным мастером.

Смерть не за горами. Все и вся каждый божий день свидетельствует об этом. Но я почему-то не жду ее так скоро. Все время откладываю ее визит на завтра, послезавтра, через год или десять лет. И старость свою считаю слишком уж преждевременной. Потому что в жизни моей было много такого, после чего седина, старость и даже смерть никого не удивили бы. С самого рождения горести и беды неотступно следовали за мной, с завидным постоянством сменяя одна другую.

В страшные годы становления советской власти в бою с полчищами Деникина под Цоцан-Юртом в один день погибли мои отец и брат. Потерять в один день отца и брата и остаться одному на этом свете – это, скажу я вам, удар не из легких. Смерть родных от болезни на собственной постели воспринимаешь не так тяжело. А их убили. Никогда не забуду день, когда я добирался домой, положив на арбу, запряженную парой волов, трупы дорогих мне людей, еще вчера таких сильных и здоровых. Но недаром говорится, что нетлучше лекаря, чем время. Если бы время не залечивало раны, нанесенные им же, все люди давно сошли бы с ума. Иные раны оно лечит, награждая человека успехом, удачей, счастливыми подарком, другие же – нет, оглушая несчастного новыми бедами, по сравнению с которыми вчерашнее горе кажется ему ничего не значащим пустяком. Именно это, второе, и произошло со мной. Беды, наваливающиеся на меня одна за другой, как бы стирали в моей душе предыдущие. Пять из семи десяти пяти прожитых мною лет были для меня длиннее и горше пятнадцати тысяч. Когда этот шакал *Гитлар* начал на

Таланну, двое моих сыновей ушли на войну. И оба по-
шли Иван — на берегах Волги, у *Талинграда*, другой — в
горы и в степи, там, где-то далеко, на востоке, возле го-
родов, не помню то ли *Гурбал*, то ли *Харбар*, где когда-то
произошла трагедия на погиб родной брат моего отца. Нет у них
фотографий, для которых я мог бы постоять. Сохранились фото-
графии единственной: оба с офицерскими погонами на плечах,
с орденами и медалями. Письмо командира стар-
шего батальона тот сообщает о его смерти, мы храним до сих
пор. Неожиданное от времени, растрепавшееся от частого
использования, «Заш сын, Алханов Элаха, пал смертью храб-
рой в бою с врагами», — пишет о нем командир. О младшем
сыне письма нет. Кто знает, может, его товарищи или ко-
ллеги и прислали нам тогда... Но мы его не получили.

В эти же военные годы не стало и двух моих дочерей.
Первая была уже замужем, вторая жила с нами. Их кости тоже
лежат в чуждой земле, в киргизских горах.

И наши две старухой остались с единственным сыном.
Старуха говорит: «У кого было двое сыновей — остался один,
у кого был один — ни одного». Но я и старуха благодарим
его за то, что он оставил нам хотя бы его. Ведь Всевышний,
создавший у нас других четверых детей, волен лишить нас и
последнего.

Правда. Оно делает свое дело. Потихоньку оно залечило
раны в войнах измученных сердцах. Правда, остались шра-
мы, которые вызывали страшную боль от малейшего при-
косновения. Долгие дни и ночи провела моя старуха, проли-
вая старческие слезы втайне от нас. Но со временем и их стало
меньше. Чем больше времени проходит со дня смерти чело-
века, тем меньше живые вспоминают о нем. Каждый божий
день добавляет между ними новый клин, все дальше отодви-
вая друг от друга. Но, с другой стороны, каждый уходящий
человек все больше подводит живых к мертвым.

Я сделал то же, что делает каждый оставшийся в живых. Вернувшись на родину, первым делом привел в порядок гильные холмы отца и брата, подправил покосившиеся кресты. У дороги на кладбище установил четыре чурга в память о детях, оставшихся лежать в чужой земле. Я собственными руками отлил их из бетона, а Умха надписал. Там стоит длинный ряд таких чуртов. Прохожие читают над ними молитвы. Правда, в последнее время все меньше людей делает это. Нынче мало кто думает об умерших и о смерти. Каждый живет как угорелый, пытаюсь схватить этот мир за хвост. Рассказывающий вам эту историю, в первую очередь.

С самого своего рождения я только тем и занимаюсь, пытаюсь не голодать, не мерзнуть, другими словами, пытаюсь не умереть, цепляюсь за эту жизнь. Ну не хочется умирать, и ты ищешь повод, чтобы прожить еще хотя бы день. Сначала я лелеял мечту дожить до того времени, когда вырастет и женится сын, чтобы увидеть внуков, продолжить телей моего гаснущего рода. Потом я жил только стремлением вернуться на родину, чтобы хотя бы разок увидеть могилы отцов, места, где я играл в детстве. После этого, думать о смерти было бы и страшно. Аллах милосерден, Он не обидит нас за нашу непокорность. Все мои желания исполняются, но все равно я не хотел покидать этот мир. Мне хотелось прожить до свадьбы старшего внука; поныть его детей.

Такова уж человеческая натура. Как бы трудно ни пришлось, какие бы беды ни терзали, человек не хочет покинуть этот мир навсегда, страстно желает прожить еще хотя бы день. Даже если он прикован к постели смертельным недугом, продолжает взывать одними глазами, когда язык уже не в состоянии двигаться. Но никто, и я в том числе, не задумывается о том, что же принесет ему земное завтра, за которое он так цепляется: наградит его радостными мгновениями или обожжет новыми слезами. А когда следующие один за другим дни загоняют его в угол, человек начинает жалеть.

...страшных минут, но это продолжается всего несколько дней. Вскоре рана заживает, возвращается к жизни, человек пускается в погоню за мирскими делами.

Несмотря на множество страшных испытаний, выпавших на мою долю, я был доволен своей жизнью. Конечно, иногда раны наносили она моему сердцу. Иногда самому себе я представлял в своем воображении чинары, у которой кто-то срубил ствол, и она умирает стоя. Жизнь же поддерживается только единственной веткой. И веткой этой был Умха. А пять сыновей и одна дочка являлись молодыми отростками, развивающимися от этой единственной ветки. Сознание, что после меня на земле будут жить шестеро мужчин — шестеро сыновей, наполняло мое сердце гордостью. «Сын и сын — вот богатство! У них вырастут свои сыновья! Нет, Алха не богатство (ветвь леда!)» — думал я, глядя на них. Но пока все мои надежды и уверенность в будущем заключались именно в этом. Почему он прикроет веки моих глаз, когда я в последний раз брошу гаснущий взгляд на этот старый, обветшавший мир? Когда будут обмывать мое дряхлое тело, именно он будет наливать чистую воду, именно Умха завернет меня в белый холщовый балаган. Он подставит плечо под носилки, когда я буду пробовать в последний путь, он уложит меня в гробовый саркофаг. Он поставит у моего изголовья чурт, он будет оберегать от злободушования. Он будет посещать мою могилу в одиночку и в сопровождении пяти сыновей, и тропа к моей могиле никогда не зарастет. А потом, в один печальный день, к его принесут сыновья на кладбище, и рядом с моим холмом вырастет еще один.

... Каждый должен проделать этот путь в один конец. Никто не избежит этого. Никто...

... Все было хорошо, все. И достатком Аллах наградил нас. Но если бы можно было бы крикнуть: «Все! Этого вполне достаточно!» — если бы жадность человеческая имела хоть какие-

то пределы. Но кто, скажите мне, кто из тех, кто жил на этой земле до сих пор, произнес такие слова? И кто проигнорирует в будущем? Не было человека, который ушел из этого мира довольный своим достатком, какими бы богатствами и властью он ни обладал. По сравнению с тем, чем я располагал в прошлом, жизнь мою можно было назвать поистине кинорожкой. Умха построил два дома: небольшой уютный домик для меня и моей старухи и большой дом для своей семьи. В саду стояли коровы и с десяток овец. В доме про запас всегда было несколько мешков муки. Все одеты и обуты во все красивое. Земной рай! Жизнь людей стала сытой, обеспеченной! Но достаток — это отнюдь не единственное условие человеческого счастья. Хотя, конечно, на какое-то время он захватывает человека, вселяет в его сердце гордость. Сегодня много детей, дорогие тебе люди рядом с тобой. Ты богат, доволен жизнью. Счастье кружится в танце перед тобой. Упоенный своим успехом, ты не замечаешь рядом с собой детей, оставшихся сиротами после гибели родителей, вдову, похоронившую всю свою семью и вернувшуюся в холодный, как мрамор, и пустой, как мечеть, дом. Не замечаешь старика, которого тоже совсем недавно ласкала обманчивая жизнь, но сегодня, на склоне лет, он остался один, разлученный жестокой смертью со всеми родными.

Что делать?.. Счастье не задерживается в одном доме и долго. А вслед за ним неизменно спешит горе, и потому всегда в этом мире за смехом следуют слезы. Но почему-то никто не хочет задумываться над этим в минуты, когда жизнь поворачивается к нему лицом.

Я никогда не смел даже надеяться на то, что когда-нибудь в моей жизни будут такие радостные дни. Больше всего меня радовали благородный характер и кроткий нрав Умхи, его преданность родителям и семье. Никогда за всю жизнь он не произнес ни одного слова поперек моей воли. Был исключительно заботливым сыном для родителей и отцом для де-

... с предельной педантичностью, с пятнадцатилетнего возраста... религиозные обряды, остерегался недозво-... принесил только то, что заработано честным... утром вставал, совершал молитву, собирал себе... и уходил в поле на своем тракторе. Возвра-... первыми сумерками. И так почти каждый день... двадцати лет. Пять лет назад купил мо-... лучший. Черный, как ворон. Ухаживал за ним, ... конем. Каждый вечер мыл его, как бы... вытирали, вытирал сухой тряпкой. После ут-... крутился вокруг него, подтягивал все... смазывал детали. Десять дней назад он... раз...

Несколько дней провозившись с изгородью, я вернулся в дом, ... послеполуденную молитву. Попросил ста-... прополку и собрать на стол обед. Совер-... обязательные и рекомендуемые молитвы, я... сел на нары. Старуха тоже совершила... у печи во дворе.

... останется в памяти. Село, целый день... в дремоте, потихоньку начало просы-... мычание возвращающихся с пастбищ ко-... и наша Тайша. Где-то на крыше... было подумать, что его разрывают попо-... лаил щенок, которого дети притащили... назад. Видимо, ему не давал покоя коша-... Вспугнувшийся с телятами внук прогнал кота, пре-... этот спор.

... перебрать и пятидесяти бусинок на четках, ... ко сну. Приятный прохладный вете-... и открытое окно, и легкий шорох листьев... растущего у самого дома, еще больше усып-... слышалась возня старухи, готовящей... четки выпали из моих рук.

Что только не привиделось мне в эти несколько минут пока я находился во власти сна. Сначала, что я потерял единственный коренной зуб, который задержался во рту и одиночестве, словно наказание небесное. Зуб я выплюнул вместе со слюной, без всякой боли. Почему-то каждый, кто смотрел на этот зуб, заходился в диком вопле. Плакали моя старуха сноха, внуки. Я пытался их успокоить, то лаская, то ругая. «Это всего лишь зуб, – говорил я, – он только мешал мне». Потихоньку собрались люди. В нашем дворе установилась какая-то неразбериха, которая не походила ни на похороны, ни тем более на свадьбу.

Почему-то во всем этом переполохе я никак не мог найти Умху. Его нигде не было. В конце концов, уступая уголкам собравшихся, я вошел в дом и увидел сына, завернутого в саван, с все еще открытым лицом. Разбитая голова, застывшая на лице кровь, остекленевшие голубые глаза, оставившиеся в диком взгляде...

– Умха! – закричал я и тут же проснулся, оглушенный собственным криком.

Я вскочил с нар. В комнате было довольно темно. Мои старые, слепнущие глаза уже не могли различать окружающие меня предметы. С огромным облегчением осознав, что привидевшиеся мне ужасы были всего лишь сном, я сделал попытку вздохнуть, но острая боль под сердцем заставила меня согнуться вдвойне. Я ухватился за грудь и, словно рыба, выброшенная волной на берег, стал ловить ртом жидкий воздух. Через какое-то время боль отступила, и наконец-то смог перевести дух. Мое старое сердце, минуту назад казавшееся неподвижным, забилось в бешеном ритме. Но какая-то непонятная тревога, предчувствие беды не покидали меня, стискивая еще больше грудь.

В надежде на то, что меня успокоит свежий вечерний воздух, я медленно встал и, держась за стену, добрался до двери.

Ты один разом шука, моя старуха разрежала только что испеченные *булочки*. Вокруг лампы, горящей над ними, кружились бабочки. Наш щенок-найденыш лежал у двери, попирая лапой на дырчатый косяк и высунув длинный красный язык. Он только ожидал своей порции старушкиного блюда.

— Ты слышишь, поешь или тебе занести? — спросила старуха, обернувшись.

Я не могла ответить. К калитке тихо подъехала голубая машина. Из нее вышел наш односельчанин Биалал, старик с седыми волосами, в сопровождении какого-то незнакомо-го человека.

— *Алейкум*! Пусть милость Аллаха никогда не покинет ваш дом! — произнес Биалал, войдя во двор и остановившись передо мной. — Доброго вам вечера, Халипат!

— *Ва алейкум салам*, Биалал! Да будет ваш приход мирным — ответил я на приветствие. — Да возблагодарит вас Аллах. Как хорошо, что вы пришли. Моя старуха испекла изумительные *булочки*, вам они понравятся!

— Спасибо, Алха, к сожалению, у нас мало времени, — ответил Биалал. — Давайте-ка войдем в дом. Как поживаете? Какие болезни не сильно донимают? Внуки здоровы?

— Спасибо Всевышнему, все хорошо. И внуки здоровы. Что нового у вас? Как поживает Зерент?

— Милостью Аллаха пока живы-здоровы. Ну, мы зайдем, спасибо.

— Да, заходите, я занесу поесть.

— Нет, вы у радостной вестью явились они ко мне!» — поспешно и беспомощно свой сон. Растерянное молчание Биалала, только что такого разговорчивого, еще более усилило мои переживания.

— Алха, у нас не так много времени, — глухо произнес Биалал, чуть подумав, добавил: — Чтобы наставлять кого-то, надо быть мудрее него, а терпения и стойкости у тебя больше, чем у него бы то ни было. Ты больше нас пожил на этом

свете, Алха, повидал на своем веку немало горя, но и видел для нас примером стойкости и мужества, поэтому нам не стоило покаивать тебя...

«И начало не предвещает ничего хорошего. Что же случилось?» — думал я.

— Умха немного пострадал. Он попал в аварию, съехал с мотона на своем мотоцикле с машиной. Его положили в районную больницу. Чувствует себя хорошо, даст Аллах, через недельку поправится. Мы решили, что будет лучше, если ты узнаешь об этом от нас. Сообщи Халипат о случившемся, скажи, что опасности нет, и оденься. Поедем, навестим его.

От этой новости перед моими глазами все закружилось. Дальнейшие слова Билала я уже не слышал. Злобный крик не выходил у меня из головы. Последний зуб, выпавший из рта. Толпа народа у меня во дворе. Плачущие старухи и сироты. Орущие дети. Умха с разбитой головой, завернутый в саван...

«Нет, чтобы вы ни говорили, Умхи нет в живых, он унеслось у меня в голове. — Нет его уже...»

— Люди и болеют, и умирают, Билал, и в авариях попадают. Такова жизнь. Через это проходили и пройдут все. Нам не суждено избежать этого... Мне очень хотелось, чтобы он пережил меня. Хватило бы и того, что я перенес ранение. Но Всевышнему видней...

— Все не так, Алха, все не так, — скороговоркой шептала Билал, пряча от меня глаза. — Я же говорю тебе, пока Умха чувствует себя хорошо. Ничего опасного для его жизни нет. Вот Хамид только что оттуда. Я бы не стал скрывать от тебя правду. Что делать, Алха, есть у жизни и такие стороны. У каждого есть свое горе — у кого больше, у кого меньше.

Я стал одеваться. Первым делом натянул на ноги тапочки. Оделся в черкеску из черного сукна и в белый бешмет, обшитый салсалярем, с ремнем с висящим на нем кинжалом и огляделся на подушки, лежавшей на железной кровати, взял каракул и

...страшную мне сыном месяц назад. Долго гладил
руки у переплетенным локонам, не торопясь надеть на себя.
...стоющие, гости молчали.

...сообщили эту страшную новость, – думал я,
...указать это старухе матери? В ней же и так жизнь
...на тоненьком волоске. Она же, несчастная,
...бесконечными бедами...»

...жену в дом, решив тут же открыть ей страшную
...Но, чуть подумав, отказался от этой мысли: «Услы-
...вести, она не сможет удержать слез и крика боли.
...мне нельзя будет как-то утешить ее. Как
...больницу, оставив ее одну с такой раной в серд-
...выйти к ней и мягко намекнуть...»

...Умху увезли в больницу, – произнес я как можно
...выглядеть беззаботным. – Ничего страш-
...погу и отпустят домой...

...трудно обмануть материнское сердце! Оно же
...связано с сердцами детей. Малейшая
...отзывается в сердце матери, как бы далеко
...от нее, даже если никто ничего не сооб-

...старухи не вырвался ни один стон, глаза ее ос-
...судими. Внезапный пожар в груди сушит всякие

...знала я... что-то случилось... – произнесла
...голосом. – Но боялась... боялась сказать тебе...

...дрожала, как в лихорадке. Губы тут же
...Мальчики перестали есть и уставились на меня.

...ничего страшного не произошло, – пы-
...ее. – Сохраняй спокойствие. Сообщи Хеде,
...дворах. Когда Умха вернется, люди нач-
...его. Будь мужественной. Ничего еще не случи-
...разве мы с тобой имеем право

* * *

Да-да, все было хорошо до этого самого дня.

Заходя в этот вечер в дом, я не мог даже предположить, что в оставшиеся годы моей жизни (а их могло быть не больше десяти) сердце мое получит еще один страшный удар.

Ровно в полночь Умха скончался. Он был сбит грузовиком, за рулем которого сидел пьяный до бесчувствия по-

* * *

Смерть всегда верна себе. Она вдруг появляется в определенное ею самой время и, словно коршун цыпленка, хватит и уносит человека в небытие. И не важно, богат он или беден, к какому клану или сословию принадлежит, силен, как физический нарт, или слаб и бессилён, как новорожденный последний попрошайка или всесильный падишах! И не важно, спешит она, готов человек к встрече с ней или откладывает встречу потом. Не спешит к человеку, когда он просит ее в гости и не отстает, когда он бежит от нее.

Умха являлся опорой, фундаментом нашего дома. Утром час не стало этой опоры. Я получил последнюю, уже смертельную рану. Все вокруг напоминает о недавних похоронах. Люди, собиравшиеся у меня во дворе с благородным намерением, чтобы желанием хоть как-то облегчить мою боль, сами виноваты, зная, еще более разворошили мою рану. Из новых приобретенных Умхой для строящегося хлева, соорудили скамейки, подложив под них чурбаки. Скамейки стояли по кругу. По центру сидели ближайшие родственники усопшего: справа – старики, слева – готовящиеся стать стариками.

Машины, мотоциклы или лошади, на которых приехали люди, останавливались метрах в ста от нашего двора. Оттуда они подходили уже пешком, длинной чередой, одна стараясь опередить друг друга: мужчины – сюда, женщины – во двор сына.

они шли через проем в изгороди, сооруженной
идти назад с такой любовью, с таким стара-
чая чесночные грядки моей старухи.

В дни моей молодости, люди подходили к род-
ственно умершего большими группами во главе с наибо-
льшими по группам, вместе читали доа², выражали собо-
родственникам, выстроившимся в
и молча отходили в сторону. Кто-то, чье
было необходимым, оставался, другие же, вы-
образом свою миссию, уходили. Именно та-
обычай.

Всего не изменилось. Ведь неизменным в этом мире
ничто, кроме зла. Обычай и традиции тоже с те-
старятся, изнашиваются, превращаются в
ветер разносит их, словно мертвый пепел.
для меня поставили мягкий стул, словно ка-
на свадьбе. Как будто у меня было время,
тоже, сидеть на нем. Всю эту неделю я провел
и провожая продолжающих прибывать

группа. Впереди идет самый старший. Он ос-
за собой людей перед старцами, си-
подвергнут.

Прочтите доа.

руки. Мулла или кто-то из стариков чи-
слух. Кое-где слышится:

Аллах!

Аминь!

о Аллах!

Аллах!

руками по лицу, старший из прибывших вопро-
смотрит по сторонам. Он ищет того, кто принима-
указывает посохом в

– Вон тот!

Другой подзывает:

– Сюда, идите сюда!

Многие незнакомы со мной лично. Но каждый своим долгом лично выразить мне свои соболезнования. Приходят мои дальние родственники, родственники родственников, родственники наших женщин, друзья и знакомые Умхи, их родственники. Все они подходят ко мне:

– Да смилостивится над ним Аллах...

– Да вознаградит его Аллах раем...

– Что делать, не мы властны над жизнью и смертью...

– И жизнь, и смерть от Аллаха... Все в Его власти...

– Все мы должны пройти через это... Умха немной редел нас...

– Все мы стоим в очереди на тот свет...

– Счастлив тот, кто уходит раньше...

После этого здесь устанавливается самый настоящий заупокойный порядок. Доа и соболезнования заканчиваются, и все начинается с приветствия прибывших. Те же, ведомые своим старшим, выстраиваются вдоль длинного ряда, справляясь друг у друга о здоровье и житье-бытье. Ладно еще, здоровались бы только и разошлись. Так нет же, обнимаются направо и налево, чуть ли не целуются.

– Добро пожаловать!

– Спасибо!

– О! Хамзат, неужели ты?!

– Я! Конечно, я!

– Ассалам алейкум!

– Ва алейкум салам!

– Да будет мирным твой приход!

– Житье-бытье?

– Вы-то как?

– Милостью Аллаха!

– Как поживает Ханкаш и его семейство?

Почему в вами нет *Къосама*?

— Ты не стареешь, будто только вчера справил пятнадцатилетие!

— Да и ты с каждым днем молодеешь.

— Молодею, присаживайтесь!

— Присаживайте с нами немного, долго задерживать вас не

будет, ты садись сюда!

— Нет нет, пусть куда сядет Азим!

— Нет садись ты, Жунид!

Вот вздорный шум наконец-то затихает. После всех обидных забываний старики усаживаются, каждый рядом со своим стариком, молодежь же отходит в сторону, чтобы присесть к ровесникам, молча стоящим чуть поодаль.

После забываний меня уже никто не замечает. И никто до меня никакого дела. Каждый спешит поделиться своими новостями, считая, видимо, что его полусшепот никто не знает. Но этот многоголосый полусшепот создает какой-то глухой гул. О чем только здесь ни говорят: и о военных приключениях в дни своей молодости, и о том, что происходило и происходит в мире, и даже о событиях или когда-то кражах. О последних почему-то без всякого сожаления, даже с какой-то, если хотите, бравадой. Общественные дела села (сенокосы и пахота, ремонт мостов и дорог), жертвоприношения, женитьбы, разводы, нравы людей. Но больше всех, конечно же, раздражает молодежь. Стариков раздражают длинные волосы молодых людей, до неприличия облегающие штаны, короткая юбка девушек, их непокрытые головы, чрезмерное употребление вешетикой.

Молодежь отошла от наших обычаев, — покачивают старшие головы, — Ходят с обнаженными головами, с длинными гривами, в рубашках почти без рукавов. И ни намаза у них, ни шариата! Курят и пьют на глазах у старших.

– А девушки?! – встревает другой. – Голые руки и на голове сооружают какую-то башню и обматывают какой-то тряпкой! И платья на них не из ткани, а из капроновых сетки, которая ничуть не прикрывает тела.

– Да, близится конец света...

Чтобы прекратить эти неуместные на похоронах разговоры, кто-то рассудительно произносит:

– Люди, давайте прекратим этот шум! Лучше пропьем по сто «Кьулх» и «Салават» и совершим доа.

Но проходит всего несколько минут, и прежние разговоры возобновляются. Одни приходят, другие уходят. Прострствия, прощания, рукопожатия, обнимания... Даже на похоронах такое не всегда уместно.

Разве эти старики, собравшиеся здесь и ведущие беседы мирские и, извините за прямоту, мелочные, недостойные беседы, разве они, говорю я вам, имеют моральное право критиковать молодежь? На похоронах в нашем селе собираются старики в возрасте семидесяти-восемидесяти лет. Каждый считает себя праведником и готов вынести на суд любого, кто усомнится в святости. Но посмотрите на них! Разве старый человек не обязан осознавать свой возраст и вести себя соответственно? А эти?! Бритые, стриженные до пижонства усами. В макинтошах и туфлях в шляпах или пестрых тубетейках...

В дни моей молодости старики были совсем другие. Эх, какими же они были *кьонахами*³! Могучие, как чинары и стройные, как тополя. С белоснежными бородами, с длинными, закрученными вверх усами. Здоровые и румяные, как налившиеся яблоки. В бешметах, застегнутых на все пуговицы, в черкесках из дмотканого сукна, обшитых чеченским поясом с висящим на нем кинжалом лучинки, в жейниках, в крепко надвинутых на голову папахах (челма). Слушая их мудрые речи, любой молодой человек с завистью

...иногда. Когда я постарею, стану таким же, как и

...иногда находить единственные нужные слова, что-то такое, дух человека, в дом которого вторглась беда. Иногда старших и мудрых, как седые горы, израненное сердце человека успокаивалось. Собираясь на чье-то торжество, старики усаживались в сторонке или на кровле на обильных специально для них снопах кукурузы и отсюда наблюдали за происходящим. Изредка чтобы поддержать веселье, сами пускались в лихой танец. Молодежь не смел даже думать о том, что старикам или пести себя недостойно.

...иногда обичаев я просто не понимаю. Ни один старик никогда не подходит к свадьбе. Говорят, это грешно. И старикам отпустить – тоже грех. Почему же это не было так раньше, когда ислам у нас был намного сильнее, чем сейчас? За его соблюдением следили знаменитые чужеземцы, широко известные не только на родине, но и в Мекке, Медине, Стамбуле?

...иногда Билал позвал меня в дом, чтобы я в последнюю минуту пошел на Умху. Стараясь изо всех сил сдерживать душевную боль, я последовал за ним к калитке. Тут же у порога у нашего дома уже не было. Я думал, надеялся, что если от него закроют мой склеп. Но как же жестоко я ошибся! Из красной сердцевины уложенных в ряд досок выскочили капли эти блестели на ярком солнце. Тут же лежал какой-то камень, на котором кто-то уже вывел имя Умхи. Я уже готовясь к отходу на тот свет и полагая, что произойдет это в самый неожиданный момент, я успел у мастера два чурта для себя и своей старухи. Когда мастер узнал об этом, Умха попытался заказать чурт и себе. Но старухой не захотели и слышать об этом. Он ведь столько выдал еще долго... А сейчас ему достался этот грубый,

бесформенный камень вместо отлитого в строгих формах чурта.

Между прочим, хотя это и не к месту, нынешние говорят, что чурт умершему вообще не нужен. По их мнению, усопшему красота чурта ни к чему: чем меньше и уродливее надмогильный камень, тем лучше. Лучше на эти деньги выпить какую-нибудь скотинку и справить поминки, позвать к себе стариков, и пусть они там поминают Аллаха. А на предложение, что у изголовий всех шейхов и святых стоят огромные красочные чурты, а над их могилами построены красивые дворцы, муллы отвечают:

– За это они сами ответят.

В саду под огромным ореховым деревом были разложены небольшие куски мяса забитой еще утром коровы Умха. До выноса тела их следовало раздать по селу в каждой семье, чтобы милостыня уже ждала усопшего на том свете.

Оставшуюся телку забьют в следующую пятницу. В доме соберутся старики, чтобы помянуть усопшего, прочитать аяты из Корана.

Не знаю почему, но сердце мое все еще не верило в то, что я никогда более не увижу сына живым. Похороны, горький плач, собравшиеся люди – все это казалось мне каким-то кошмаром, который улетучится, стоит мне открыть глаза. «Как же возможно, – думал я, – потерять последнюю опору на старости лет?! Как же смириться с тем, что сломалась последняя ветка на моем иссушенном временем и горестями древе? Сердце отказывалось верить в это. Казалось, стоит мне войти в дом и навстречу мне, как всегда, выйдет Умха со словами: «Это ты, дада⁴, заходи!» Но реальность была неумолима. Я знал, что Умхи уже нет. Ведь прошлой ночью, когда жестокая смерть безжалостно терзала его, именно я клал на потрескавшиеся губы смоченную в холодной воде вату. Именно я собственной рукой прикрыл его глаза, своим носовым платком подвязал его челюсть.

Возле изголовья лежала его голова, перевязанная белыми платками с проступающими на них красными пятнами. Мать и моя старуха провели, беззвучно рыдая, последние часы его тела, уложенного на кровати, словно спящего, восточной рукой молодая чинара.

— Это жестокая явь. Явь!

Вокруг Умхи был заполнен женщинами — старыми и молодыми, и шарах с обшуренными уголками или в больших платках сидели, другие стояли. Многие тихо переговаривались между собой.

Мать не знал, о чем они шепчутся. В таких местах разговоры одно и то же. Только имена произносились

иногда тихо, как рано они осиротели...

— Потерять мужа в самом расцвете сил...

— Как же теперь поднимать детей...

— Там и Халишат стары, и у умершего не осталось

Мать не знала, какой это для них удар! Потеря сына на старости лет, когда ты почти прикончила жизнь...

— Умхи был хороший человек! Святая душа...

Мать тоже перечеисляют все хорошее, что он когда-либо делал как лично и для людей вообще, все его благородство, где и когда они видели его в последний раз, и какие-то привиделись и которые однозначно указывали на его несчастье. После этого переходят на сплетни: кто и за кого вышла замуж, кого прогнал недовольный

Умхи можно узнать все обо всех: и как тот или иной человек обходится, живет ли в согласии та или иная семья — как они грызутся между собой, у кого сколько кур и сколько молока они несут, сколько молока дает соседская корова, сколько стоила та или иная без-

делушка в последний базарный день. Обсуждается и соседок и их домашняя утварь.

Завидев меня у калитки, женщины перестали шептаться. Их взгляды остановились на мне. Кое у кого вырвался вскрик. Когда же дочка Умхи с диким криком: «Дада!» — бросилась ко мне, все зарыдали. Несчастливая моя *Маьлхаш!* За одну минуту она похудела, превратившись в тростиночку. Куда-то исчез ее веселый, звонкий голос. Из груди вырывались лишь жалкие всхлипы, но слез не было. Они кончились. Ее виноватое лицо и беспомощные глаза, ищущие помощи, заставили дрогнуть мое сердце. Она не была самой младшей в семье, но ее я жалел больше всех. Наверное, потому, что она была единственной девочкой. Мальчишки-то как-то пробились на дорогу. Девочка же без отца или матери всегда несчастна.

В чуть затемненной комнате на нарах лежало тело. Голова была перевязана чистой марлей, тело до самой бородки покрывало одеяло. На его щеках все еще горели раны. Казалось, жизнь все еще была ключом в этом теле. Открытые глаза вот-вот откроются и Умха пробудится. Рядом сидела моя старуха. Укутавшись в шаль, как бы выходящая от преследующего ее горя, скрючившаяся, беспомощная, глубоко несчастная мать провела в этой позе много времени, не отводя от лица сына печальных глаз, время от времени вытирая уголком шали сочившиеся из глаз слезы.

Эх, Халипат, Халипат! Когда же нам плакать и рыдать, если не сегодня?! Чеченцу нельзя показывать слез. Он не плачет никогда, какое бы страшное горе на него ни обрушивалось. Что есть я по сравнению с теми великими дядями, закаленными суровыми кавказскими горами и такими испытаниями, преследовавшими их на протяжении многих веков?! Что есть я по сравнению с ними?! Но я обязан быть стойким, и я держусь. А ты? Ты-то всего лишь женщина. Почему же люди осуждают тебя, женщину, если в смерти собственного ребенка ты даешь волю чувствам?

...как тебе тяжело, вижу, что это горе отнимает у тебя... как оно разорвало последнюю тоненькую... тебя с этой жизнью... Когда же, когда тебе... сегодня, когда навсегда прощаешься с... которого девять месяцев носила под серд... которого просиживала долгие ночи, бо... Для тебя он оставался ребенком, даже... у него появились собственные дети, по...

...плакать мне, если не сегодня?! Когда... сына, опору мою и надежду, когда... с поселившейся в моем теле старчес...

...Все эти люди, пришедшие сегодня к... к своим детям. Беда, остающаяся... Мы же с тобой останем... Тогда мы дадим волю сво... Потом уже будут плакать по нам... Но нам уже некому проливать горьких

* * *

...чтобы вынести его... Но ноги не слушались меня. Силы... тело мое отказывалось идти впе... кто-то тянул его назад. В конце концов, мне... Простояв некоторое время у калит...

...мне самому хотелось держать сына за... когда его станут выносить. Кто сделал бы... чем я? Но, с другой стороны, я не был уве... сердце выдержит такое испытание. ...быстрым шагом прошли двое молодых лю... в руках. Через минуту-другую во-

семь человек станут у веранды. На их плечах будут покрывшиеся усталыми пестрым войлочным ковром, с подушкой на одном конце. Весь народ собрался уже возле носилок. Женщины и мужчины. Когда ногами вперед вынесут тело и уложат его на носилки, среди женщин начнется плач. Билал утешит их (одних ласковым словом, на других прикрикнет) и не будет задавать традиционные в таких случаях вопросы.

– Люди, что за человек был этот Умха?

– Хорошим был человеком, – ответят все.

– Вы все свидетельствуете о том, что он был хорошим человеком?

– Да, свидетельствуем, во имя Аллаха!

– Если здесь есть человек, которому Умха со зла или неосознанно нанес какую-нибудь обиду, пусть он простит покойного.

– Он никому не сделал ничего дурного!

– Мы прощаем ему, во имя Аллаха!

Но тяжелее всего было для меня всегда наблюдать за тем, что следует за выносом носилок. Даже когда это происходило у кого-то другого. Крики и причитания бегущих за прощанием женщин, грубые голоса мужчин, пытающихся их утихомирить. Рвущая на себе волосы или упавшая без чувств женщина или дочь покойного. Мужчине нужно иметь крепкое сердце, чтобы не заплакать в этот момент. У Умхи не было ни сестер, ни теток, чтобы долгими рыданиями проводить его в последний путь. Но, видя плачущих детей, особенно маленькую *Майлхаш*, я боялся, что и сам могу не выдержать.

Я зашагал по дороге к кладбищу, чтобы не видеть в последние и самых тяжелых минут. Но, как я ни спешил, быстрые ноги не смогли отнести меня достаточно далеко. Мне пришлось слышать вопросы Билала, рыдания женщин и истошные крики внуков, острым клинком пронзавшие мое сердце. А особенно пронзительный голос несчастной *Майлхаш*, выделявшийся среди остальных.

...он уранил меня. Муки и боль, которые я до сих пор ощущаю в своей груди, острым комом застряли в гортани. Этот ком буквально душил меня. Я крепко зажал уши. Загнал этот тяжелый ком обратно в глаза, чтобы из них не хлынули слезы. Говорю себе и часто дважды: в детстве и в старости. Именно тогда у него нет сил противиться слезам. «Видимо, он не видит, но не видит ли меня кто-нибудь?» – подумываю по сторонам. Но разве я в состоянии был видеть? Уже полуслепые глаза были застланы слезами.

...и откуда пошел этот обычай собирать женщин на кладбище, наполнив двор и дом, голосят во все горло, кричат горе близких умершего?! Ладно еще, приходят они в сочувствия к ним. Так ведь нет. Эти сборища – не ритуалом, данью какой-то непонятной и древней традиции. А приходят-то они и на следующий день, и на следующий. А посмотришь на них издали, когда они еще не дошли до места, и ни за что скажешь, что идут они на похороны. Рассказывают друг другу анекдоты, шутят, смеются, обсуждают браки и разводы. Когда приближаются к месту, надвигают на глаза платки, вытирают их уголки к глазам и нехотя начинают рыдать.

...и если кто-то удастся более или менее придержать слезы, по пути домой или где-нибудь при встрече дают

...и то не пропадут, через год-другой повзрослеют и

...первого января...

...говоришь, что *хьенех*⁵ живет в достатке...

...особенного у них я не увидела...

...на стене ковер на стене...

- И печка какая-то облезлая...
- А стены? Все в саже!
- А потолок видели? Весь в паутинах!
- Одеяло, которым был укрыт умерший? Самое деш...
- А подушка... В грязной наволочке!

После этого начинают перечислять недостающие предметы отсутствующих.

Правильно пишут иные мудрые в своих завещаниях, чтобы бы на их похоронах не устраивали этот коллективный концерт. Я тоже впишу такую строчку в свое завещание. Обязательно.

Когда процессия стала удаляться в сторону кладбища, церковные причитания утихли. В этой неожиданно установившейся тишине все отчетливее слышался глухой топот приближающихся людей, провожающих Умху в последний путь.

Но эту печальную тишину нарушила автомашина, мчавшая в село через южную дорогу. Из салона на всю округу разносилась веселая лезгинка, слышалась барабанная дробь и радостные возгласы людей, до отказа заполнивших кабину. Где-то в нижнем квартале раздался сухой хлопок ружейного выстрела.

С одной стороны из села выходит печальная похоронная процессия, с другой стороны в село въезжает веселая свадебная процессия. Ко мне сегодняшний день жесток, другим же людям улыбается. Мое сердце сжимают тиски невыразимой боли, а у других же сердца танцуют, опьяненные счастьем. И эта веселая природа ласкает их, и золотое солнце улыбается им. И в моей же душе установилась вечная морозная зима. Забыл обо всем, придавленном горем, словно мельничным жерноном, где-то недалеко кто-то палит из ружья, боясь, видимо, что они еще знают о его счастье. Неужели они не понимают, что каждый звук этого веселья буквально разрывает мое сердце, каждая пуля, выпущенная ими в воздух, пробивает мое сердце, обжигая его?

успокоить и усопшему — один из лучших обычаев нашего народа. Этот обычай запрещал играть в селе свадьбу, проводить вечеринку, баловаться оружием в течение определенного периода после смерти сельчанина. Нельзя было проезжать мимо дома близких родственников усопшего и обязательно каждого постараться облегчить боль. Когда там постучалась беда, разделить их горе, подбодрить и помочь.

Скорее же, неправомерно будет сказать, что обычай календарно не имеет или что-то запрещает. Ведь обычай — это не закон, принятый каким-нибудь падишахом и строго обязательный для всех. Обычаи не издаются царями или властью. Обычаи создаются самим народом. Они живут тысячами лет, переходят от поколения к поколению, и живут до тех пор, пока народ не создаст что-то лучшее или неблагоприятные условия не забудут их. Что же сейчас? На одном конце деревни забитого села хоронят человека, на другом — проводят вечеринку! А если ты возмутишься этим, в ответ тебе обязательно скажут: «Что же теперь, если кто-то умер, всем надо в траур?»

Скорее же, я не призываю всех ходить в вечном трауре, превратившись в небритых и нестриженных дикарей с длинными волосами. Но, когда умирает такой же человек, такой же, который так же любил свою семью, родных, близких, труд, словом, весь этот мир, разве плохо, если все эти люди из уважения к усопшему воздержатся от проведения вечеринки? Можно же свадьбу или вечеринку отложить на несколько дней, хотя бы для того, чтобы не наносить оскорблений тем людям, потерявшим близкого человека! Ведь сострадание, участие, готовность разделить горе ближнего — это не что-то новое, это всегда было, есть и будет первыми принципами человечности.

А теперь я, потерявший последнего сына, и дети, потерявшие отца, горим в огне этого безмерного горя, а эти люди

с шумом и гамом въезжают в село, чтобы сыграть свадьбу. Может, они и не стали бы делать этого, если бы знали, что здесь похороны. Именно для того, чтобы не допустить такую ошибку, и спешивались наши предки, прежде чем вступить в чужое село.

Разве плохо было бы, если бы эти люди проехали через чужое село тихо, без шума и гама?

А эти люди, пришедшие на кладбище? Они уложат носилки с телом Умхи рядом с могилой и разбредутся по кладбищу к могилам своих родных и близких, станут читать там молитвы. Почему сегодня, в день моего горя? Разве нельзя было посетить их в другие дни? Другие вернутся с кладбища и пойдут куда-нибудь пьянствовать. Человек, который только что приносил мне соболезнования, клянясь, что смерть моего сына и для него стала тяжелым ударом, через день пойдет бродить по селу, еле держась на ногах от выпитого спиртного...

Прошлым вечером у нас в последний раз собрались люди. Прошлым вечером съели старики и последнего теленка Умхи. Аллах, конечно, всезнающ. Но чего я не понимаю и не приемлю, так это то, что люди съедают последнюю скотинку осиротевших детей, называя этот грабег «раздачей милостыни».

Уплетая мясо теленка, рабы Божьи даже не задумывались о том, что в хлеву Хеди, оставшейся одной с шестью маленькими детьми, уже нет ничего из живности. И что теперь, чтобы завести одну корову, ей придется экономить буквально на всем, лишая детей-сирот самого необходимого.

Где-то кто-то женится. Наши люди устремляются туда с дорогими подарками. Приходят дальние родственники, знакомые. Каждый считает своим долгом хоть чем-то помочь молодым, начинающим строить новую жизнь. Хоть червонцем, хоть рублем. Не сделать это считается неприличным. Это хороший, красивый обычай. Но разве не было бы лучше, если бы эти подарки, в том числе и денежные, давались не

молодоженам, у которых есть молодость, силы и уверенность в завтрашнем дне, у которых есть все, чтобы наладить свое хозяйство, разве не было бы лучше, если бы эта поддержка оказывалась сиротам, потерявшим кормильца, или таким, как я и моя старуха, потерявшим опору и поддержку на старости лет? Но таких мало, кто протягивает руку помощи, тем более деньги. Постоят, поплачут и возвращаются в свои дома. И сына моего они забыли сразу же, как только вышли с кладбища, оставив его в холодной, сырой земле. Да, не так тяжело воспринимаешь то, что остается за твоей дверью. Как же правы были наши отцы, утверждая это!

¹ Чурт – надмогильный камень.

² Доа – заупокойная молитва.

³ Кьонах – настоящий мужчина, молодец.

⁴ Дада – отец, дед.

⁵ Хьенех – некто, кто-то.

Перевод У. Юсупова

Соперник

Перешагнувший за сорок пять, Тахтаг несся, как если бы ему сегодня исполнилось пятнадцать лет, почти не касаясь земли ногами.

Село давно уснуло. Не только люди, спало все живое. Не слышно было и лая собаки. Даже шороха мыши в ограде из кустарника. Но Тахтагу все равно, как ребенку, хотелось резвиться, прыгать, на бегу перевернуться, от души засмеяться, закричать, однако, боясь, что его кто-нибудь увидит, он шел, в трудном сдерживая рвущееся из груди радостно взволнованное сердце.

Вдруг он, взволнованный закравшейся на него ночью, щекочущей сердце радостью, как охваченный стужей день, потускнел.

В эту ночь, почти до рассвета, с глазу на глаз, по-прежнему он был с Луизой на вечеринке. Не вечеринке даже, они вдвоем наедине у кузины Луизы. Уже не в первый раз, сегодняшний был случай особый. Луиза дала слово выдать его замуж. Конкретное время не обговаривали, она сказала. И не только слово. В залог верности подала руку. Теперь нет права не выйти за него. Эта рука... Мягкая, горячая. Тахтаг долго держал ее, не выпуская из ладоней. Эта чудная минута! Вряд ли и птичка, попавшая в клетку, была бы счастливее Тахтага. При воспоминании об этой минуте и сейчас по телу Тахтага пробегает приятная дрожь. Хочется бежать, подпрыгивая, взбрыкивая – взвырваться в небо. Хочется закричать от души. А губы, эти губы Луизы. Похожие на спелые, сочные вишни! Чуть заметно выдвигаясь вперед, они зовут к себе, привораживая, притягивая. Ничего, Тахтаг потерпит. Немного времени осталось до момента, когда эта перепелочка попадет в его руки.

Ну, а семья? Его, Тахтага, семья?

Вот это-то и сдерживало вскипавшее сердце Тахтага. Оно бросало в холодный пот тело. При воспоминании о семье для него тускнел сияющий мир. Скрылся и месяц, и сияющий, освещающий этот мир. Скрылись и звезды, погасая, расцвечивая небо. Он шел, срывая листья ореховых веток, свисающих по обе стороны улицы, измельчая, рассыпав с кончика языка. Входя к себе во двор, он широко распахнул дверь, вдохнул чистый воздух весенней ночи и с шумом взошел на крыльцо, дохнул его.

«Какое же я несчастное существо! Почему мне не удалось жениться на Луизе? Невозможного-то ничего и нет, не надо остерегаться людского проклятия да и власти побатина...

«...лучше работать по мере возможности в этом мире, чем сидеть дома, как только ты закроешь глаза...»

Техтаг вошел к себе во двор, его собака, злобно зарылаясь. Она не залаяла на него, как на чужого, но Тахтаг чувствовал ее неприязнь к себе. Непонятно почему и в этом дворе все недолголюбивают Тахтага. Разувшись, осторожно открыв двери, легко ступая, он вошел.

В освещенной лунной комнате было светло, как днем. Своей правой рукой, другой рукой иногда покачивая коленки и голову, лежала Азман. Свернутая ею перед сном в шарик кожа, распутившись, змеей обвила тонкую шею. Упиная рядом дочь, перетянув на себя покрывало, обвила ей плечи и руки. Некогда при взгляде на эту чудовищную у Тахтага отгаивало на душе. Но теперь он взирал на все совершенно равнодушно. Азман уже не прежняя. У нее на щеках впадины, вокруг глаз появились морщинки, волосы начали седеть. Старееет. А что будет через несколько

лет? Она в ножку на мать, а голову откинув на угол подушки, с распущенными волосами, рядом с ней лежала четырехлетняя Маниса. Правой рукой она плотно прижимала к груди голову при покуске белой, но теперь протертую до черной, куклу без глаз и носа. Сын, лежащий в кровати, ласково чмокал губами.

Вспомнил Тахтаг заметил в течение секунды.

Вспомнил, пройдя в другую комнату, сняв верхнюю одежду и раскрыв окно, он лег в мягкую постель. Но сон не пришел. На его лице не увядание Азман. Он видел удивительное старение жены, но не хотел знать причины. На слова и в голову не приходило задуматься над тем, что ее лишило другое. «Она трижды была замужем. Когда ей и сейчас нет двадцати лет. Красивая, как кардинал, и необычайно кокетливая». Перед отяжелевшими ото сна

глазами Тахтага возникали ее большие синие глаза, собравшиеся улететь вместе с ними, распластанными и поднятые, подправленные черной тушью тонкие брови. Мелкая на гладком лбу маленькая челочка. Как бы подстриженные отгонять мух, подстриженные хвостиком, неблизкие, но теперь меняющие цвет каждые три месяца бусы. Тонкая, высокая, похожая на лебединую, красная обвитые вокруг нее искрящиеся бусы из искусственного чуга. Просвечивающее сквозь вязаную кофточку, прозрачное как сито, нежное тело, обтянутое бретелями и подвязками.

«Я женюсь на ней, даже если на второй день после свадьбы меня на ракете отправят в космос! — решил Тахтаг. И что со мной сделают власти? Даже если с избытком прожить два года. За возможность хотя бы раз взглянуть на Луну, но отсидеть не только два, но и десять лет. Однако почему водить до крайности? Если есть возможность обойтись без этого? Я с Азман не расписывался. Чтобы не обвинить в двоеженстве, эту каргу завтра же надо выгнать за порог. Она не достойна меня. В наше время мужчине нужна не образованная женщина. А моей даже неизвестно, сколько лет ей. Дважды два...»

Тахтаг уснул. Он лежал, как ангелочек. Не хрюкал, не посвистывал в нос. Его лицо отсвечивало святостью. Но когда во сне его полные красные губы растягивались, и обнажая потемневшие от выпивок зубы. Временами, шептавшись ими, он с удовольствием облизывал их. Протянув вперед руки, что-то искал. Наконец, крепко обняв угловатые ноги, затих. Однако вскоре цвет лица у него изменился. Он обиженно морщился, плачуще вздрагивали губы. Потом злобно ожесточилось, он заскрипел зубами, как бы обкусывая их. Как выброшенная из воды рыба, разевал рот, ему не хватало воздуха. Затем, как сумасшедший, размахивая руками, дергая ногами, судорожно вздрагивал. Густая испариная на крыла его узкий лоб, вскоре его майка взмокла.

Тахтаг уткнулся сон. Чудесный и ужасный. Как будто, же-
лая не Луизе, отвез ее на время к Чоландару, провел
свое время, под утро вернулся домой, лег спать. На этом
кончилась Чудеса,

Чудесный ужасный...

Вспомнил не в том, как он уснул, пришел Чоландар, раз-
сказав ему, что вчера женился на Тахтаг, а вышла за
Тахтаг будущим женихом замужем, иначе говоря, Азман взя-
л себе в жены, и его соперник – Дауд – сейчас находится в
Чоландара. Услышав эту весть, Тахтага прошибло хо-
лодный пот. Грудь, горевшая, как накачанная пламенем,
остывала, и тело его округлилось. Он вскочил, что-
то хотел сказать Чоландару, но ноги не слушались его. Он чув-
ствовал, разрывающая, словно опаленную огнем, кожу лица,
и на шее выросла желтая жесткая щетина. Отнявшиеся
ноги слушались его. Падая, вставая, перекатываясь, доб-
равшись до дома Чоландара, во дворе он увидел своего од-
ноклассника Дауда, только что вернувшегося домой после
занятий агрономического факультета. Накинув на плечи
своего институтского ромбиком, закатав до локтей
под белой нейлоновой рубашки, он, придерживая одной
рукой концы дрова. Чем ближе подходил Тахтаг, тем больше
Дауд начал походить на Луизу. Если бы не усы под
бородком бы еще и конский хвостик на голове – он был
точно Луиза. Видя Тахтага остановился на несколько
шагов от него, у него пестрого галстука на его шее. На нем были
темные туфли, и пониже них на одной ноге вертелась
его сапожница. Присмотревшись, он узнал в ней свою...

Дауд продолжал трудиться, не обращая внимания на
Тахтага.

Тахтаг, забывшись, схватился за топор, занесенный им, что-
то хотел сделать попену. Куда уж там! Неожиданно уменьшив-
шись, обратившись в паука, Тахтаг повис на топорнице.

Тахтаг пришел, сука? – во всю мощь своих легких зак-

ричал он, но собственный голос напомнил ему минеральный писк.

Дауд, услышав его крик, медленно приблизился к нему. Глазам, начал внимательно рассматривать его. Тахтаг, глядящие на него сказочные глаза размером с блинчик, сверкали серпом.

– Что ты такое? – спросил он Тахтага.

– Я муж Азман! – взвизгнул Тахтаг.

– Что ты здесь делаешь?

– Я пришел забрать свою жену...

– Ва-ха-ха-ха! – грозно захохотал Дауд.

Потом двумя большими пальцами, взяв за галстук Тахтага, выдернул его похожую на паучью лапку ногу. Тахтаг кричал боли, Тахтаг оросил руку Дауда желтой зловонной жидкостью. Дауд, сморщившись, сбил его с топорища, и тот, обернувшись человеком, откатился, ударившись о стену.

В эту минуту вышла Азман. Он с первого взгляда узнал свою жену: гибкое тело; на целую ладонь платье мини-юбка; шелковая блузка с коротким рукавом, с вышитым торшером видны выющиеся соблазнительные кусты; модная прическа, старательно выполненная, завивая волосы; ноги в лакированных туфельках на высоких тонких каблуках; перекинутый через руку тонкий плащ-болонья; и рукавички; тонкий ридикюль; удовлетворенно улыбающиеся накрашенные красные губы; подведенные черной сурьмой ресницы; и т.д. Тахтаг в изумлении глядел на жену, забыв про свою ногу.

– Что это такое? – спросила она, уставившись на Тахтага горящими глазами.

– Этот паук говорит, что он твой муж, – ржал Дауд. Если он будет таким образом закатывать скандалы, то ты медленно должна одного из нас оставить. Или я раздам тебе каблук эту тварь!

Азман уставилась на Тахтага:

Если ты после сегодняшнего дня скажешь моему Докке хоть одно слово, я, разведясь, как старую паршивую собаку выкину тебя за ворота! И безо всяких привилегий, слышишь ты и туби, Докка, кто из вас не уживется, тот уйдет отсюда. У вас не должно быть «твоего-моего». Не обижай друг друга. Запомните оба. Не позорьте меня. А ты, Тахтаг, будь мужчиной! Будь сдержанным! Терпи! Не дай своей душе.

И как же ему какое дала... не успела за него выйти замуж, времени она за Тахтагом, а все равно всегда, кроме «твоего-моего», другого имени так и не дала. Если не выйдешь Тахтага никогда не разорвется. Тахтаг встал, встал на одной ноге, подошел к своей неподалеку лежащей на другой ноге, взял ее и, приставив к бедру, прихрамывая за ворота. Даже отойдя далеко, слышал он смех и шуточные замечания над ним Азман и Дауда: звонкий – твой, тихий – другого.

На следующее утро он пришел домой. Дочка еще не спала. Она сидела на краю кровати, качая люльку с надрытыми щеками и плача брагом. Тахтаг видел в ее маленьких глазах до боли знакомое их горе и печаль.

— Что, говорит, мама привела нам молодого папу, что ты будешь делать ты? – спросила Малика.

— Ничего не говоря, подошел, присел рядом с дочкой и он потянул ее мягкие волосы.

— Ты же, напиваясь у Луизы, приходил домой и бил

— Ничего не ответил. Боясь, что раздражающая его тоска вырвется наружу, разорвав узел в горле своим брагом, он, пройдя в соседнюю комнату, не раздеваясь, лег на кровать. Но сон не шел. Его просто не было. Его сердце, сгорая, съеживаясь, превращается в камень. И за минуту и борода поседела, отросла до пупка. И хотя он боялся, но он боялся закрыть глаза. Казалось, все

тело, кроме этих глаз, сгорело, мозг, расплавленный, вырвался, и если он теперь закроет глаза, то умрет. Когда она вел рукой по голове, полностью выпали оставшиеся на затылке волосы.

Наконец на улице он услышал шум шагов. Открылась наружная дверь. В коридоре по полу простучали голые пятки Азман. Вошедшая Азман, не останавливаясь рядом с дверью, подошла к Тахтагу. А Тахтаг лежал ничком, почему-то боясь глубоко вздохнуть.

– Что это ты разлегся здесь, как кабан? – прикрикнула на него Азман. – Если ты эдак разлегся, кто же займется твоими ничными хлопотами? Свадьбу нельзя откладывать. Она должна быть сыграна в будущее воскресенье. Ты слышишь? Встань! Ты, случайно, не просватай кому-то? На вечером пошли людей спросить, какой им нужен подарок. Ты же достань, где хочешь, но названный ими камнем, но у тебя ни копейки, отошли весь. С людьми надо держаться твердо. Я не хочу, чтобы они говорили, что Азман, привела своего лодого мужа, скардничала. А Докку в воскресенье мы привезем домой и отметим это. Ты слышишь? Я не могу в эту ночь уходить к Чоландару. Я хочу, чтобы мой муж был рядом со мной, дома!

– В этот двор ты его не приведешь! – прорычала на Тахтага. – Это ты пойдешь, куда хочешь, вместе с твоей сучкой Даудом!

– Шум! Шум!

Тахтаг, глотая слезы, вздыхая, затих. А Азман, держа в руке вая каблучками звонкую дробь, прошлась по комнате.

– Мужчина, ты меня слышишь? Если ты хочешь со мной двумя детьми жить в этом дворе, прекрати хныкать. Ты моему Докке хоть за километр перейдешь дорогу, иначе я не продолжаю!

– Азман, зачем ты привела его? – изредка всхлинув, начал сетовать Тахтаг. – Тебе что, мало одного мужа? Или же он превзошел меня?..

... отошли к нему, став руки в боки, из-за чего он и отсталась:

... что ж! Чем превосходит? А что у тебя есть? Что тебе? Ты давно смотрелся в зеркало? Старый хрыч! Во рту дыра, зубы. Водка выбила. Сморщенное лицо, как у старика. Иогнутое тетивой тело. Ты что, мне досаждаешь, чтобы жить с тобой до самой смерти всю жизнь? Состарился ты, волчара. Невзирая на это, ты любишь жену? А мне нельзя полюбить молодого, чтобы от его прикосновения огонь по жизни? А ты холодный как жаба. К тому же не знаешь, что такое Темнота! Мне нужен современный мужчина. Современный образованием. Способный содержать меня и детей. Понимающий время и нравы... Завтра утром переезжай в каньон. Затем подготовь Докке крайнюю комнату. Смотри, не будь сквалыгой.

... который расставаться с детьми, Тахтаг выполнял все, что ему велят. На свадьбу зарезали единственную козочку и застывшее молоко. С истекающим кровью сердцем, Тахтаг и на дне Тахтаг управлялся и на свадьбе. Танцевал, развлекал людей. Проводил Дауда в отчий дом, в гости к жене, пришедшей вместе с ним в гости, сделал все как надо. Лишился последних денег и скотины.

... было ужасное еще было впереди.

... с тем, что жена привела второго мужа, хотя Тахтаг и не знал, впервые со дня сотворения мира. Что делалось в мире когда-нибудь начинается. С кого-то ведь начинается... Он переносил то, что семья и дети несли на его плечи. Но невыносимым, нестерпимым было то, что оставил Тахтага с двумя детьми, Азман уходил в гости к Дауду. Если бы они там вели себя тихо – куда бы они пошли? Их возня, вскрики, взвизгивания... Лежа на кровати Тахтаг, не смыкая глаз, представлял происхо-

дящее в соседней комнате, как если бы это происходило перед его глазами.

Смех Азман, ее крики, их вздохи рвали сердце на части. Казалось, его режут ножом, кроят, полосуют на мелкие кусочки. А мозг? Виски пульсировали, подбрасывая руку. И вот-вот, сойдя с ума, закричав, он выбежит на улицу. Но хотелось вскочить, забежать к ним и убить их. Но это ему повиновалось.

Один раз в неделю Азман заходила переночевать к Тахтагу. Приходила, чтобы отдохнуть от бурных ночей. Но ничего не было от прежней Азман. С ее уст слетали слова как бритва и горькие как яд слова. Даже останнившиеся с ней детьми один на один, у него уже не лежала к ней душа. Не было прежнего тепла, нежности. Как бы он ни старался отвлечься, всплывали в памяти ее и соперника еженощные крики...

А время между тем шло. У Азман родилось еще четверо ребенка. Тахтаг и Дауд ухаживали за ними совместно. Однажды Дауд из-за чего-то ударил Малику, они погнали Азман, вставшая на защиту Дауда, беря в свидетели собравшийся на крики народ, девять раз объявив, разводиться с Тахтагом. Выпроводила за ворота, не дав даже одежду.

Раз бросили, хочешь не хочешь – надо уходить. Тахтаг, обливаясь горючими слезами, ушел в родные горы. Плакался матери, плакался сестрам. Жаловался в Чоландару. Все советовали подать в суд на Азман и Дауд. Долго противился Тахтаг этому совету. Какая никакая, а Азман – мать его детей. Не покидала надежда, что все-таки, будь она разведена с Даудом и заберет Тахтага домой. А подать на нее в суд, как завтра глядеть ей в глаза? Но Азман не разводилась с Даудом и не забирала домой Тахтага. Теперь Тахтаг был согласен на мировую с Даудом. Но писем не приходило за ним. В конце концов, поняв, что ждет безрезультатно, он пожаловался в сельсовет. Однако сельсовет...

...не зарегистрирован с Азман, здесь мы тебе
...помочь, – ответили ему на жалобу. – Выяс-
...который скрепил ваш союз». С этими же
...и прокурор. А когда он подошел к
...то сказал, что, согласно шариату, каждая жена
...брать по четыре мужа. Если согласен, живи с
... – забирай свою долю имущества и отде-
...часть.

...Тахтагу пришлось сделать это. При разделе
...возник скандал. Тахтаг просил половину
...имущества. В этом дворе трудился он, а не
... Он своих детей ему не оставит.

...старания глаза, надвинулась на него Азман.
...Тебе дети? Отец моих детей – Докка. Тебе, не по-
... выколошь глаза!

...раздвинутые, как ножницы, Азман воткнула
... ..

...криком, Тахтаг подскочил, как обожжен-
... делом он проверил, на месте ли нога и оба гла-
... раньше, видели снизившийся к закату светлый
... меркнувшие в небе звезды, надвигающийся

...верить, что это был сон, встал, чтобы
... в порядке с ногой, прошел в соседнюю
... ..

...прежнему, прижав к груди резиновую куклу,
... А Азман, обхватив правой рукой люльку, опу-
... посевшую голову к изголовью, уста-
... глазами в угол, кормила грудью

Перевод А.Тарамовой

Муса АХМАДОВ

(Род. в 1956)

Ахмадов Муса Магомедович в 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. В студенчестве в числе других энтузиастов организовал литературно-художественное объединение «Пхъармат» («Прометей»).

Первая книга «Ночь в пустом доме» издана в 1983 г. Вехой в писательской судьбе стала вторая книга – «На заре, когда звезды гаснут» (1986 г.).

С 1987 г. – член Союза писателей СССР. В 1989 г. роман «Деревья в сумерках», в котором, умело сочетая элементами гротеска и сатиры, автор показывает сумеречной ветской системы. В 2002 г. вышел сборник рассказов и стихов для детей «Сто тысяч добрых дел». В журнале «Ушк» в 2004 г. опубликован третий роман «И текла река в долине». В 2005 году издан первый том Собрания сочинений в 3 томах.

Лауреат премии «Серебряная сова» 2005 г. Научный сотрудник ЧР.

Произведения М. Ахмадова переведены на русский и узбекский языки.

Сбор металлолома

По лугу, словно озаренному изумрудным сиянием, бегал мальчик. В руках у него цветы.

Неужели это я – легкий, стремительный, улыбающийся?

Я помню этот солнечный день, этот зеленый луг, эти пахнущие цветы, которые я протянул вам. Мне и сейчас так хочется таточно прикрыть глаза, чтобы увидеть вас. Слабый ветер

и в воздухе вихорьков, и они словно вспыхивают на солнышке. И вот они см.

Ты была самой красивой женщиной нашего аула, ни у кого не было таких нарядов, как у вас, такой прически, как

у вас. Ты и с улыбкой наклонилась ко мне и взяла мои руки, как от нежного запаха ваших волос, ваши волосы у меня закружилась и все поплыло перед глазами: небо, ваше лицо, цветы, выпадающие из рук. Я даже не заметил тогда (это головокружение длилось всего несколько минут) и обнял меня со словами: «Какой красивый! Спасибо за цветы!» Как и сейчас, я закрыл тогда глаза. Как счастливым я был в ту минуту, как прекрасен был мир!

Ты сидела, сидя перед вами за первой партой, не сводя с меня глаз, я старался сидеть как можно ровнее, положив локти на парту перед собой. Самым первым заканчивал уроки по математике, я писал лучше и грамотнее всех. Чего только я не делал, чтобы обратить на себя внимание!

Ты никогда не называли меня по имени. «Эски-ев!» — так звали вы. А для меня ваш голос был сладкой музыкой. Чувствуя, опустив голову, притворяясь смущенным. Хотелось чтобы отругать, вы гладили меня по голове и ваши пальцы ворошили мои волосы.

Ты ходила в поднебесье. Первая лебедь, самая красивая лебедь — ты, Алина Ивановна. Сделав несколько шагов в небо, лебеди неслышно опускаются вдалеке на воду.

Ты сказала: «Эски-ев...» Ну, конечно же, я не забыла тебя. Ты ушла далеко с тех пор, но сейчас, оглядываясь назад из этой холодной старости, я так отчетливо вижу тебя... Ты была самым маленьким, послушным. Ты всегда старался зас-

лужить мою похвалу, привлечь внимание. И хотя ты была, молоденькая девчонка, знать тогда, твое внимание я замечала. Оно радовало меня, я часто смеялась, вспоминая твои проделки. Ты помнишь, я никогда не ставила тебе плохих отметок за контрольные, а если в них были ошибки, я незаметно исправляла их теми же фиолетовыми чернилами, какими писал их ты.

Как сложилась твоя жизнь, кем ты стал? Счастлива ли ты все так же учу детей. Теперешние дети совсем не похожи на вас; таких, как вы, у меня никогда больше не было. Мне кажется теперь, что и ваша классная комната с низенькими ленькими окнами была самой светлой и уютной. А в углу висела *gali* – старый школьный колокольчик! Я и сейчас слышу его голос. Все эти годы в каждой услышанной мелодии я слышала узнать его звуки. Но нет, не было похожего...

Я помню тот день, когда на зеленом лугу мы играли «Гуси-лебеди». Мы будто и вправду тогда стали детьми, опустившимися отдохнуть на луг. Как весело и беззаботно мы – гуси? лебеди? – носились по лугу.

Никогда больше в моей жизни мне не удалось стать такой лебедью, тот день не повторился. Однажды мне показалось, что то состояние снова вернулось ко мне, но я ошиблась. Лебедью я не смогла стать, а чуть было не превратилась в курицу.

Ты тогда непременно хотел быть серым волком, а выиграл это. Ты бегал за ребятами что было сил, кажется, но все равно смог ускользнуть от тебя, ты раскраснелся, устал...

О том, что было после, я жалею до сих пор. Не знаю, может, только я и помню, что случилось после, а ты и не об этом забыл. Все равно, не сердись на меня, если я ошиблась.

Когда мои знакомые молодые люди заговорили обо мне, ты нахмурился. Тебе так не хотелось, чтобы я ушла к ним. «Вот еще! – подумала я, увидев заблестевшие в твоих глазах

«Пустыби много позволяет, этот мальчишка!» А вслух
он сказал спокойнее:

«Вам играть самим, мне надо уйти. Когда наиграетесь,
уходите домой, хорошо?»

«Уходи со своими друзьями, не оглядываясь. И сейчас,
когда надо было вернуть тот день, я поступила бы так
же, как всегда в моем сердце, я была окружена внима-
нием и внимательными излиями своих ровесников, я кружи-
ла в танце, с улыбкой слушая слова при-
ятельницы. Да тот день затмил своим ослепительным светом

тот же день по твоим потухшим глазам я поняла:
в мире произошло изменение.

«Вот наступил день сбора металлолома. Вы все очень
интересны, кому же удастся собрать больше – ашникам или
ашникам? И вот мы отправились на поиски лома. До сих
пор мне не понять, как же могло случиться, что с тех пор я
никогда больше не видела тебя?»

«Ты же разбрелась в поисках...

«Ты же заметил это огромное колесо на дне оврага за
горами. Оно было скрыто от посторонних глаз поднявшимся
дымом. Конечно, это поржавевшее колесо от спи-
ннера трактора великовато для одного человека, но он твер-
до решил обійтись без помощников.

«Ты же видишь, как прекрасно все в мире! Ветер, теплый
ветер по волосам. Трава, мягкая трава ласкает ноги. Сол-
нечный свет низвергает на землю водопады сле-
з и счастья.

«Ты же знаешь, оврага, было сумрачно, прохладно. Наконец-
то достигли до заветной цели. Вот оно перед ним – вбли-
зости выжидает неохватным, словно навсегда вросшим в
землю. Что было сил он принялся отрывать эту железную
штуку от земли. Ноги уходили в сырую, влажную землю

все глубже, руки дрожали от напряжения, но ничем не поддавалось. Вот он уже приподнял колесо и начал катить перед собой вверх по склону оврага. Как же трудно катить его, каждое движение вперед стоит немалых усилий. Но нет, все напрасно – колесо вырывается из рук и устремляется вниз. Он беспомощно провожает его взглядом – колесо лежит на прежнем месте. Он поднимает голову – солнце стоит высоко – в зените.

И опять спускается он в овраг и начинает все сначала. Приподнимает махину, перекатывает его все планы в уме. Пот льется ручьем, застилает глаза. Колесо давит на него словно хочет и вовсе стереть с лица земли. Но, несмотря на силы, он удерживает колесо на месте. Вот уже и начался подъем. Колесо, подобно необъезженному жеребенку, вырывается из стороны в сторону. Но снова, опрокинувшись, несется вниз. В бессилии он опускается на землю и плачет. Он долго плакал, не в силах подняться на ноги. И вот, утирая слезы, он встал и начал спускаться. И все началось сначала... Придерживая колесо, он снова остановился в середине подъема и посмотрел вверх. Солнце стояло высоко, оно, как и прежде, было в зените. Значит, до вечера еще много времени. И в эту секунду, словно почувствовав его желание, колесо вырвалось из рук и покатило вниз. Следом за ним на черное дно оврага опустился и он. И все началось опять и опять... Его лицо залито потом и гримасы слез слиплись, потрескались губы... Но у него еще есть силы, он смотрит на солнце: оно не сдвинулось с места.

На двадцать второй раз он все-таки поднял его наверх. Передохнув на краю оврага, он покатил его по ровной дороге радостно крича:

– Эге-гей, бэшники! Никогда вам не быть первыми!

Толкая впереди себя колесо, он приближался к школе. Что это за длинное здание стоит на месте их школы? Почему оно здесь? И где же наша старая школа с низенькими окнами?

Замороженный, он замер на месте, придерживая колесо. Дети, игравшие неподалеку, обступили его, они кричали и тыкали на него пальцами. Среди них он не узнавал ни одного знакомого лица. Посмотрите, какой смешной человек здесь взялся?

Он качнул себя. Неужели этот человек в коротких штанишках по швам, в рваных ботинках с торчащими гвоздями — он? Он отпустил колесо, и двенадцатилетний мальчик, расшугивая детей, стремительно удаляется. Оно валяется испятать по дороге к окраине аула, к сумрачному сумраку и скоро исчезает из глаз.

Замороженный он бросился бежать. Крик отчаяния вырвался из груди. Неужели это его голос — резкий и грубый?! Неужели...

Он вынул калитку и замер, пораженный: это старый, покосившийся бурьяном дом — его?

«Куда? Ты дома?»

Тишина — напряженная тишина.

«Слышишь меня?.. Не слышит... Брат, мне трудно!

Тишина

«Ты помнишь зори детства?

«Ты помнишь, наполненные теплом очага, отблесками огня запахи жареных кукурузных початков вечера? Ты где-то любил, где вы?

«Ты помнишь высокое небо в белых клочьях облаков?

«Ты помнишь удивительная весенняя ночь с бесчисленными звездами любовался он, не в силах уснуть до рассвета?

«Ты помнишь солнце детства, огромное и горячее? Ты было другим прежде...

«Ты помнишь тишина, тишина...

«Ты не слышишь этой оглушающей тишины, он рванул калитку. Споткнулся о порог и рухнул на пол. «Кра-ак, кра-ак» раздавалось со всех сторон. Что это, неужели тре-

шат стропила, ломаются балки, рушатся стены! Не стой дом, постой еще немного, продержись! Как же привел тебя, что у него еще осталось! Первое, что увидел он в жизни, – потолок дома. Первый шаг он сделал по твоему следу. Ты успокаивал своими тихими звуками, когда он испугавшись глухой темноты, ты укрывал его от холода и метелей.

Ты, дом, наверно, состарился от холода одиночества. Твоему очагу нужен огонь...

«Кра-ак, крак!» – кричат, обваливаясь, балки. Стена трещит и дает и рушится! Он бросается к противоположной стене, чтобы удержать ее, не дать опрокинуться. Но стена падает, вот близко перед собой он видит старую, ступенчатую стену, стена падает, рассыпаясь в труху.

Опомнившись, он выбирается из-под обломков. Он дышит пылью, ветхостью, заплесневелым, истлевающим воздухом. Какой-то слабый, неясный звук донесся до его слуха. Мышь? Неужели это мяукает кошка?

– Кис, кис, кис... – позвал он. – Где ты, я тебя найду... Как хорошо, что ты осталась... – говорит он.

Писк доносился из-под обломков. Он выбирается из развалин дома, как ящерица, извиваясь, выползает из-под камней. Он долго лежал не двигаясь, без мыслей, без движений, пока солнце своими горячими лучами не парило и пимило жечь ему голову. Он приподнялся и увидел, что рядом с ним кошка, стоит рядом и смотрит на него.

– Кис, кис, кис, иди сюда. Одна ты здесь осталась, где же ты уцелела? Ты, наверное, голодная? Надо бы тебе поохотиться, да где же я возьму тебе еды, где добуду молока? – кричит он кошке. – Да здесь, должно быть, полно мышей. Давай поохотимся! Ты хоть мышей ловить умеешь? Ладно, иди сюда, тебе: буду выгонять их из норок и щелей, а ты хитрой и лови их.

Дело пошло – он не ошибся: в мышах недостатка не было.

...и пощип, расшвыривал обломки, выгоняя мышей
...и коновка хватала их каждый раз все более ловко.

...и я не очень-то проворен – устал. Нет сил выб-
...и на свет и вдохнуть свежий воздух. Сижу сре-
...и обломков, рухляди и пыли, вспоминаю.

...и Поаровина, я часто думаю о вас. А вы вспоминае-
...и Асия?

...и в этой жизни не было времени прекраснее, чем
...и у вас. Я помню каждый день и тот, после-
...и пошел вас в последний раз. Миновав аул, я ушел
...и везущей – куда? – в овраг? Я надеялся вер-
...и вчера, хотел удивить вас... Но так задержался в
...и уже не смог ни догнать вас, ни найти...

...и мои ровесники. Это их дети встретили меня у
...и, когда я катил свое колесо. А я – я из детства
...и в старости, сам не заметив этого. Неплохая ско-

...и бывшие одноклассники стали важными людьми. Я
...и они проходят мимо, неся впереди себя большие
...и и разговариваясь друг с другом. Их громкий смех
...и меня из-за изгороди. Я смотрю им вслед и не-
...и они могут так смеяться люди, познавшие жизнь?

...и наступит зима, и я уйду отсюда жить в пещеру. Буду
...и свое детство, слышать голоса дорогих мне лю-
...и...

...и. Прольются дожди над землей, поднимется
...и трав, защебечут птицы. Я вернусь в родной двор,
...и в садок сад. Мои старания и заботу увидит и эта
...и вишня, и эта земля – я вскопаю ее,
...и верну. Вы же помните меня?!

...и до весны... А теперь осень. Когда насту-
...и все изменится, все будет по-другому.

Перевод Н. Крыловой

Деревянные куклы

Раздавшийся неподалеку хлесткий звук ружья, он увидел падающий в окно лунный свет, в соседней комнате слабо заплакал ребенок. Дени понял, что это опять тишину опять нарушил грохот выстрелов, в этой стране живет в суверенной стране, и поэтому не может быть несчастлив.

Когда ребенок заплакал вновь, Дени перешел к нему, откинув полог с колыбели, прочел «Шахиды» и заплакал во сне. Он вспомнил слова матери: ребенок плакал во сне, когда ангелы ему говорят, что родители в раю. Какая жестокая шутка для маленького, беззащитного ребенка, пришедшего откуда-то из вечности на эту хаотичную, полную угроз землю, не имея никого, кроме родителей! А может, ангелы не шутят? Может, они говорят каждому человеку к этой жизни, заранее давая ему предсказание беды?

Земля – своеобразный ад, созданный для испытания человеческих душ. Испытание начинается с момента рождения. Жизнь – тоска, жизнь – боль, редко, раз в десятилетия, обретает покой.

Проснувшаяся мать извиняется:

– Кажется, я задремала.

Колыбель, ритмично раскачивающаяся под ее руками, отсеивает плач ребенка, как сито просеивает кукурузные зерна, рассыпает его по миру, пока он не исчезнет.

Он идет в свою комнату и садится за стол. Над ним висят из дерева образы, стоящие на столе, в свете лунного света, призраками удивительных животных, живущих в таинственной димой чаще леса.

Дени освоил это ремесло – вырезать из дерева человеческие образы – еще в детстве, когда отец начал его пасти овец. Отец не одобрил увлечения сына, боялся, что

Нельзя того, изображать людей запрещено религией. Но привычка гнала эти мысли прочь. А в этнографическую композицию «Зимой в горном ауле» (размер на полметра) он изобразил основные события, происходящие в ауле в течение одного зимнего дня: в центре высокая башня; вокруг беспорядочно разброшены там и тут на санках катаются дети; тут на центральном месте аула собрались мужчины; мимо них, погоняя коней, запряженных в сани, идет старик по дровам; чуть поодаль, у родника, стоят юноша и девушка; в водопой овец мальчик, а рядом с ним большая собака – обратили внимание на выставке в Москве. Не осталось сомнений в том, что он на верном пути. Когда весь дом заполнили деревянные скульптуры, и когда их стало становиться, тем больше росло недовольство. «Он и тридцать лет играет в куклы, а чужие сыновья ему пытали жить самостоятельно», – ворчал он.

Однажды зимним утром, когда мать никак не могла разбудить отца, отец взял самую крупную из его скульптур, разломал ее на сухие деревяшки и положил в печь. Денис подошел к огню, который мать растопила из его скульптур, и заплакал в душе свое творение. Увидев огорченного отца, казалось, тоже был огорчен: «Ты что придишь обворовать самого дорогого человека? Вырежешь деревянные куклы – тут во дворе жерди, привезенные ветрами какую хочешь, хочешь бук, хочешь липу. За деревьями – так в лесу еще немало деревьев».

Денис молчал, хотя сразу же простил отца, промолчал и в следующий раз, когда отец попытался шутить (не хотел молчать, но не мог), промолчал и позже, когда отец запряг коня в сани и пошел на лесную поляну за сеном, оставляя следы на белом снеге. Досада на самого себя, возникшая у Дениса, когда он торопливо, часто дыша, шел по следам поддерживавшимся отцом, год за годом в душе тяжелеяла, заставляя сердце биться все слабее и слабее.

Когда посреди заметенной снегом поляны, на фоне сена, он увидел снежную пыль на холодном лице умершего отца, эта жестокая досада, разбила, как мелкие осколки его сердце, попыталась вырваться в темные высоты, туда, в холодную пустоту, где слышались и печали других людей. Поначалу его сознание сопротивлялось этому, но, вспомнив долг перед матерью и младшими братьями и сестрами, он удержал в себе эту досаду, и сердце расплавленным свинцом.

Пламя творчества, вспыхнувшее в нем в детстве, пошло с годами, но он не сдавался, трудился днем и ночью, почти уничтожил весь лес вокруг нашего села и соседних соседей. Так проходил день за днем; сначала наступила зима, потом весна, потом лето, потом осень, а после весны началось вновь; молодые выросли, взрослые старели, глядя усталыми глазами на оставляемый ими мир. Только он один застыл, не выросев и не меняясь.

Он изменился неожиданно, когда в гости приехали братья, моложе его на десять лет. Сын и дочь сестры играли во дворе с сыновьями брата, который был на два года младше сестры, и во время игры кто-то из «хозяев» обидел брата заревела, и Дени пришлось их мирить. Вот тогда пришла мысль: «Чем я занимаюсь?.. У людей семьи, у них какие-то цели в жизни: построить дом, купить машину, выдать детей в школу, одеть их, обуть...» Только у него таких дел. Его забота – вырезать из дерева кукол, но даже если бы тщательно он над ними ни трудился, они никогда не разговаривают, не плачут, как живые, они холодны, и этот холод пронзает его сердце. Когда не имея сил работать, он до глубокой ночи сидит с опущенными руками, а когда прилег на жесткую деревянную кровать без матраца и одеяла, так и не смог заснуть до самой зари.

Когда он открыл глаза, то увидел, как в окно падают лучи летнего солнца. Во дворе играли дети, куда-то шли

...иногда под навесом, увидев, что он проснулся, приходило, чтобы он шел завтракать.

...но он сидел за круглым низким столом, обмахивая в сметану и запивая ее сладким чаем, неожиданно надо уехать в город, там оценят его... во всем виновато село, в городе на него обратят

...он сильно потерял интерес к селу, когда мать, вопреки всему, пошла к живущей на краю села Бекисат засва... Ты обошлась с ней очень невежливо, и мать, ... на чем свет стоит, вернулась домой, швырнула ... сказала: «Во всем виновата я, что пошла к ...». Мать обиделась не на отказ Беки... ... сказанные ею в адрес сына: «Только этого, ... нам и не хватало». Дени тоже сильно ... ему показалась очень жестокой насмешка ... которому он предавался с таким усердием, ... мусульманин молитве. Но, прислушавшись к ... он понял, что не одна Бекисат так о нем отзыва... ... излив у матери около ста рублей, выручен... ... фасоли, он утренним автобусом уехал в ... через несколько месяцев почувствовал себя еще бо... ... чем в селе. В домике, снятом им на городс... ... было холодно и одиноко. В селе согревала хотя ... когда-нибудь в город и стать известным. ... не было. Но все равно, как бы ни душил хо... ... бессиучно рыдая, резал дерево.

... куклы получались лучше, чем раньше. Состоя... ... переходило к дереву, поэтому в глазах скульп... ... застыли его печаль и его ожидание. Каждого ... «ребенка» сразу же по рождению он выставлял ... в магазини художников, но покупателей все равно ... хотя цена была и невысокой. Он каждый день ... в магазин, где продавцы каждый раз милосерд... ... ему:

– Как красивы твои скульптуры! Только и покупает...

Но однажды перед его композицией «Зимний вечер» остановилась девушка. Она долго рассматривала ее, подошла к кассе и заплатила. Две продавщицы улыбались и как-то странно улыбнулись.

– Что же ты не купишь еще одну? – спросили они, подмигнув Дени, стоящему у окна.

– Как-нибудь в другой раз куплю, – сказала девушка.

Когда она вышла, он направился следом за ней, слыша за спиной смех продавщиц.

Через несколько дней в магазине не осталось ни одной из его скульптур: некоторые купила та девушка, другие подарил. Позже они вместе наблюдали, как с деревьев городских улицах, желтея и краснея, падает листва. Но подобно этой листве, в воздухе начали кружиться снежинки. И их, оторванных от земли любовью, не чувствовали наступающих морозов, подобно двум снежинкам, кружились они. Эти дни, вечера и ночи были удивительны и загадочны. Один вечер, со снегопадом и ветром, был не похож на другие. Они вдвоем стояли под высоким навесом у железнодорожной дороги и слушали скрип раскачиваемых ветром деталей. Неизвестно почему (может быть, зимний вечер был ледяным, а тепла их любви не хватило, чтоб растопить его), но в этот вечер, судьба послала ему какой-то сигнал), но не в этот вечер – до этого момента и то, что будет в будущем – превратилось для него в нечто ему похужей на этот навес в метели. Нет, не в силах Марима превратить этот навес в дом, не в силах приручить его, не в силах оживить чужую душу. Неужели не в силах? Если она не сможет, кто же? Ему захотелось обмануться: кто знает, может быть, этой девушке удастся защитить его от ветра одиночества, призывающего его тело, словно сито.

Без шума, тихо, в студеную зиму привел он Марима в свой обжитый и облюбованный им дом. Чем меньше людского внимания, тем больше – казалось ему. Марима, оказывается, думала иначе.

...она призналась ему, что ей хотелось шумно отпраздновать песнями свадьбы.

...совместная жизнь, груз обязанностей с годами становился все тяжелее, тяжелее и тяжелее, и, чувствуя под его тяжестью, он, просыпаясь среди ночи, садился за рабочий стол и до утра занимался резьбой. Изредка вспоминала, что надо бы как-нибудь заработать денег, купить мебель, кое-какую обстановку, а потом спокойно заниматься любимой деятельностью. Эти нравоучения он отгонял, мотая головой, как конь, отгоняющий назойливых мух. А однажды ночью, после вечеринки с друзьями, когда он был навеселе, он стал кричать: «Я великий художник! И презираю тех, кто богатеет на торговле тряпками! Будет жить в веках! Кто подобен мне? А?»

...к той ночи не сказала ни слова, а это было тяжело. Ему казалось, что, как только он перейдет на крик, она не выдержит и начнет перечислять ему все, что необходимо по дому, а он, доказывая, что он действительно, будет настаивать на своем... Без труда он легко получил победу, и она не принесла радости. Наоборот, горьким комом застыла в горле, не могла даже после нескольких стаканов воды. А утром, проснувшись, состоящим из хлеба и чая, он подумал: «Я великий художник, но где-то заработать денег все равно надо».

...вечером, влажной весны в их дом пришла мать. Она была и через неполных два месяца научилась видеть и слышать родителей. «Мы ждали мальчика и уже назвали ему имя, как будто не могла родиться девочка. А теперь, когда ее никто не ждал, поэтому чувствует свою обманутое ожидание», – подумал отец. Эта мысль привнесла ему безбожной и опасной для ребенка: «...он приходит в этот мир вместо другого, каждый идет своим путем, со своим смыслом, по воле Бога, поэтому не надо думать, даже в шутку...

Груз ответственности стал еще тяжелее и неподъемнее, как толок, выравнивающий асфальт. Эта тяжесть, рывками лепешку со всем его творчеством и смешала с рефлексией, как травинка, тянущаяся к солнцу сквозь толщу асфальта. Какая-то надежда тянулась в нем к жизни. Этой надеждой была композиция, которую он задумал создать на белом фарфоровом блюде.

Часто эта композиция снилась ему. Вокруг бонитера, у носа, наполненного вареным сушеным мясом и телячьими ребрами из кукурузной муки, ужинает семья. Рядом стоит старая женщина, которая часто обращается к ней: «Сядишь, Аянт, отдохни немного». «Сяду, нана», – отвечает сноха, которая никогда не нарушает. Она беременна, поэтому и не может сидеть. Свекровь. Сытная пища – это благодать Бога и отплата за тяжелый труд. Ужин заканчивается. Сноха убирает поднос. Когда, очистив поднос, она берет его в руки, чтобы отнести на место, выбивая окна и двери, в дом врывается холодный чуждый ветер. Этот ветер сметает все в кучу, бросает в долину, оземь лицом вниз, леденит души, выгоняет людей из домов, опустошая горные аулы, и собирает их в Нашха, чтобы бросить далеко, в безжизненные земли («Куда? Куда?» – кричат застывшие от горя лица, но никто не отвечает). Судный день, в ад. О Нашха, прародина чеченцев! Как живешь ты тяжкое горе, которое несут с собою твои соседи, твой богатый Хайбах? Почему не расколетой тебя, почему так тяжело оно, это Большое Горе, состоящее из гор, на каждой души! У Аянт, шедшей с тем же подносом в руки, в окрестности села Хайбах начались схватки. Женщина выгибается. Круг расширяется, округляется, уплотняется. Из центра круга на белом снегу постелена черная бурка, а на ней женщина кусая губы, сдерживает стоны, чтоб о ее муках не узнали соседи, стерянные от горя люди, чья гордость, храбрость и мужество растоптаны. «Аянт, не мучайся! Стони, кричи», – кричат свекровь, а женщины, толпящиеся вокруг, начинают громко восхвалять Бога, чтобы заглушить ее стоны.

ЛаилахЛа иллаллахЛа, ЛаилахЛа иллаллахЛа.

Для женщины продолжается почти до рассвета. А на рассвете, затаившийся против него холодом, жестоко и злобно, приходит человек, с криком приходит в холмистую страну.

— Девочка... Бедная! Как не вовремя ты родилась! Ты и без этого несчастья обездолена...

— Пусть тебе Бог счастья... Аминь! — распространяется слух.

— Звать Фатима, как дочь Пророка, — говорит

она, желая защитить от снега, ветра и мелкого злобного человеческого существа, пришедшее в заснеженную печаль в сердце каждой женщины вместо необходимого ребенку, создает стылый холод. Женщины сбиваются в плотную кучу, чтобы пламенем своего дыхания сберечь эту жизнь, пытаясь дать тепло ей тепло. Но вокруг этого круга стоит еще один круг вооруженных, чужих людей. Круг людей, пришедших обездолить, уничтожить их родину. Выше них горы. Выше гор — круг, созданный туманами и дождем. И еще выше — круги, образованные небом, звездами, луной и мраком...

Каждый человек должен жить, испытывая тяжесть этих кругов. И освободиться от них невозможно, только душа после смерти разорвет кольца горя, боли и обязанностей.

Слух распространяется слух, чтобы все, кто не смог выжить, собирались в конюшне, их потом вывезут в конюшню... «Куда? Куда? Куда?» На этот вопрос никто не знает.

В конюшню и конюшню сено, чтобы подложить под себя. В конюшню показалась подозрительной эта забота, уголок конюшни уйти вместе с родственниками. Но свекор распространяется — и ей, и девочке нужен хоть небольшой

отдых... Когда они вдвоем решили остаться, в конце концов оказались еще девятнадцать родственников со стороны матери, не пожелавших с ними расстаться и оставивших, что сложенная из тяжелых каменных плит конструкция с крышей из бревен, присыпанных землей и лежащих на гладких камнях, на следующий день станет дымом и будет гореть в огне и задыхаться в дыму.

Когда *это* начнется, ослепшие и потерявшие сознание люди после бесполезных попыток разрушить каменные стены, ударяясь о них тугими волнами, не сумев под землю и не сумев подняться в небеса сквозь крышу, когда тела сгорят, их души уйдут сквозь эту крышу (в глубокие глубины небес), ринутся к воротам и спрут из ряды смогут вырваться из конюшни, но тотчас же убиты пулями. Вскоре из людских тел в воротах образуется гора, не найдя больше выхода, беспомощные люди, обманув человек, сгорят, и души их будут долго бродить в долине Гехи, пока обгоревшие кости не похоронят те, кто спрятался в горах, оторвавшись от своего народа.

Какое тяжкое испытание выпало на долю маленького человека, пришедшего в этот мир всего на двое суток, мало времени ей было отпущено под солнцем, и за время ей пришлось пережить ад, сгорев в огне.

Можно ли передать с помощью дерева этот крик ребенка, которому два дня от роду, ее протяжные Богу ручки, ее мольбу без слов, обращенную к Богу?

Чтобы показать случившееся в тот день в Хайбаба, нужны ноты, слова и краски. А он владеет только деревом и жомом, но все равно верит, что дерево в его руках и оно говорит, очень многое скажет людям...

Все же было бы лучше, если бы его куклы работорговцев и исполняли музыку. Тогда он смог бы по-настоящему выразить весь этот ужас.

Дени долго мучился, не зная, какую часть жесточайшей картины воссоздать... Наконец у него возникла мысль...

... об этом достаточно рассказать. Лучше
... круг милосердия и тепла, образованный жен-
... жидный, ненастный вечер вокруг только что
... человека. Сначала он вырежет поднос, тот са-
... который в тот день был на руках у Аянт. А в
... половину укутанная черной буркой
... Аянт со своим ребенком. Деревянные облики
... их, разместятся по краю подноса. Этот круг,
... круг, горы, туманы и тучи, а выше – круг, образо-

... криски, звуки, цвета; в его власти только
... Но он верит: в сознании людей, рассматрива-
... из дерева, воскреснут былые картины, цвета,

... как и соседней комнате опять заплакал ребе-
... мий, что у него режутся зубки и как один врач
... боль, которую переносит в это время ребенок,
... для взрослого человека. Так болезнен-

... как весной на деревьях набухают почки,
... и по ветвям стекают слезы деревьев. Они
... которую причиняют им рождающиеся лис-
... разрывая десны, сквозь открытые раны по-

... и встал на пороге соседней комнаты.
... настолько, что научишься ходить,
... тебя в село, в гости к бабушке. Он расска-
... была твоя бабушка, в молодости известная во
... благородством и воспитанностью. По-
... как твой дедушка женился на твоей бабуш-
... время, когда люди уже собрали осенний уро-
... и дворы. Твоя бабушка вышла из дома
... чтобы выйти за дедушку. Провожаящая по-
... «Бог даст тебе счастья». После свадьбы твоя
... твою бабушку, подарила ей медный кув-

шин. Через три месяца после свадьбы, оставши
ный чурек в очаге («Я боюсь, что на мне грех твой
оставшегося в очаге», — часто повторяла она, и
бросил ее на чужую землю, лишив родины. А Фатма
Нашха, которая была моложе тебя на девять месяцев
времени даже на то, чтобы прорезались зубки

Да, тебе отец расскажет про твою бабушку, которую
нешь ходить и научишься говорить... И однажды ты увидишь
да люди будут пахать землю и сеять, и ты увидишь
село, лежащее в горах, среди леса, и отец расскажет тебе
твои дедушка и бабушка, похоронив половину из твоих
цати детей, остальных воспитали так, что они выросли
ни в чем и выросли благородными людьми... Он расскажет
тебе, как, вернувшись через тринадцать лет домой, твоя ба
бушка нашла сковороду, которую она в тот день оставила в
очаг вместе с чуреком. Как сестра твоей бабушки из соседнего
села Саади-Котар, пришла в гости и принесла с собой
жую корову. Ухаживая за этой коровой и огорожив ее
бурьяном поле, засеяв его, уже в третий раз выгнала корову
бабушка... Да, отец о многом тебе расскажет, «как ты
вырастешь».

Ребенок, испугавшийся звука, раздавшегося за дверью,
сильнее заплакал. Очень скоро в дверь громко постучали.

— Кто там? — спросил Дени, подбегая к двери.

За дверью послышались стоны: «Воды, дайте...»
«Человек ранен, нужно помочь». Он распахнул дверь и
пожалел об этом: в его незащищенный дом тут же ворвался
жестокости. Мрак вошел и запер дверь изнутри, чтобы
жи не могла прийти помощь. Внутри мрак раздавил их
части! Их было трое, с горящими, как у крыс, глазами
ного — автомат, у других — пистолеты, на поясах —
ножи. Одеты они в форму, оставшуюся от Советского

— Кто ты такой? — закричал один.

— Кто вы такие?

— А ты не видишь нас?

Ничему и спрашиваю.

Национальной гвардии!

Какое право врываться в дом к людям посреди

ночь? Право? Какое право тебе нужно?

Это противник революции.

Что обманываюсь, я действительно писал для обращения...

Торнт ты виноват в этом бардаке! Мы из оп-

позии про понял...

ты понял? Так ты против власти думаешь

ваша власть!

Обнаружил себя. Мы не из оппозиции!

Вон отсюда! – прокричал Дени

чтоб услышала жена в соседней комнате.

Когда прошел первый слух о появле-

ниях, которые врываются в дома, убивают хозяев и гра-

бильно шутку сказал ей: «Если такие волки ворвутся

в свою комнату и беги к соседям. Ахм-

родный мужчина, и у него есть оружие, он по-

тупице, наступившей после его крика, раз-

рываемого окна. Чтобы его не услышали гра-

нать закричал:

Вон отсюда вон, грязные твари!

Хотела проглотить последнее слово, огромная рука,

загнула ему рот. Потом та же рука отшвырну-

Ты знаешь, кто ты для нас? Ты ничто...

вокруг, непрошенный гость стал искать какую-

нибудь для сравнения. Наконец его взгляд оста-

лся на столе: – Ты для нас деревянная кукла.

Ты перед Богом куклы, а вы – Богом проклятые.

– Вот ты точно кукла передо мной! – приврал Дени, сметая со стола вместе с подносом все его куклы из них, скульптуру Фатимы, только что родившей. Но он взял в руки и со словами: – Если мы захотим, тебе отрежем тебе голову, – выхватил с пояса нож, отрезал ей голову и отшвырнул прочь.

«За что? За что? Родившуюся в первый раз за сутки сожгли, а теперь родившейся во второй раз отрезали голову... Дважды. За что? Что за грех совершила ты, чтоб дважды познать такую жестокость?» – от гнева в его сердце вспыхнуло адское пламя и он, потеряв равновесие, вцепился в горло бородача. Увидев в нем источник зла мира, – если не в нем, обезглавившем ребенка, Дени испытал непреодолимое желание этот нечеловек уничтожить. Возможно, он и достиг бы своей цели, убив двоих других, с женскими чулками на головах, которые пор переворачивали в доме все вверх дном, ищища драгоценные деньги и драгоценности.

Когда эти двое вцепились ему в руки, у Дени возникла мысль: «Не сегодня - завтра, сняв чулки, они собираются стать добропорядочными людьми. А бородач и двоюродный брат, ему безразлично, что о нем будут думать другие. Борода тоже накладная? Вот оно, наше несчастие, двойственность, двоедушие: на глазах – один, за спиной – другой. Читает одно, думает другое».

Те двое так и не смогли отнять его руки. Все упало на пол, и бородач оказался снизу, так удобно было душиТЬ.

– Что бы с ним сделать? Он же убивает его!

– Уж я-то знаю, что с ним делать...

В тот же момент Дени почувствовал хлопок в висок, удар в его уха. «Великий Боже...» – это его последние мысли перед сознание, и слух – оборвалось...

... в то время, он услышал дружное щебетание раз-
ных птиц. Нога, что оно не из мира живых: «Значит, он все-
гда жив... Что же стало с женой и ребенком?»

... в нем вернулось зрение. Среди белых малень-
ких крестами, будто вырезанными ножом, лежат не-
которые озера. Прямо посреди них к бело-светлому
... является светло-зеленая дорога.

... твой путь. С сей поры будешь идти по этому пути.
... твой путь завершен, – слышит он голос.

... что с тобой случилось?»

... три шиз – увидишь.

... три шиз, он видит, как Марима с дочерью Эсет
... в дверь Ахмсолты, как Ахмсолта и четверо
... врываются в их двор и связыва-
... потом он видит родное село, свои похороны;
... братьев и сестер, видит, как закапывают его труп;
... на красивом месте, куда падают пер-
...

... теперь... – слышит он голос и начинает уда-
... Оттуда, со звездной высоты, он видит уку-
... мраком планету. Среди этого мрака местами
... свет.

... огоньки света поглотит тьма, то Земля упадет
... где нет ни времени, ни пространства,
... она не возраста... От нее не останется ничего, даже
...

... за свет? И почему этих огоньков так мало?

... свет людей, искренне молящихся Богу... Хочешь
... свет? Видишь вон тот, похожий на огонь от

... Знаю я, что у тебя на сердце... Ты говоришь,
... должным образом поклоняться Богу... Скульп-
... ты вырезал из дерева, были твоими мольбами

к Богу... В них было твое доброе сердце, твое тепло людям, близким и чужим...

Дени опять смотрит на Землю, обернутую в слои мрака и похожую на щепку, которую в его дни вочки, изображая куклу, оборачивали тринадцать. Он узнает огоньки, которые немного рассеивают мрак. Третий – бездомный, безымянный бродяга-певец, второй – дователь, воспевающий красоту природы, третий – старуха, каждую ночь обращающаяся к Богу за милости для всей Земли, четвертый...

Он идет по светло-зеленой дороге мимо белыми хребтами гор, иногда останавливаясь, чтобы выпить воды из небесно-голубых озер. Если захотеть, можно зайти из этих белых гор скульптуры людей и животных. Они не будут похожи на деревянные куклы, вырезанные на Земле, у них будет свой голос, цвет, походка. Но он испытывает внутренней потребности в этом. Он чувствует, что здесь теряет свою ценность. Он сто хочет идти мимо белых гор к светлому горизонту, но по тем, кто остался на Земле и молясь за них Богу.

«Где же те родственные души, пришедшие сюда со мной?» Вместе с этой мыслью перед ним появляется женщина. Она вся создана из чистоты и поэтому белая, как снег на вершине Башлама, а волосы – желто-золотые. Он знает, где-то видел.

– Да, да, это я, чей образ ты создал из дерева, как и в Хайбахе Фатима.

– Но тебе же было всего несколько дней. А ты уже взрослая!

– Да, здесь вечно один возраст у души...

– А остальные? Мой отец, братья, сестры?

– Иди по этой дороге, – и девушка исчезает.

Он идет по светло-зеленой дороге...

Перевод М. М. М.

БЕКСУЛТАНОВ

(Род. в 1954)

Бексултанов Муса Эльмурзаевич родился в Казахстане. В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Автор четырех книг: «Облаков журавли белые» (1985), «И завтра, как вчера» (1988), «Иногда, когда мне грустно» (2004), «И кто постучится в дверь твою в ночи» (2004).

Член Союза писателей России. Лауреат Ленинского комсомола 1988 г.

Лауреат премии журнала «Вайнах» 2004 г. Лауреат премии «Серебряный сова» 2005 г.

Живет в ЧР.

Произведения Бексултанова переведены на русский, фран-

Не спасся...

Мусульман Поираза, ничем не отличался от всех остальных. Это трудолюбивый. Трудился он, не различая дня и ночи. Довт не знали. Зато сам он знал себя хорошо. Для этого было достаточно. Довт знал, что жить тяжело, но все же прожить, ничем себя не запятнав. Знал, что потеряться, чем потом мстить за обиду. Потому и не боялся, будто со сломанной шеей, уставясь в землю, что взгляд его не стал поводом для неприятности.

Боялся не так, как другие, не страхом за свою жизнь. Боялся оказаться в чем-нибудь виноватым. Быть

невиновным было трудно. Невиноватых не били, детей в колыбели и тот казался подозрительным – что чувствуют дети?.. Вот чего боялся Довт. В те времена, когда судительным считалось даже иметь коня под седлом (сгнинуло из-за коней), Довт продал своего осла, потому что тоже животное о четырех ногах.

И все равно Довт не спасся. Его, правда, не искали на дворе с обыском, как к другим, не врывались. Ему приходила повестка. Многие из тех, кому приносили повестку, в беге, не шли, куда вызывают, хотя и не были ни в чем виноваты. Те, которые шли, не возвращались, а если возвращались, то один, в лучшем случае, двое из десяти.

Повесток боялись.

Довт чинил сапетку (прутья он принес на синева, а ему протянули повестку).

Ему ее прочитали. Его вызывал начальник Шейра, рано утром (оставил время, чтобы сбежать).

«Чего они хотят от тебя, ты же ничего не слышал?», – зала жена, словно услышав сомнения Довта – он стоял мышля идти или нет.

Он снова думал о пятерых своих детях, все девочки. У него-то и сына не было.

В самом деле, что он такого сделал, чтобы от него спросили? А что сделали Израил, Мажид, Мална, Сани, Шовхал – все, кто сгнули? Нет! Мало ли... Мална, что... Не было, откуда... как... Уж он-то знал из своего...

Довт пошел.

Мысли Довта снова перестали ему подчиняться, его, раздетого, избитого, медяка не стоящего, с разорванным рившегося пса, швырнули навзничь в бетонный двор.

Он узнал, что такое Судный день (слышал, что в какой-то раз после смерти), когда впервые в жизни увидели, как бабьи рыдают сильные мужчины – те, что раньше...

и в рывках и мужестве нет, как они клеветают друг на друга, спущенные штаны, стоя на ногах день в страшных муках. Ноги пухли. Сознание дробилось на слова. Разных слов.

Их спрашивали того, что говорят. Им было безразлично говорить. Что бы ни спросили, отвечали «да».

«Хотел свергнуть Советскую власть?» – «Хотел». – «Хотел штургов патронами?» – «Снабжал». – «Ненавидел немцев?» – «Ненавидел». – «Был за немцев?» – «Был».

И спрашивали: «Был?» – отвечал: «Был». Если спрашивали: «Не был?» – отвечал: «Не был».

И если слов не попадалось, сообразить, что надо ответить, Сознание не воспринимало. Сознание отупело.

Иногда человек отвечал «да» на все, о чем его спрашивали, мажани большой палец чем-то черным и прижимая к написанному.

Иногда не знали, что это значит. Если и знали – думать не успевали. Если и думали – сделать ничего не успевали. Итого людей по одному уводили.

Иногда из тех, кого уводили, прощались. Увидимся, говорили, в будущем свете.

Иногда прощаться забывали, они были не в силах осмыслить, кроме приказа.

Иногда забывали, вцепившись в кого-нибудь и моля о пощаде, и сами пропадали.

Иногда пропал. Довта не увели.

Иногда говорил ни «да», ни «нет». Не обронил ни «был», ни «не был».

Иногда вояльщик, выбив рукоятью нагана зубы, свалил Довта. Довта понял, что пришла смерть. Потом, когда туго держащего блестящего сапога сломал ему два ребра, Довта еще раз.

От него требовали, чтобы он принес винтовку.

Били все время по голове.

Выворачивали руки, заламывая их по частям.

Руки сначала болели. Потом боль постепенно прошла. Руки висели веревками, их можно было бы вынуть и выбросить.

Когда ему сломали палец левой руки, он крикнул: «Я не живой».

Через три недели, утром, вошедший с миввой охранник (люди называли его «сторожем»), спросил: «Чего от него хотят?»

Довт рассказал.

– Ну так сдай винтовку, – удивился сторож.

Довт объяснил, что у него никогда не было винтовки, что и кинжал-то отцовский давно отдал.

– Скажи, что есть, – посоветовал сторож. – Иди туда, где ты дешь отсюда, а там...

– Того, чего нет, говорить не стану, – стоял на своем Довт.

– А бегать – это не по мне.

– Скажи, что есть, – снова посоветовал охранник. – Если тебе помогу, найду винтовку. Многие сдали и сейчас сидят теперь на воле.

Довт не понял или не поверил, а точнее сказать испугался, как испугался в тот день, когда пришла винтовка. В тот момент мысли неожиданно прояснились, стало понятно, что происходит в чужом, увиденном кем-то другим мире. Охранник с первого дня коварных допросов навигировал его по тому же пути – бежать. Почему? Зачем? Из их мира бежали другие, сами не зная из-за чего.

Его били еще пять дней, а Довт все не мог понять, зачем начальник дает ему возможность бежать, чтобы он шел домой за винтовкой.

Каждый раз он отвечал, что у него ее нет.

Довту пришлось сказать, что винтовка у него
его жены Халисат, прорвавшись через все
дверца, расплавленным свинцом влился ему в

тогда Гелага, сына Сады, расстрелянного в
этом году.

Он ждал три месяца, не очернив наветом ни себя,

ни пальцев на руках Гелага полопались, когда их
дверью и косяком, потом ему сломали по
каждой руке.

Женщин в тюрьму привели его молодую жену
и вдобавок медового с ним не прожившую, начали
у него на глазах. Тогда Гелаг принял грех на душу,
и все, о чем спрашивали, сделал он сам. Так и не
успел чернить, и Баргаш раздели донага. Говорят,
он один пошел.

* * *

Три дня после того, как Довт повидал Халисат, его
с собой вернуться с винтовкой.

«Вернешь и будешь свободен, – сказали ему.

Женщины, вывели из тюрьмы и передали тому
человеку, который приносил ему еду, чтобы тот про-

дверев дверь своей каморки, положил перед
книгу со строками из Корана. Довт трижды
не выдавать того, кто продал винтовку.

Той же ночью (по уговору) ждал с винтовкой,
во дворе у Довта в кукурузном стоге. Довт вы-
дали деньги, сколько было запрошено за винтовку, и
обещавшись не выдавать продавшего, отдал их

Три дня ждал Довт, не придет ли кто в плен. Но пришел.

Довт понял: хотят, чтобы сбежал. Теперь он не скрывались все те, кто за последний год нечего. Сбежать удавалось легко, но потом беглеца не преследовали и, если не могли найти, все равно, будь убивали.

Многие, как это сейчас собирался сделать Довт, вать оружие, и он не припомнил, чтобы хоть кто вернулся, даже слепой Ахъяд, в двух шагах от него ший. Довту винтовку дал сторож, а вот где в плен ре ные, он так и не смог понять.

За долгие три дня и четвертую ночь, проше в мах, он не сумел разобраться, почему власти наму жать ни в чем не повинных, преступных не больше в воде, людей, почему находят самые разные стовинения и даже на фронт по заявлению не оти только грубят – там, мол, такие не нужны. Потом что все это какая-то чудовищная подлость, какой-то на хитрость, разобраться в которой под силу разве вышнему. Поняв это, он поклялся (сначала спросил благословения), что не погибнет от этой нещелости, не взяв с собой на тот свет чью-нибудь дуи тку за свою. Потом пришло спокойствие, словно уже жно случиться, давно уже случилось.

Говорят, на четвертый день Довт был очень спал детей, возился с отложенной, было, помышл не обращая внимания на боль в сломанных пальцах.

Никому из тех, кто приходил навестить его, он не что должен вернуться в НКВД. С большим трудом лось и Халисат убедить в том, что его отпустили и что он все уладил.

Утром Довт совершил намаз необычно рано. После этого Халисат уложил все разбросанные за неделю вещи на один большой стог. После этого, начав с обычных воспоминаний, затеял откровенный разговор. Рассказал Халисат все свои дела — кто сколько должен ему. Затем тщательно подстриг ногти и ногти, позавтракал, надел чистую одежду и вышел во двор. А когда Халисат спросила: «Что тебя так грустный?» — он, попытавшись улыбнуться, ответил: «Надо же, а еще бы немного, и пропал бы, наверное».

После обеда, стараясь не попасться на глаза Халисат, вышел в сад и долго простоял, разглядывая себя в зеркало, выткнутого в стену, кашлянул несколько раз, но никому ни слова, на улицу и медленно зашел.

Вечером крикнула ему вслед Халисат.

«Довт, тебе совет, сдам налог. Надо же тебе было заплатить. Ужин приготовь вовремя, — сказал, говоривший, Довт.

Халисат его не видела.

* * *

Вечером Довт, сторож растерялся: вскочил со стула, пришедший Довт заставил себя остановиться и попробовал встать, мол, пришел сдавать винтовку.

Довт сторож не сказал Довту ничего.

Вечером же винтовка, в который раз проданная сторожам, ни разу не выдав мыслей своего

Халисат, — услышал Довт.

Халисат должен видеть начальника, начальник велел прийти ему самому.

Сторож отвел его к двери в кабинет Довта и попытался улыбнуться.

Карандаш выпал из рук начальника, упал на пол и покатился по столу. Начальник побледнел, потел. Желваки взбугрились.

– Покажи винтовку, раз уж ты ее привез... А ты разрабатывал операцию по твоему задержанию? – приподнялась со стола.

Выстрел ударил начальника точно в левый висок. Пуля вошла в его грудь. Довт выскочил за дверь и пошел по длинному, узкому коридору. Сторожа на месте не было. Собирался рассказать ему о случившемся и предложить вместе.

– Руки вверх! – раздалось за спиной.

Обернувшись, Довт увидел зрачок наганный выстрелом целенного в его переносицу.

«Сторож», – поняли глаза, прежде чем развилась паника в уме. Ничего не увиденное.

– Послушай, – вырвалось у Довта.

Свистнула, едва не отхватив ему ухо, пуля. Довт успел нажать на курок, его куснуло в грудь. Он понял свою главную ошибку чуть раньше, чем пуля вошла между бровей. Третью пулю сторож, одетый в камуфляж, всадил ему в затылок.

Тело Довта дернулось в последний раз.

* * *

На надгробье, установленном без могилы у дачи в этом году, написано, что Довт, сын Новраза, умер в этом году. Похоже, что мастер-камнерез забыл уложить надпись первого месяца осени. Но это, наверное, теперь не так важно и нужно.

Перевод А. М. М.

Он постучится в дверь твою в ночи...

...и неожиданно возвращались в город.

...уже можно увидеть автомобиль. Солдат и военной техникой. Техника движется по улицам очень шумно. Шум невидимой техники слышен далеко. Похоже на войну.

...на первых этажах полуразрушенных домов, запертых дверями, оставили маленькие оконца.

...из этих оконца можно увидеть несколько человек, получают гуманитарку или хлеб.

...я тоже набрел на большой грузовик.

...раздали продукты всем, кто подходил, не спрашивая. Я получил два килограмма риса, килограмм иодированное мыло.

...на работу, посещая каждую вновь открывшуюся

...еще не нашел: газеты еще не открыты и журналы. Все, кто работают в конторах, носят папки и строгие галстуки.

...становится, что все они начальники: замначальника отдела, помощник заместителя. Покурив пару сигарет, уходят.

...всегда в отъезде, а насчет работы ответ один: не знаю.

...я уйду, будто и не я сюда приходил.

...нигде, просто хожу, думая, что я тоже ищу себя, брожу в поисках самого себя...

...знаю, что со мной, я всегда такой, словно меня

...из воспоминаний или с картинок из будущего. Смотрю на мир глазами, как воспоминания о прошлом, моменты, которых никогда не было в реальности. И

в зеркале я вижу как будто другого человека. Так и не
никогда не вставая, если бы не надо было на рынок
ходимо питаться.

– Купи у меня, мои весы правильные! – слышал я
девушка. Я остановился, глядя на нее.

– Сколько взвесить? Этот подойдет? – поинтересовалась
сок сыра. У этой девушки была тонкая шея. Ее волосы
девичьи гладкая, белая, не видно ни вен, ни артерий,
сосудов.

– А что, весы бывают неправильными? – спросила она.

– Иди, иди! Она обманывает тебя, – другая женщина.

Потом, когда я отошел:

– Ты сумасшедшая? Он же ненормальный! Не обращай
внимание? – это девушке.

Смех девушки.

Потом Зарга, моя Зарга, ушедшая, оставив меня

Этот человек приходил и вчера, он требовал тысячу
рублей в месяц, убеждая, что квартира привлекательна.
Я перешел в соседнюю квартиру, вслед за мной – другая
квартира. Здесь много, на каждой улице, пустырях, дворах
бомбежками.

Мыши переселяются вслед за тобой, и с ними переселяются
другие мыши. Мыши тоже голодают.

У меня маленькая печка-буржуйка и детская кроватка
одеяла. И лампа. Три книги и один дневник, это в мусоре.
Я подобрал его, увидев на обложке фотографию девочки
вочки. Ей было, судя по надписи, четырнадцать лет. Мне
жаль ее, эту фотографию.

Я вынужден спать в полусидячей позе, так как ноги
раются в спинку кровати. Руки свои либо скрещиваю
на груди, либо сцепляю на затылке.

...ривая широко раскрытыми глазами на огонь, луч-
...И правда, мысли изредка прерывают мыши, про-

...а не жжигают. Свет все как-то обнажает, делая
...и мысли, и воспоминания. А они только и ус-

...тут, когда все просыпается, мысль исчезает. И ты
...словно тебя и не было.

...одно и то же. Душа днем прячется или
...проснуться позже, вечером, когда ты оста-

...нормальным настолько, чтобы обманывалась душа, —
...самое благо.

...ожидания чем-то, веры и ожидания, не так уж и
...человека.

...обманное — это, обманываясь каждый день, про-
...жизнь. Когда ты погружен в самообман, к тебе
...веры и надежда.

...это ожидание или же вот такая жизнь в раз-
...относительно мира и нет вовсе.

...вереду ее или живу с ней, как тогда. Да и слово
...вот непонятно: Зарга всегда со мной.

...гибели меня не было дома, я ходил на пойс-

...рующаяся с водой, во дворе были две женщины,
...было.

...Низко стелился дым. И полыхал огромный

...увидел ногу Зарги, она лежала на земле, рядом с
...Они положили ее на какую-то тряпку. Сначала
...голую ступню, без чулка. Я не разрешал ей

Я присел. Женщины о чем-то говорили. И вдруг
Тогда я закурил сигарету. Две женщины ушли
после заката. На следующий день я нашел на дороге
ги, уцелевшие в огне. Пришли несколько человек с
нованиями.

И тогда, глубоко закопав ногу, чтоб псы не выгнали
Самолеты бомбили и в этот день.

Я не верю, что со сменой суток и зиме и лету
годы (двадцать, тридцать, шестьдесят...), что время
так мало.

Мне кажется, я существую со дня сотворения
мои мысли, родившиеся в течение минуты или час
дят сквозь столетия. Кто-то сказал: «Вечность — это
вечность — забытое мгновение». Весь мир — один
чер, ночь. И вечер меняет этот день на день, а
так проходит один день, одна мысль, одно мгновение.

Очень близок к истине тот, кто утверждает, что
настоящем есть и прошлое, и будущее, словно все
мя, мир, сны — одним узлом, в одной мысли, в
тившем мгновении.

«Мы никогда не умрем», — сказал я Зарге во сне. Я
с маленьким ребенком. Мне показалось, что он
мне или себе. Я хотел сказать: «Мы вместе, мы не
лись». Я не в силах был произнести это так, как
наяву.

В последнее время ночи очень тоскливые, как
защитно-печальные, некому откликнуться на вой
и плача ребенка.

Вокруг какая-то глухая тишина, и пока мысль
далеко, даже ход будильника кажется чудовищным

В этой мрак иногда раздаются крики ворон. Они
визжат в рощах, словно собрались по чью-то душу.
Воздух по телу пробегает дрожь, а душа сжимается,
вспомнив звери, вот-вот ворвутся солдаты.

Вот-вот они уничтожили, забирая ночью и же-
лудом вчера, ломая позвоночники, ребра, руки и
головы черена, вырывая сердца...

Вот-вот здесь, ожидая ночами своей очереди,
страшно застанешь кого-то из соседей, ждешь, кто
выскочит в дверь твою в ночи, ждешь рассве-
та в темноту.

Вот-вот чужие люди, пришедшие из чужой страны, с
чужой верой, столь жестоки не в своей, чужой стра-
не? Ты должен их вот так бояться, прятаться от них?..

Вот-вот на мою землю, может прийти человек, от
кого лучше убежать, а ведь он убьет меня, если не убе-

жит. Почему трусость убийцы, идущего в чужой дом,
убийца, убить народ, оставив дом, где когда-то на-
ходилась, свою улицу, село, и мать, провожая, напут-
но вернуться с победой...

Вот-вот враг — я или он... Я же живу у себя дома, на
земле в своей стране, со своими обычаями, языком,
культуру...

Как же так случается: из незнакомой стра-
ны в мой дом приходит человек, чтобы убить
отца, мать, братьев и сестер, потом Заргу, не ос-
таив ни дома, могилы, и я же еще враг... А потом его
встретили с цветами и музыкой, как героя, достой-
но, славят мать, сестра, любимая, страна...

Вот-вот героизм, какая это победа и в чем спра-
вдливость?

Вот-вот читая хадис, в нем сказано, что бранный мир
можно удержать на пальце, если окунуть его в море,

столь же быстротечен и преходящ. И он произвел на меня такое большое впечатление, я понял, что в этом — не сон.

Это становится ясно, если проанализировать события. Размышления и прошлое едино, точно так же и желания, и будущее — все можно создать мысленно.

Кроме как самому себе и Богу, давшему мне возможность, я более никому и никогда не верил.

Я раньше не верил, что сны можно испытывать.

А сейчас я часто вызываю к себе Заргу. Она приходит с ребенком.

Я забываю спросить у нее, чей этот ребенок.

Изредка вижу свой дом, он пуст. Правда, стоит на побелке, а на полу лежит кучка мусора.

— Оказывается, Зарга, дом-то сохранился! — сказала она, обрадовавшись.

Тогда и Зарга засмеялась, несколько раз махнула кисточкой для побелки. Когда я вернулся, обнаружил, что новые комнаты, Зарги не было.

Я увидел ведро, рядом с ним лежит кисточка. Тогда я понял, что это сон, я во власти сна. И я разбудил сам себя.

В моем сознании отпечатались слова:

Столь долго повсюду со мной ты была,

Так что же сегодня нигде тебя нет?..

Раньше я думал: хорошо, если бы девушка (старая или молодая) никогда не старела, а старел бы ты. Мне хотелось умереть на руках у милой, чтобы после моей смерти осталась она, такая же юная, со своим нежным ароматом.

Я поделился этим с Заргой. Она заплакала, сказала, что тоже хочет умереть вот так, на моих руках. Мне понравился аромат ее кожи. И улавливал я только ее запах. Так что я бродил, словно забыв о чем-то важном. Потом вспомнив, крепко обнимал Заргу, пряча лицо в ее волосы, тогда я жадно вдыхал запах, ни с чем не сравнимый.

...наполняя им грудь, пытаюсь наполнить им
...иным,

...в поцелуях Зарга казалась совсем маленькой.

...и тогда оставалась лежать на полу двумя кучами.

...иногда плачущим, словно котенок, под моим бо-
...на спине), она плакала, повторяя: «Лучше уже
...ничего, лучше не будет».

...иногда. Я думал, когда она так говорила. И не
...иногда так боюсь.

...иногда сына. Я не хотел, чтобы между нами был

...иногда забрал бы ее. Я не хотел, чтоб она стала просто
...иногда, как все жены. Я любил ее саму, без ничего, без
...иногда рядом. Я всегда заставлял ее ходить, как ма-
...иногда девочку, не завязывая волосы. Изредка разрешал
...иногда или две косички. Не разрешал носить чулки.

...иногда, чтобы и шея ее оставалась открытой, без укра-
...иногда – без сережек, а пальцы – без колец.

...иногда платья не разрешал я ей менять. Одежда тоже от-
...иногда словно чужую девушку.

...иногда шло свободное, широкое ситцевое платье, с
...иногда широким воротником. Это платье было алого цвета, с
...иногда широкими плечами. Длинное, до щиколоток, видны лишь
...иногда плечи.

...иногда она зачем-то наклонялась, обнажалась гладкая бе-
...иногда бедра округлялись. И тогда у меня перехватывало
...иногда душа начинала метаться.

...иногда обвинял вокруг ее тела платье, словно Зарга была
...иногда. Мне она казалась росточком или ветвями ростка,
...иногда сметен ветром.

...иногда Зарга погибла, или сгорела, или исчезла – я не знал,
...иногда (знал, что умерла, но не верил, потому что не

видел трупа), я шел по городу, слыша со всех сторон и стрельбу.

И авиация не переставала бомбить.

– Эй, прохожий! – окликнул меня кто-то, выйдя из-за стены дома.

Я подошел.

Их там было много, укрывшихся от бомбежек в подвалах до зубов. Взяли мои книги.

– Это что у тебя? – спросил один, раскрывая книгу Шопен... Шопенгар...

– Шопенгауэр, – сказал я.

Другой забрал у него книгу.

– «Афоризмы и истины», – прочел он вслух.

– Ты не шпион?

– Какой шпион? – ответил я вопросом на вопрос.

Подошли женщина и девушка. Оставив женщину на одной стороне, женщина, с трудом преодолевая застенчивость, здоровалась. Голова ее была покрыта большим платком, в ногах – мужские ботинки. Девушка одета в кожаную куртку. Она была спелой, с пухлыми губами и глазами. Волосы имели естественный золотистый оттенок. Женщина рассказала, что мужа и сына похоронили во дворе его дома и с дочерью скрывается в подвале у ее дяди. Она опасалась за судьбу своей дочери: если придет время насилия не избежать... Выдать бы ее за кого-нибудь, чтобы встретить знакомого...

– Я твой зять! – выскочил вперед, подбоченясь, ополченец.

– Смотри, и в самом деле недурна собой, даже с фиолетовым цветком, – оценивающе проговорил стоящий рядом ополченец.

– Люди выходят из города через Старую Страну, совет человек в годах, – попробуй и ты со своей дочкой уйти из города ...

— Нет, никого с вами нет? — спросила женщина.
— Нет, ответил мужчина в годах. — Я бы оставил твою
сестру, оставил ее своей сестрой... Но неизвестно, что
там творится... Попробуйте выйти из города, жаль

но она хочет ее выдать за кого-то, прямо сейчас со-
ветую... Я как раз холост...

— Иди прочь, тварь! — выкрикнул кто-то другой.

Женщина плакала.

Воздух страшно дым, черный, как тучи. Кое-где вверх
по улице, следом раздавался взрыв. Самолеты запо-
рали. Но обстрел был интенсивным и без них. Сна-
ряды валили и ту же точку один за другим. Затем вспы-
хнула, улично горела вся земля.

Через несколько недель я дошел до поселка Катаяма. Жи-
тели бегали и подвале поликлиники. Было много жен-
щин четверо молодых парней. Старик, который по-
сле войны. У него пропала жена. С ним девочка лет
двенадцать. Он называл ее Макка. Она же сказала, что ее

там тогда стужались сумерки, из пустых домов при-
ставали к соленьям. Недостатка в муке тоже не было.
Водка была только ночью.

Водка была где-то доставали водку. Потом, напив-
шись, они шутками приставали к женщинам. Одного
из них избили.

Женщина с двумя дочерьми ушла ночью. Через
несколько дней в двух улицах ниже нашли ее полуобгоревший
труп. Он пропал бесследно.

В марте, на рассвете, в подвал пришла окровав-
ленная женщина в обгоревшей одежде. Ее руки были
в крови, лобное лицо отекло и почернело так, что невоз-
можно было узнать, как оно выглядит в нормальном состоя-

нии. Белки глаз залиты кровью. Кроме того, они били в бедро и пах.

По ее словам, они вдвоем с подругой пришли в новодска, чтобы узнать, не сохранился ли из них кто-то. Трое суток глумились над ними целым подразделением, выстрелив в них несколько раз, подожгли их дом. Дом сгорела, а она выжила. Солдаты, издевавшиеся над последними, были пьяны.

Женщины в подвале начали вопить: «Они мучают нас, чтобы убедиться в вашей смерти, а не найдут нас, мы будем искать и обнаружат нас, ты должна уйти», — плакали. В то же время каждая чем-то стараясь помочь.

До рассвета мы проводили эту женщину в подвалах, по ней можно было уйти из города.

На второй день, после обеда, неподалеку от дома бомба.

— Похоже, попала в мой дом, — сказал кто-то из солдат, что у меня есть, находится на чердаке, и я слышу, как взрывается.

Несмотря на уговоры дожидаться темноты, мы пошли посмотреть, что же стало с его домом. И не вернулись. Его звали Сайпуддин.

Ляля, дочь старика, вышла замуж в этом же году.

Ее отец, оказывается, был знаком с дедом старика. Дедо человека. Старик сам выступил инициатором свадьбы. После этого события распорядок нашей жизни изменился: дочь жила с отцом, мы — отдельно, сами по себе, кроме исполнения обряда женитьбы, представлявшие единственность совместной жизни молодым мы не имели никаких условий.

Поздравляя молодоженов, я подарил им одну из трех книг, сделав поздравительную надпись. А теперь делаю, как плачет старик, пытаюсь скрыть свои слезы.

он плачет. И он, и мы были свободны, как ветер, вода
и небо, у нас была шопенгауэровская «физическая» сво-
бода и ни думать о чем угодно.

Я вспомнил другого старика, встретившегося мне до

этого в автомобиле (когда-то были и машина, и жизнь)
в Ирри и город. Посреди чистого поля, где не было
никакого человеческого жилья, у обочины стоял старик,
улыбаясь. Я остановился.

— Ты оказался здесь, где нет никакого поселения? —
спросил я, проехав довольно далеко.

— Мы ждали наши сваты с зятем. Я поехал с ними, ма-
шина сломалась, и я вышел. Потом машину взяли на буксир.
Сваты хорошие люди... Я остался. Ты не женат? У меня
есть одна дочь, на выданье...

— Ты же женат, — сказал я, взглянув на него.

— Ты мне показался приличным человеком, поэтому я
и женился. И наша дочь красивая, вежливая девушка, будет
хорошей женой своему мужу.

Я снова взглянул на него, немало удивившись.

Он молча сидел, глядя вперед и не понимая причину
моего удивления. Впоследствии я часто вспоминал этого ста-
рика и одиночество. И сейчас, увидев, как плачет старик
в поле, я вспомнил его вновь. Я не знал, почему он пла-
чет, но беспокоиться не хотелось.

Вспомнил я и увидел во сне Заргу в длинном белом наци-
стском плаще, талия была перехвачена старинным сва-
дебным поясом.

— Ты одна двоих, никого не было.

— Ты куда собралась? — спросил я, помня, что она мертва.

— Куда тебе выхожу за тебя? — обняла меня Зарга, тесно
прижавшись ко мне.

Меня разбудил аромат, аромат ее волос

Увы, увы, поймать бы хоть раз жизнь, живишь
ли... Запечатлеть в сознании одним словом, вы
ной, одним взглядом, одним мгновением. Потом
рассказать всю любовь – со дня сотворения мира
ного дня – одним словом, передать одним
крепко держать, не отпуская... Оказывается, в мире
большая любовь не приносит счастья... Мир –
взгляд, короткое видение, мгновение заблудившей
Мои пальцы и сегодня ищут коралловую, словно
ную кровью, родинку на ее бедре, а потом еще
левой грудью, у сердца, блестящую, словно
– Не нашел? Забыл? Не скажу, не скажу!

Наконец мои пальцы находят ее в перхоти
на правой стороне, где пульсирует вена

«Не сравнивай еду с мясом и не меняй де
ство...» Оказалось, что весь мир заключен
ловеке, понимающем тебя.

Горе все больше угнетает, с каждым днем,
останавливаешься, оглядываясь, и видишь
роги, следы...

Я хочу жить,

Радуясь благодати неба.

Но сначала –

Освободившись от любви, ненависти,

Сомнений, ожиданий и страха...

Да, меня освободили от ожиданий, любви
освободили. Страх оставили, чтобы моя душа
стала лишней, чтобы я продал душу...

Я ушел из подвала, поняв, что не погибну. И
когда увидел во сне Заргу в платье невесты

Два раза меня задерживали солдаты, и оба раза
жив.

...существовавший, – сказал один, протягивая Шо-
...товарищу. Он пристально посмотрел на
...на книгу.

...успышал я.

...выстрел. Я остался стоять на ногах. Потом по-
...как разливается тепло по моей правой ноге. Я
...ударил в ногу. Взглянул на нее. Потом – на солдата.
...вспомнив, как истолковал свой сон.

...сказал потребовавший проверить, – пусть хо-
...побольше...

...солдат, схватившись за ствол левой рукой, раз-
...как дубинкой, ударил меня прикладом автомата
...наизгиб.

...они торопились: уехали, швырнув с БТРа мою

...я не собрал дров побольше, чтобы жечь до рас-
...подкладывая, сидя перед печкой?.. В пламени
...красота воспоминаний о далеком детстве, ро-
...Иногда представляю себе мать, потерянную мной
...по возрасту.

...как бы ни было, когда я вижу упитанного, чисто-
...семенящего за матерью, ухватившись ру-
...платья и деловито бормоча что-то себе под
...кажется, что это я, не успевший познать материнс-

...помню ее, лежащую на белой постели, и себя,
...у постели и зовущего ее: «Вставай, мама!»
...много людей, кружащих в зикре.

...мать умерла, – сказали мне, – умерла, ее по-

...казалось, что ее похоронили эти люди, кружившие
...помню, как ходил на место, где был зикр, с ма-

ленькой палочкой и пытался оттуда выкопать мамин
ривая: «Мама должна быть здесь».

Я не запомнил черты ее лица, только по фотографии
которой она держит меня голышом на руках, улыбаю-
тившуюся улыбку. Отца я вижу изредка. Когда увидал его
вые, не понял, что это отец, осознал позже. Он был
мокрых (по-моему, моросило) деревьев, не говоря о
Довольно длинная, с проседью борода, покрывавшая
голове. Мне показалось, он сгорбился еще больше, а
тлости в руках – толстая, сухая, кривая палка.

Выслушав мой сон, Зарга сказала, что это в порядке
Через пять дней Заргу убили.

Кыш! Прочь! Эти мыши достали...

Вчера вечером, устав слушать шорохи в подвале, когда
пакете и поняв, что туда попала мышь, я заглянул в пакет
ком много их развелось тут, они дерутся на пол, бегают
мне. Потом поднес пакет к печи и нацунал ее двумя паль-
цами, вытащил мышку и, размахнувшись, изо всех сил ударив об пол, убил ее.
заметно улучшилось настроение.

Сейчас неожиданно я вспомнил эту мышку и теперь
жалел о содеянном.

Что она могла съесть у меня или что мною съедена
бы она смогла съесть... Если и ей, и мне пропитание
Бог, то и получить это пропитание разными путями
ет тоже Он...

Удастся ли мне избежать ответа за душу этой мыши
Почему? Люди совершают...

Люди... нет... не надо... не говори, люди делают
гал от них, от людей, чтоб не видеть их, исчезнуть...

В юности, принимая их за себе подобных, я
отдавал им и содержимое кармана, и сердце, и душу...

...вед, что ты делал, чем дорожил, они, искажая, говорили о твоей (не имея ни мужества, ни щедрости, ни любви, как ты)... Как бесполезно, глупо было проявлять бесгородство, поддерживать с ними отношения, когда им чувство собственной значимости, а я обременен дружбой».

...когда их шли в гору, они расставались с тобой, чередуя в глазах других, а на твой возмущенный вопрос: «Что говорите, что вы?!» – невинно улыбаясь: «Простите, вы видите демона», – и шли дальше, осуждая тебя. Ты ужасное: ты не мог даже защититься от их навешивания, что им было нужно, обвинив тебя, выйти сухим из воды».

...а тебе ушел, чтобы не видеть, не слышать их, скрылся в Заргой, оставив им их мир.

...всех этих мук, и войны, и несправедливости, которая кроется в людских сердцах, в их неискренности. Если не в этом, то в чем еще?..

...когда я узнавал людей, тем чаще у меня возникала мысль: «Богородице, эти люди хоть чего-нибудь боятся?» – «Боятся смерти они не боятся. Тогда чего? Чтобы осознать бытие, достаточно ночи. Если бы не было одиночества людей не имело бы веры. С ночью призрачность, а одиночество заставляет размышлять. В темноте – и Бог, и смерть, и праведный мир.

...такая обычная ночь, и я, как всегда, один, не слышно человеческого голоса, ни детского плача. Даже собачьего лай. Они-то куда подевались, их же так много оставили, когда люди уходили из города? Неужели их съели? Наверное, съели. Они же все едят, выпрашивают в лавтах...

...какая-нибудь эта ночь пройдет? Рассветло бы скорей!

...ночью, тяжелы, ночи, когда неоткуда ждать помощи...

Я боюсь, что меня убьют ночью, лишат возможности видеть мир.

Я тысячи, сотни тысяч раз вспоминаю свое детство, потом представляю то, что со мной никогда не произошло, создавая в своем воображении другое настоящее, словно являясь продолжением того прошлого. Но время надоедает. Тогда остается лишь Зарга. Она, как и в детстве, не стареет, не теряет своей чистоты, умерла. Но не погибла на войне, а прежде, от какой-то болезни или от чего-нибудь еще. Двое детей, один мальчик и одна девочка, остались. Мальчик, как и прежде, стоит, как и прежде. Войны не было. И мама всегда присутствует мальчик, которого у нас никогда не было. Я остался с сыном, похороны завершились, похороны

Ночь, но в комнате светло.

– Папа! – зову я голосом сына.

– Что? – отвечаю сам себе.

– Почему мама не возвращается домой?

– Она вернется, – смеюсь я, словно говорю про себя.

Сын играет на полу в машинки.

У него золотисто-зеленые глаза, как у матери.

– Папа! – вновь зовет сын.

Я оборачиваюсь.

– Мама обещала взять меня с собой туда, где есть мороженого.

– Обещала?

– Да.

– Хорошо.

– Тебя угостить, папа?

– Да, – говорю я.

– Когда мороженое привезли в наш магазин, мама принесла мне целых два!

– Ты оба съел?

– Ага! – мальчик улыбается.

Я долго смотрю на него.

... купишь мне трехколесный велосипед?
... куплю.
... трехколесную бескозырку со звездой?..
... не подбогает. Пытается залезть ко мне на колени.
...
... смотрит на меня снизу вверх и смеется. Потом об-
... кладя головку мне на грудь. Я провожу рукой
...
... и головой не играешь, папа, — говорит мальчик, не
...
... когда вернется мама?
...
... почему она не возвращается?
...
... когда, три... она вернется, когда пройдет столько но-
... дагибает пальчики сын.
... говорю я, — не скучай. Папа купит тебе трехколес-
... магросскую бескозырку, мороженое.
... так и прежде, обнимает меня, кладя голову на
...
... наступает тишина, гнетущая, разрывающая бара-
... бесконечная тишина. Кажется, что сер-
... бьется в моей груди и мальчик слился со мной.
... пальцами, словно глажу по головке ребенка. Я
... чувствую его волосы. Мягкие, детские.
... мама! — кричит мальчик.
... что случилось? — я неожиданно пугаюсь.
...
... иди, спи.

– Я боюсь, папа, спать один... без мамы, и уже не спал...

– И сейчас ложись, мама вернется! Когда ты проснешься, она приходит и ложится с тобой, а уходит, когда ты спишь...

– Папа, ты разбудишь меня до ухода мамы? – спрашивает мальчик.

– Разбужу, – говорю я сам себе.

Мальчик уходит, укрывается одеялом и засыпает.

Мальчик знает: когда он проснется, мама будет рядом.

Я тоже знал... знал: когда проснусь, Зарга и не будет. Есть только во сне.

Я лег спать.

Просторная зеленая поляна, покрытая множеством белоснежных цветов.

В небе белые голуби, ни один из них не садится на траву. Потом белые перья голубей падают на поляну.

Откуда-то, словно поднимаясь из низины, на горизонте появляется Зарга, постепенно увеличиваясь в размерах. Реальная, она подходит ко мне и за руку ведет ребенка. Сыр ребенка вьются колечками цвета соломы или золотого песка.

Меня не было, меня нет, я не вижу себя, так как не мое сознание, взгляд...

– Зарга... Зарга... я забываю спросить у тебя, кто бывает этот ребенок... он чей... почему...

– Это же наш с тобой сын... я не сказала тебе об этом, о ребенке...

– Как... этот мальчик... наш... мой сын... Зарга... тавь его со мной... со мной...

Когда я проснулся, шел дождь...

Стучали в дверь, в мою дверь.

В комнате темно, как в могиле, и, как в могиле, в комнате...

...к окнети, Вскочил. Остался стоять на месте.
...двигаться. Тело и ноги парализовало, они отя-
...свинцовые.

...кто...

...стучало. Разрывалось, готовое рассыпаться на ты-

...плечи, все мое тело забило, словно в оз-

...и впервые заплакал – впервые после смерти
...ребенок, проснувшийся в темной ком-
...пачным кошмаром, безудержно, в голос,

Перевод М. Эльдиева

Султан ЯШУРКАЕВ

(Род. в 1942)

Султан Яшулкаев в 1990 году издал книгу поэзии «Звездные зерна». Его рассказы, стихи выходили в коллективных сборниках, журналах «Орга», «Вайнах» на чеченском и русском языках. Повесть «Белое пятно в сумерках ночи» впервые опубликована на чеченском языке в коллективном сборнике «Впереди еще было полночи» (1988 г.). На русском языке повесть вышла в авторском переводе в журнале «Вайнах».

В настоящее время С. Яшулкаев живет и работает в Бельгии.

Красный майор

В двух пехотных дивизиях, расположенных рядом, их набралось семнадцать чеченцев и четыре ингуша. Здесь, в третьей дивизии, куда их привел неразговорчивый старший лейтенант из особистов, оказалось еще одиннадцать вайнахов и два карачаевца. Правда, один из этих двоих на самом деле был балкарцем. Чеченцев и ингушей в этих дивизиях насчитывалось, конечно, гораздо больше, но многие остались в строю, указав в послужных списках другие национальности. Эти же, тридцать четыре человека, собранные сюда, были просто упрямы, выделившиеся из остальных. Они ни за что не согласились переписать анкеты и заявили, что не изменят свою национальную принадлежность, даже если ими выстрелят из пушки. А это выражение у вайнахов одно из самых крепких, и если оно высказано, то уж отступить от него нельзя ни за что. Мысль же записать чеченцев и ингушей под дру-

ими национальностями и тем самым сохранить их в армии, пришла в головы командирам, которые, получив этот неожиданный приказ, не захотели терять таких отчаянных бойцов.

Сами чеченцы и ингуши ясного представления о своей будущей судьбе не имели и среди них ходили самые противоречивые слухи. Одни уверенно говорили, что их, как самых храбрых во всей армии, соберут вместе и бросят затем десантом на главный немецкий город Берлин, чтобы в отместку за сына Сталина взять в плен самого Гитлера. Другие утверждали, что из них создается ударная группа для выручки окруженной где-то немцами нашей армии. Самым фантастичным, нелепым и не принимаемым нигде был слух, что их вообще убирают из армии и высылают куда-то, куда вышлись весь народ. И уж совсем невероятным был для них, несколько лет воюющих с фашистами, слух о том, что весь народ перешел на сторону врагов. Они были на войне, а получилось, что их семьи в это время выступили против них. Этого не допускала уж никакая логика. Некоторые даже недоуменно спрашивали, нет ли на свете еще какого-нибудь немецкого государства, кроме Германии. Но другого немецкого государства не было, а поэтому никто из них ни на грамм не верил в эти слухи, тем более, что начальство им по этому поводу никаких официальных сообщений не делало.

Но все равно в груди каждого зарождалось неприятное, холодящее и сосущее «под ложечкой» чувство. Каждый старался, чтобы это чувство, похожее на кусочек льда, не росло в нем, стремился выбросить его из себя, растопить, затоптать в снег и отойти от этого места подальше. Поэтому фантастичные разговоры о том, что их хотят бросить на Берлин, каждый пытался принимать за чистую монету, допускал такое и был готов на это. И это было куда логичнее, чем предположение, что их, с жестокими боями отступавших от Бреста до Сталинграда, а затем через огонь, смерть и кровь до-

шедших от Моздока, Ростова, Москвы, Курска и Ленинграда до Карпат, — высылают куда-то вослед своему народу. Но судьба их писалась другой логикой...

Штаб дивизии, куда их привезли, располагался в самом большом доме западно-украинского села. Дом был красивый, большой, с колоннами по фронту и хозяйственными постройками в тылу, говоря по-военному. Он, наверное, принадлежал богачу, который ушел с отступающими немцами, чей штаб до прихода наших, конечно, находился здесь же.

Их поместили в ограде хозяйственных построек, которые в лучшие для хозяина усадьбы времена служили для содержания свиней. Старший лейтенант, который завел их сюда, ушел, сказав, чтобы они отдыхали, пока их не отправят в штаб армии. Еще он сказал, что им сюда же будет доставлен горячий обед.

Под ногами у них был толстый слой свиного навоза. Вокруг снег еще и не думал таять, но в ограде его давно растопило тепло навоза, и было сухо. Навозный покров мягко «амортизировал» под ногами и отдавался в ноги теплом. Но эта сухость и идущее от него тепло были людям неприятны, не принимались ни душой, ни телом вынужденных стоять здесь чеченцев и ингушей, которые все как один были верующими мусульманами. И в силу этого свинья и все, что касалось ее, для них было грязно. Навоз под ногами вызывал чувство брезгливости, и они стояли на нем как на углях, обжигаемые отворачиванием. Конечно, они были солдаты, уставшие от вечности войны. И на каких-то внутренних счетчиках их тел накопилось столько бессонных часов, что они готовы были лечь и заснуть где угодно, в любом положении, но только не на этом навозе, неприятие которого было заложено многими поколениями отцов. Свиного мяса, правда, за последние годы им пришлось съесть немало — вера позволяла им делать это в экстремальных условиях. Но неприятие этого забора, этого свиного навоза и самого факта, что их загнали

именно сюда, было таким единодушным и оскорбительным для них, что никто не садился и не прислонялся к толстым жердям ограды. Разбившись на небольшие группы, главным образом, по принадлежности к тем воинским подразделениям, из которых их собрали, они довольно тихо обсуждали свое положение. К обеду разговоры стали набирать силу и превратились в единый гул. Потом этот гул стал накаляться и перерос в большой пружинистый взрыв открытого недовольства. Ему вдруг стало тесно на навозной площадке, поэтому он, легко смяв забор, вышел из загона и, все больше накаляясь по пути, двинулся к зданию штаба. Вначале этот гневный клубок не обратил внимания на нескольких автоматчиков, охранявших штаб, которые что-то кричали. Но когда те, потрясенная автоматами, пошла к нему, клубок раздвинулся, будто разинув огромный рот, и всех автоматчиков просто поглотил в себя.

Передние уже стали на ступени широкой, выложенной из тесаного камня, лестницы, ведущей в здание штаба, когда одна половина высокой желтой двухстворчатой дубовой двери распахнулась и выбросила на лестничную площадку старшего лейтенанта, который утром доставил их сюда и загнал в загон для свиней. Теперь лейтенант был бледен и, видимо, жутко растерян. Пытаясь скрыть свое состояние, он командно закричал:

– Назад! В две шер-рен-ги ста-но-вись!

Никто, однако, назад не подался и строиться не пошел. Тогда побледневший еще больше старший лейтенант бросил руку к кобуре и попытался вытащить пистолет. Но он не успел это сделать – разгоряченный клубок магнитом потянул его к себе, потом смешал с собой, и он исчез в его недрах. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы в это время к штабу не подъехал «виллис» со снятым тентом, а в нем – коренастый генерал-майор в белом полушубке. Генерал медленно вышел из машины и если не все, то многое, видимо,

понял в происходящих событиях. И чеченцев он и не угадал. Приказов генерал никаких не отдавал, и на его коковатом, с редкими оспинками лице не отразился ни в каком случае беспорядка.

— Ну, если такой шум, значит, Берлин мы уже взяли, — бросил генерал шутливо-ироничным тоном, и одновременно звучали и вопросительные нотки. Было угадать знание характера людей, к которым он шел. Шум стих и накал спал мгновенно. Это и характер находившихся. Если к любой перепалке подойдет старший лейтенант, то немедленно устанавливается внешнее мирное состояние, будто ничего и не происходило. Тем более, старший не кричит, не грозит и ни за кого из конфликтующих не заступает. После этой метаморфозы, произошедшей на накаленном клубком, из него выскочил старший лейтенант и с ладонью у козырька фуражки кинулся к генералу.

— Товарищ генерал...

Следом появились охранники штаба, которые, прилаживая к автоматам коробки магазинной и на минуту зачехляясь, ушли на свое место.

Одной рукой генерал грузно опирался на проступок.

— Люди накормлены? — спросил он старшего лейтенанта, не глядя на него вынимая из кармана коробку печенья «Казбек».

— Товарищ генерал... — но генерал, поняв сразу, что людей не кормили, снова махнул рукой и только генерал повернул на матово-побледневшего старшего лейтенанта, дожидаясь что-то объяснить.

— Идите... — сказал генерал, и старший лейтенант без слов ушел, унося на еще больше побледневшем лице обиду. Видно, что генерал при этих, уже не солдатах, а пришанногах своего народа обращается с ним так пренебрежительно.

Генерал молча закурил и медленно прошевелил сигаретой на свою палку. Капитан и сержант, что были при нем, тоже

...остались чуть позади. Стихшие солдаты стояли в ожидании, что этот внезапно появившийся, молодой генерал, который, по их прикидкам, был большевиком, сможет им чем-то помочь...

Генерал чеченцев действительно знал. Он знал их с тех пор, когда был молодым казачьим хорунжим в Белой Армии...

...он стоял наизготовку, ожидая приказа атаковать чеченский аул близ города Грозный. В этом ауле были большевики, бежавшие из города.

Большевики хорошо знали обычай чеченцев не давать в плен и знали, что те умрут, но не выдадут их белым. Генерал и предложил чеченцам выдать большевиков, а чеченцы не лезть в русские дела, в которых и без них трудно разобраться. Трое чеченцев, приехавшие на переговоры, выражали, что гостей своих они выдать не могут, но не трогать аул и не проливать напрасно кровь. Но генерал решительно заявил парламентарам, что «...если большевики не выдадут большевиков, то завтра он не оставит камня на камне». Тогда один из чеченцев со словами в таком случае он не дает полковнику завтрашнего дня черное крыло своей бурки и выстрелил в него и не целясь. Полковник рухнул замертво...

Трех чеченцев уложили на месте, но ни большевиков, ни пленников, а вскоре пришлось оставить и Грозный...

Между этим событием и настоящим днем лежала долгая дорога, пройдя по которой, он, хорунжий Белой Армии, стал генералом... Красной. Еще ему помнилось, как пошел на чеченцев их полковника, другой полковник, Доминик, старший брат которого служил в свое время в войсках в Чечне и был убит знаменитым абреком Зелым. Он рассказывал, как в августе шестнадцатого года на германском фронте чеченцы и ингуши разнесли в клочья германскую железную дивизию». Эта дивизия была вооруже-

на самой мощной тяжелой артиллерией, так что боялись лучшие гвардейские части, и он встал в вала на всем фронте. Сам государь очень сокрушался по этому поводу. В составе русской армии находились чеченский и ингушский кавалерийские полки. По приказу какого бы то ни было приказа, ингушский полк совершил атаку на «железную дивизию» и тут же ему на помощь шел чеченский полк. Командование, конечно, считало эти два полка потерянными и даже начало штрафовать офицеров безрассудства. Но зачинщиками оказались не они, а в полном составе, которые за полтора часа своими действиями вычеркнули «железную дивизию» с карты войны и считали ее в тысячи убитых, раненых и четыре с половиной тысячи пленных. Обрадованный государь направил телеграмму ингушскому народу благодарственную телеграмму, в которой заверил в своей любви... Домбровский говорил, что он не отправлял эту телеграмму и намекал, что виновником этого дела и был сам государь...

Генерал, рассеивая то воспоминания, то дым сигарет продолжал неторопливо прохаживаться. Затем, выкурив, потянувшись несколько раз, бросил окурки в сторону, в сторону широкой, с толстыми пальцами рукой и остановился перед солдатами. Он провел по ним взглядом своих глубоководных глаз. Постояв так, он вдруг снова, сухо и резко, резко махнув рукой, сказал им:

– А ну пошли, ребята, за мной, – и направился в свой штаб.

И жесты, и слова его были совсем не похвальные, а царьско-начальнические, что еще больше подкупили солдат, пошел за ним. Они всегда были готовы за рашкой и за царем пойти с кем угодно и куда угодно...

Генерал привел их в большое полупустое помещение. Там было тепло и паркетный пол, по которому было разбросано несколько стульев с гнутыми ножками, много разбитых...

то одежды из женского и мужского гардероба. Пар-
чист и блестящ, что, казалось, все эти вещи не
тоном, а отражались изнутри его зеркальностью.
сел на один из стульев. По его приказу все сняли
между и расселись, кто прямо на полу, кто на по-
четырёх больших окон с ажурными решетками
тальной проволоки. А некоторые просто присло-
рашенным розовой краской стенам. Генерал мед-
коробку мундштуком очередной папиросы,
ержал на весу двумя пальцами. Потом он закурил
зажигалки, поднесенной капитаном.

на войне... – сказал генерал, будто продолжая где-
и разговор. Слова эти звучали так же буднично, как
ранее он пригласил их сюда, – ... в действующей
нии без дисциплины – это толпа, солдат – не воин,
есть нет победы... Видите, как далеко все уходит?..
вещи его угасла. Некоторое время он смотрел на нее,
понимая, что не о том говорит, а потом продолжил:
спинную вас, народ вы горячий, так все о вас гово-
е мой, у вас быстрая... Кровь у нас у всех одинако-
вешь пулю, и она одинаково быстро льется из лю-
е же тоже пролили. Вы хорошие солдаты еще от от-
и я знавал ваших отцов. Я сам донской... Я бы
бы вы все, кто были в моей дивизии, остались
гордый народ. Гордость на войне – нужное дело.
ршой солдат способен побеждать. Может, от ее не-
дали мы столько кругов, пока добрались сюда...

мол, видимо опять поймав себя на том, что не то го-
молчал и снова посмотрел на свою потухшую папи-
том пристально – на капитана. Тот быстро поднес
наю, у вас ко мне один вопрос: почему вас собрали
правят...

Генерал встал и снова оперся на свою палку. И другие тоже встали. Ему этих людей искренне, по-человечески хотелось помочь им – он солдат и они солдаты, и для этого сделать он не в состоянии. И он с той же бездумностью продолжил:

– Если я скажу, что не знаю, – это будет ложь. Не знаю на себя такой грех. Там, дома, ваш народ пладал. Там трудно говорить о причинах. Я знаю, как ваш народ любил свою родину. Но то, что случилось, уже случилось. В этот годня требуется больше мужества, чем до сих пор в этой войне. Наберитесь его! Скоро война кончится, и вы не будете на свое место. Мы будем уже другими, чем вы были, как ваш земляк, как старший, требую от вас, чтобы вы себя мужественно и достойно, не поддавались. Мужики не отчаивались и не отдавали себя в руки безразудетных поведут в Панково, там штаб армии... А я от имени Советской власти... всего русского народа благодарю вас за кровь, которую вы пролили на Русской земле.

Генерал, вдруг прервав так и не состоявшийся разговор с людьми, которых он жалел и которых хотел помочь, чтобы они устояли в предстоящем им испытании, так же, как он ходкой, еще грузней опираясь на свою палку, пошел к выходу. И, прежде чем кто-нибудь из них, взволнованно и растерянно собрался сказать хоть слово, вышел.

После его ухода воцарилась тишина и поворачиваясь к своим сосулькам слова генерала тяжело давили, заставляли клонить головы, сутулиться, и никто не мог ни словом жестом сдвинуть с места эту тишину. Она превратилась в огромную свинцовую гору, вдруг обвалившуюся в эту тишину и заполнившую все пространство вокруг. Они все чувствовали, как их ноги и тела увязли в густом мессе свинцового обвала. И всем в горло вонзился единый и единственный острый ком. Он не проглатывался и не выплевывался, а делал мертво и удушающе, запутавшись в спазмах слезных

чувства стыда, оплеванности. Это чувство не позволяло смотреть друг на друга.

В тот вечер были просто слухи, которым никто из них не верил и не верил. И их можно было оттолкнуть, не

Потом слухи превратились в слова генерала, который стоял с ними и как земляк, и как вышестоящий на

Наказанное им нельзя было уже оттолкнуть прочь. Это были реальные слухи, однажды отброшенные, обернулись

в колючую правду и стояли непоколебимо, будто солдаты в строю. Каждый чувствовал себя виноватым, словно

каждый из них всадил в горло своему товарищу этот колючий ком. Напряженные с утра тела вдруг обмякли

Внутри образовались бездонные пустоты, куда провалились трепетные листья надежды, совсем еще недавно

живой ими в себе. Ведь они все ждали и ждали, что какой-нибудь большой и умный начальник скажет им:

Вот это сплетни, чьи-то глупые шутки. А ну, давай, че- кто-нибудь в свою часть... роту... взвод... отделение. Вое-

вать, а не слухи разносить...

Вечером же по ним прошло огромное колесо, произошел какой-то бесшумный взрыв и разнес душу, память и чувства

в крошечные, остросрежущие осколки стекла, а следом за ним бесшумный ветер и развеял эти клочья и оскол-

ки, что они, живые, здоровые, еще в солдатской форме, в одинаковых, стоят здесь, в этом помещении, – самое неестественное по всей этой неестественности.

Вдруг, встрепенувшись и выйдя из оцепенения, они обступили друг к другу, спрашивая:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет, а ты?

Эта была последняя, отчаянная попытка скинуть горькую правду с плеч, не принять ее, но слова генерала нависли над ними, и уйти от них никому не удавалось. Они вхо-

дили в тело, как осколки мины, проникая все глубже и глубже, вытесняя остатки тепла и заполняя их толстой мерзлотой, отчуждения от мира. А ведь совсем еще недавно они были частицами этого мира...

— Ну, давай обедать, мужики! Хватит баклуши бить! — слова, с нарочитой бодростью брошенные пошедшим лейтенантом, интонация которых говорила, что с ними теперь мир и он забыл происшедший давеча инцидент — не смогли пробить сгустившуюся тишину. Будто ударившись обо что-то упругое, его слова откатились назад и ступили на паркет пола. Никто не сдвинулся с места. Двое из них или видел ли кто-нибудь из них старшего лейтенанта, меняя тон, повторил все сначала, но опять никто не слышал. Из груди старшего лейтенанта как будто вырвался воздух и несколько последних слов он произнес с глухим голосом. Он замолчал, потом набрал в легкие новый порцию воздуха, но, подумав, тратить его не стал, а, потерпев неудачу, ловко покрутившись, ушел...

Однако довольно скоро лейтенант вернулся и сообщил о появлении высокого майора с таким же, как и у него, широким лбом и гон. С ними было и несколько автоматчиков. Лицо у майора было обычное. Лицо как лицо, просто нормальная часть человеческого тела. Разве что только удлиненное, с чуть выкатанными глазами. Неглубокий шрам над левой бровью делал это лицо мужественным, а некоторая бледность — серьезным и даже с оттенком учености. Майору, наверное, было около сорока. И по его безупречной выправке все заметили, что в армию он пришел не во время войны...

Никаких претензий у них ни это лицо, ни его выражение не вызывали.

И заговорил майор спокойно, тон его не был заносчивым, но вполне дружелюбным:

— Вы что, ребята, обижаетесь? Или бунтуете? Что, вы не солдаты, хотите сказать? Ну, вы бросьте, так вы и на

...похожи. Я чеченцев знаю, brave ребята, а вы как-то нет. А еще гвардейцы! Ну и гвардейцы пошли...

...майор слегка и переигрывал, но солдаты как-то за-... и попытались встряхнуться от груза своих дум.

...всегда надевали их самолюбие: они военную выправку... добились и пофорсить ею. Все они, действительно, офицерами, очень гордились этим и гвардейский зна-... и даже выше других боевых наград. Пока все под-... совсем уже по-гвардейски, майор, который сам... и строен, продолжал:

...успокоить... Сегодня солдат здесь нужен, завтра... месте. Такое уж наше дело-то солдатское...

...воспринял вовсе. У всех появилось какое-то возбуж-... и тордочность, блеск в глазах... Высокого роста и с... чертами лица старшина, лет двадцати шести, об-... майору, начал:

...майор, вот мы хотим понять, за что нас... по-... ..

...майор перебил его вполне дружелюбно:

...ты, я вижу, старший здесь по званию и по-русски... хорошо. Вот пойдем и поговорим спокойно с на-... .. и потом растолкуешь все своим. А ребята пусть... .. Ну, а как придем в штаб армии – вас распределят... .. местам. Всего и делов-то...

...майор приказал старшему лейтенанту вести людей на... .. и поманив за собой старшину – Идрисова Нурдина из... .. чеченского аула Харачой, ушел. Ошарашенные сло-... .. майоры, все заговорили в один голос.

...братья, вы слышали, нас никуда не высылают!

...Дядя, не верю я этому майору...

...А я не верю твоему генералу и верить не хочу. Тоже... .. как нашелся...

...Братя, генерал – мужик серьезный...

— А майор? Ты знаешь, из какой он когорты знают...

— Да и как нас могут выслать... Я с Финской войной власть...

— А Нурдин, который ушел с майором, с тридцати пятого года в армии...

— Этот майор говорил слишком легко... Приеду и говорят...

— Легче всего-то и говорить правду...

— Да генерал мог вообще с нами не говорить, а нас отправить всех под арест. Говорил же с нами он про человеческости ...

— Но майор же... тоже начальник...

— Может, не всех выслали, а тех, у кого никто не знает, вот и напутали где-то с нами...

— Надо было нам, как людям, записаться и двигаться дальше...

— Вот иди, запишись и двигай, а я чеченец...

— Надо Сталину написать и всем расписаться, а иначе эту пятницу разберет...

— И напиши, ты же учителем работал, а мы подчинимся...

Продолжая разговоры, они пошли обедать. Старший лейтенант проводил их к походной кухне, которая располагалась за голым фруктовым садом. За едой продолжился тот же несвязный разговор, которому не давали потухнуть ни один, то другой.

— А этот генерал — наш командир дивизии... Год тому назад в прошлом году ранило, а в госпиталь отказался...

— Да, человека сразу видно...

— Тебе же говорят, что народ выслали, или ты думаешь, что его разделили пополам, как булку хлеба?..

— А у этого майора тоже неплохое лицо...

После обеда старший лейтенант повел их снова в путь. Там их уже верхом на коне ждал майор. Старший лейтенант

... на коня, которого держал под узду широколицый солдат. Шестеро автоматчиков по знаку майора занимают им места – по два сбоку их строя и двое впереди. Отдав приказ следовать за ним, майор трогается. Колонна двинулась, но тут же вздрогнула и остановилась. Майор стал выяснять, в чем дело. Солдаты ответили, что там нет Нурдина. Он очень терпеливо объяснил, что они как раз сейчас беседует с генералом и с другим офицером и догонит их по пути. Но никто с места не тронулся. Майор не рассердился, он только повторил, что Нурдин ждет их на коне и что они должны трогаться, чтобы не опоздать до штаба армии, где он передаст их на задание. Но опять никто не тронулся с места. Потом к ним подошел генерал, который, как раз выйдя из штаба, шел к своему коню. Подозвав к себе майора, он о чем-то говорит с ним. Из разговора они не слышат, но майор, вроде бы, в чем-то соглашается с генералом. Наконец, тот резко поднимает свою руку, тут же упрямо опустив, глубоко вонзает ее в стоптанный сапог. Майор подзывает старшего лейтенанта и посылает его в штаб.

Через некоторое время лейтенант возвращается с Нурдиным, который теперь без погон и без наград. На его лице сидит несколько кровоподтеков, торчат маленькие клочки рваной кожи. Еще на этом лице видна полная отчужденность, сквозит какая-то детская обида и еще много, много обид, которые каждый из его товарищей сам для себя понимает и что в себя укладывает невольным глотком солдатской жизни. Он – этот солдат – три года провоевал и сейчас сидит в мыслях, не знает, за что и за кого. Но глоток, который попадает каждому, еще больше наращивает ком обиды, который поперек горла и вышибает искры из глаз, которые не хочется спрятать друг от друга.

Генерал все это видит, а они видят, что генералу стыдно. Он опускает глаза, чтобы случайно не поймать взгляд Нурди-

на. А вслед за глазами – свое грузное тело. Кто-то вешает на плечи Нурдина его полушубок, признавая, что они уходили из штаба. Теперь погоня на полушубке идет, а ругаться нелепо и неестественно. Еще кто-то достал из вещевого мешка новую ушанку и передал Нурдину берет, который был в ней. Полушубок Нурдин так и не надел, да видя, что он не надевал, что его набросили на него.

Колонна тронулась в путь. Нурдина майор повел за собой, себе, и он идет в первом ряду, сразу за конем майора. По которому по которому они сейчас тронулись, нет ничего. Тот путь, которым они шли в дыму войны, зная, что там впереди ведет их домой. Сейчас перед ними и не путь, а дорога, длинная-длинная веревка, из которой с каждым шагом свисает удушающая горло петля. Не только им теперь тяжело тянуть ее до конца – из поколения в поколение тянут ее народу, который из всех человеческих благ и достоинств выше всего ценил гордость, мужское слово и человеческое достоинство. Простые радости солдата, огорчения и горести, азарт наступлений, чувство победы – все, что было получено на других, пройденных дорогах, с которыми их привели сюда, на эту, на которой не видно ничего и которая ведет в пустоту. У нее нет перекрестков, на ней нет встречных, она прямо обрывается в бездну позора, который каждый из них сейчас испытывает и большими железными гирями висит на своих плечах. Когда их провожали в армию, на войну, на войну, к дому из них было сказано:

– Вернись без пятна, с белым лицом, – это значит, что ты вернулся без позора, с честью. Еще говорили!

– Когда тело покидает силы, человека держит на ногах дух, этот дух не дает телу запятнать себя позором.

Тела их были полны сил, только духу теперь не на что было держаться. Из-под каждого вытащили подставку и каждый падал и падал, как хрупкая стеклянная посуда. Что-то трескалось с рук и вот-вот должна удариться об пол, разбиться.

...и брызги: Сейчас каждый из них шел и пытался пой-
...дать, упасть, удариться об пол этому стеклу. И в этой
...оживый чувствовал, что проваливается вслед за ним
...так тоже превратиться в брызги...

...но из них пришли на войну добровольцами, когда
...у Моздока, на границе земли их отцов. На этой
...они приняли священную клятву газавата, чтобы пасть
...и Рошну. Эта клятва блуждала теперь где-то на дру-
...и не могла даже близко подойти к той дороге, по
...они идут сейчас. Ведь клятва священна, у нее свет-
...а перед ними – черная дорога позора...

...верно через полчаса пути майор отослал старшего
...обратно. Тот с видимым удовольствием повер-
...своего вороного, с белой отметиной на лбу, коня.
...им всем очень понравился и вызывал у них за-
...Уд в конях-то они разбирались! Многие и службу-то
...валеристами. Они были из отдельного чечено-ин-
...кавалерийского полка. И выглядели они тогда кра-
...статных, как на подбор, конях, с начищенными до
...абрами, в черных крылатых бурках и папахах, на ко-
...форсли красные переливы звезд. Они знали, что выг-
...ли и, конечно, форсили перед публикой, поднимая го-
...рой на задние ноги. Кони тоже понимали что к чему
...рым ржаньем дыбились под седоками. Конь, он боль-
...ево побит форсить.

...тогда везде зависть одних и восхищение других, они
...ли в Сальские степи Ростовской области. Степь была
...как и опрокинутое над ним жаркое безоблачное небо.
...мой клубился над ней, как миллионы сцепившихся
...робий прозрачных змей. Этой степи не было конца. Гла-
...и кони уставали идти по ней к горизонту, кото-
...рой стеной все отодвигался и отодвигался от них, будто
...кодел на коне. Сверху полк выглядел огромной стаей

черных птиц, которые махали большими крыльями, но не могли взлететь.

На эту стаю начала налетать другая серая стая, которая могла летать. Это были вражеские самолеты, и стал их мишенью. Они снижались над ним, будто хотели чьей-то головы сорвать папаху или бурку с плеч. Танкетки бомбили их, а другие расстреливали из пулеметов. Они то скашивали траву, и им казалось, что они слышат шаги сарей в железных кабинах. Потом на них бросили танкетки, и, наконец, их бросили навстречу танкам, которые хлюпнули в пробитое в качающейся стене нашего зыбкого фронта. Танкетки, хотя и железные, но были существами уже уничтоженными по степи и летать не могли. Ничего и не пытались делать по земле, они не боялись. Подымая коней на кобылы со всего плеча били саблями по броне этих огромных движущихся утгогов. Те вздрагивали от такой неслыханной боли и, смешивая лязг и скрежет металла гусениц с топотом и ржаньем коней, давили их, превращая в темное бурное море...

И удивительным для тех, кто бросил кавалерийский корпус на эти железные чудовища, было не то, что то их разгромили, а то, что на поле осталось тридцать восемь неподвижных танков, остановленных теми, кто остался неразбитыми. Они на скаку перелетали с коней на башни танков, бросая черные бурки, слепили глаза этим железными коням, а затем срубали клинками высунувшиеся из них вые шлемофоны...

Но из нескольких тысяч их осталось несколько сотен, а тех разбросали потом по разным частям...

Места, которыми они сейчас идут, похожи на места, куда все они родом. Это предгорья Карпат. Отсюда лесных оврагов, редких буковых деревьев, несколько запахов гор, который пронесит перед каждым танком, и запаха картины далекой родины. Может быть, они и там...

...гитаркой песни без слов, зародившейся где-то среди
... Подмеченная остальными, она стала общей, и щемя-
...ть ее мотива, медленно поднимаясь над ними, стала
... по светло-серой коре деревьев к их вершинам.
...набравшим силу звукам назмы¹ (а эта бессловесная
...значается именно так), стало тесно в лесу и она стала
...и вдали, к пасмурно-влажному небу, – майор оглянул-
...ивно, что-то хотел сказать и даже сказал что-то, но,
...только для себя и отвернулся.

...ево бук у их народа служит символом мужчины. Луч-
...вала – это когда говорят: мужчина словно бук. Теперь
... деревья без ветвей, листвы, корней. Они – сруб-
...е буги, которых переносят из одного места на другое.
...апки, которых майор взял с собой для охраны себя
...они, задумчиво покуривая на ходу, и, наверное, тоже
...душе мотив какой-нибудь своей песни без слов, ко-
...носила перед ними картины их детства и их род-

...они подошли к краю неглубокого покатога оврага,
...становил коня и отряд тоже остановился.

...Принял на десять минут. Оправьтесь, перекурите, – ска-
...майор, показывая рукой в сторону оврага, и спешился.
...майора был гнедым и по многим конским приметам,
...каждый горец знает назубок, очень выносливым и
...похожим на своего владельца. Чем именно, может,
...и не мог бы из них сказать, но похож был. Может, ста-
...может, сухощавой длинной головой. Отношение к са-
...майору после разговора в штабе и после возвращения
...она повисло, будто в воздухе, каким-то качающимся воп-
...рочным знаком. Нурдина майор сразу поставил в пер-
...ряд, а сам он ничего не отвечал на расспросы о том, что
...случилось. Лишь коротко бросил:

...Цетом, потом, братья.

Слова майора о том, что их никуда не выгонят, они приняли, после некоторого осмысления, как добрый знак, и не могли уже утешить их. На Кавказе так уж принято утешить, что даже если говорить ему, что какое-то событие, расстроившее его, не произошло. Поэтому на майора никто не обращался, тем более, что тайком даже от себя каждый все равно надеялся, что все, даст бог, может обернуться и по-другому. У человека не остается надежды, он ведь и надеяться не сможет...

А вайнахи никогда не теряют надежды. Они никогда не жили, ничего не имея, кроме надежд, и поэтому для них надежда — это тоже жизнь...

Некоторые из них, на ходу расстегивая одеяла, присели в овраг. Другие, отойдя, прислонились к деревьям, протягивая друг другу кисеты, стали сворачивать табак. Спешившийся майор, разминая усталое в седлу туловище, сделал несколько приседаний, затем, после короткой минуты нистого бега на месте, подозвал к себе автоматчиков, стоявших рядом споривших о разнице между местными католиками и православными. Те подошли, отложив свой спор, и майор стал им что-то говорить приглушенным голосом. Потом невысокого роста сержант с рыжеватыми усами на подбородке, худом, скуластом лице, внезапно побывавши, начал ерзать на месте и, будто вспотевши, утирать лицо трясушимися руками. Расстроен он был сильно. Четверо пятеро смотрели каждый себе под ноги и молча курили. Майор, чем-то недовольный на сержанта, повысил голос и назвал его «бабой», а потом, снова понизил голос, а потом еще его адрес еще что-то, и тот пошел к коню майора. Шел ровно, а как-то извилисто, будто пес, которого шлепают. И все продолжал утирать лицо ладонью то одной, то другой руки... Ни спустившиеся в овраг, ни курящие грушвяки и ревьев солдаты майора не слышали, да и внимания на него не обращали. Одни перекидывались редкими репликами.

и схожести этих мест с их родиной; другие продолжали убеждать тему, тревожившую их все эти дни; третьи, присев под ноги, молча и отчужденно курили. Нурдин молча стоял у толстого бука со все еще накинутым на плечи полушубком. Что-то еще бросив автоматчиком, майор сказал голосом:

Ты, хорош, хорош, трогаемся, горные орлы, надо до нас обратиться. Давай, давай, ребята, подтягивай штаны... Майор говорил как будто совсем благодушно. Голос его — тихий голос старшего, у которого есть свои заботы и обязанности, которые надо выполнять. Люди делают последние приготовления, тася окурки и, швыряя их на землю, медленно стягиваясь к месту, откуда разошлись. Наконец, тридцать человек человека становятся одним строем. Пятеро автоматчиков и майор с автоматом сержанта, который он забрал у него, и пулемету стоят напротив строя. Между ними расстояние метров пять-шесть. На какое-то время воцаряется тишина. Вадя-то чистая, прозрачная и звонкая, ненадоедливая тишина, которую человеку всегда хочется послушать. Вдруг ее разрывает отчаянный, истошный, нелепый и бессмысленный крик сержанта, который держит за узду коня.

Чечены, разбегайтесь!

Испуганная этим криком лошадь шарахается и опрокидывает сержанта. Строй солдат, о который ударился этот револьверный крик, вздрагивает. Но пока их слух, поймавший крик сержанта, передал его в мозг для принятия какого-то решения, раздается голос майора:

Чечень! — и шесть автоматов, спеша опередить крик сержанта, вздрагивают, изрыгая свинцовый дождь. Строй как будто еще парализовано стоит, потом качается одним движением ветвистым кустом и подкошено рушится на месте. Все какие-то ветки успевают упасть раньше, чем его скосят, и майор бросить руки за пазуху. Вдруг из раздираемого авто-

матами в клочья живого куста раздаются выстрелы из автоматических из потаенных мест солдатской одежды. Эти выстрелы опрокидывают трех автоматчиков. Майор этого майора не ожидал, ведь оружие у солдат в подразделениях перед отправкой в штаб. Эти выстрелы были совсем незнакомой ему особенностью этих воинов. Они же — просто фанатики оружия. Привыкнув к оружию, они получили от предков, которые жили в постоянном контакте с теми, кто зарился на их землю. Они с детства росли с оружием, играли и спали вместе с ним. Для них оружие не было лишним грузом. И совершенно естественно, что вместе с казенным оружием они тайком носили трофейное бытовое в бою или найденное на дорогах войны. Пользуясь им бережно, ухаживая, с надеждой привезти после войны и показывать землякам, гордиться им, похвастаться, рассказать историю его добычи, спать и вставать с ним и, разумеется, любое время пустить в ход для защиты своей чести.

Когда одна из пуль ушла, резанув его шеку, и армия жили трех автоматчиков, майор громко обматерил себя за свою халатность и, не прекращая стрельбу, метнулся в ближайшее дерево. Вскоре весь куст был подрезан и обрублен. Груда тел лежала прямо на дороге. Некоторые из них остались живыми. Майор и двое солдат вышли из-за деревьев, убивая еще живых, подошли к краю оврага. Туда тоже сели люди. Когда они встали над оврагом, поливая его из автоматов, оттуда тоже грянуло несколько выстрелов, которые привели к обрыву двух остальных солдат. Сам майор получил сильный толчок в правое плечо и, хотя боли не почувствовал, знал, что это пуля, севшая ему в плечо. Разъяренный и обожженный раной майор, продолжая стрелять, бросился в овраг и обошел всех, стреляя только в голову. Потом, уже упираясь автоматом, стал подниматься из оврага. Он поравнялся с Нурдином, который лежал на самом краю. Автоматная очередь разорвала тому живот и внутренности валившего с

но кто-то принес и положил их рядом. Когда майор
какая-то сила подняла большое тело Нурдина, и оно,
работой еще дышащее паром внутренности, с глухим
просилось сзади на майора. Тот, вскрикнув и рванув-
по неожиданности, оказался лицом к лицу с Нурдином,
вод от напряжения руки которого тут же сомкнулись
горле. Лицо майора напряглось, потом он почувство-
глаза его выкарабкались из глазниц, медленно по-
лоб и, сорвавшись с него, двумя красными шарами
вились в овраг. Чувствуя все это и поняв, что из этих рук
вырваться, майор все же успел вытащить из кобуры
и, ткнув его дуло к сердцу Нурдина, теряя созна-
вать на спусковой крючок. Руки, сжимавшие его гор-
лави, и тело Нурдина тяжело поплыло вниз. Вместе с
шло к земле тело майора и долго лежало в забвенье...

Хотя еще не стемнело, но в лес вкрапливаются тени и
ступавшего вечера. Только что пришедший в себя
с наполнившимися кровью глазницами, в которых,
ровно, полопались все капилляры, оглядывается, лежа на
и пыгается понять, где он. Когда он услышал своего
события медленно, цепляясь друг за друга, как мотки
ржавой проволоки, стали восстанавливаться в
романии. Сержант, у которого он отобрал автомат, хо-
рели трупов убитых и всхлипывал, беспомощно разма-
руками:

Он же над нами... Он же видит... Люди же они... люди...

Сержант, подойди, – сказал майор глухим голосом.

Тот гидрогнул, услышав голос, потом задрожал:

Чур меня... чур меня... изыди, огонь ада... изыди, – от-
виваясь трясущимися руками от майора, он нелепо кру-
на месте.

Подожди... Перевяжи меня, собака, – прорычал майор
зачумившимися в глазницах красными кругами приподнял
занитое своей и чужой кровью тело и сел, опираясь на

левую руку. Мир долго кружил перед ним огромным колесом. И когда это колесо сбавляло ход, он видит сержанта, мечущегося среди тел, и лепетом размахивая руками.

– Подойди, сержант, брось бабничать, ты бессилен против враги, – говорит он, стараясь задобрить сержанта. Но как он понял, оказался просто слякотью, мразью и не заметь он это раньше, не взял бы с собой.

– Чур... чур... изыди, сатана в облике человека! Он ревяжет тебя цепями... Он есть и видит тебя, ты слышишь... – повторял сержант, продолжая метаться.

«Столп» долго и напряженно вставал, потом начал двигаться к сержанту.

– Не подходи! Ты пламя! Ты весь красный! Не приближайся к Богу, не подходи... ты кровь... Бог есть... Он перевернул тебя цепями... Он тебя видит... – с еще большим отчаянием хватал руками сержант и попятился от него к краю оврага.

– Ну и иди к нему, мразь, если он есть, – майор выстрелил из пистолета, который держал уже в левой руке. Выстрел прокатился от дерева к дереву долины. Сержант долго кружил перед майором, прежде чем ушел в овраг, пытаясь попасть пальцем поднятой руки в небо, чтобы указать майору на того, кого он там видел...

... Поздно ночью гнедой конь привез майора в штаб. Он был весь в крови и красный, как огромный кусок высохшей краски. Утром он стал героем, который выжил от расправы взбунтовавшихся по пути чеченцев. Но слепой майор стал свидетелем, когда судили генерала по мнению судей, главного виновника этого происшествия.

¹Назма – песня духовного содержания.

Минкайлов

(Род. в 1955)

Минкайлов Эльбрус Салаудиевич в 1972 г. окончил среднюю школу в с. Кень-Юрт Грозненского района ЧИАССР, в 1979-ом – русско-вайнахское отделение филологического факультета ЧИГУ.

Доцент кафедры чеченской литературы и фольклора ЧГУ. Главный редактор журнала «Орга».

Автор более сорока публикаций по истории и теории литературы, а также литературной критике, литературных связей, художественного фольклора.

В 2003-2006 гг. издал повесть и ряд своих рассказов на чеченском и русском языках. Перевел на русский язык повести писателей А. Айдамирова, А. Мамакаева, М. Бексултанова, М. Мамадова и других, а также осуществил переводы произведений Э. Кадиева, Важа Пшавелы с русского языка на чеченский.

Член Союза писателей (2002 г.) и Союза журналистов (2004 г.)

В тумане

Печь была холодной и долгой...

Поступившее наконец утро ничем не отличалось от предыдущих. Война подошла совсем близко, но все надеялись на то, что она не разгорится во всю силу. С утра, как обычно, самолеты, методично налетавшие через каждые три часа, сбрасывали бомбы, произвели ракетный обстрел и улетели. Они появлялись с завидным постоянством, подчиняясь графику,

составленному в каком-то штабе. Страх перед бомбежкой шел, просто люди знали, что нужно делать. Идея укрытия: как правило, все укрывались в бомбоубежищах или наспех оборудованных подвалах. Поняли это не только люди, но и собаки: услышав гул самолетов, они спешно пытались искать безопасное место. Укрывались они за толстыми стенами, в подвалах или высокими домами. Запомнилась одна бомбежка, потрясшая меня: собака с тремя щенками, не успевшая убежать, отчаянно бегала, не находя подходящего места. Когда самолеты приблизились, мать присела, а щенята в ряд встали за ней. В моем сознании глубже, чем когда-либо, укрепилась мысль о том, что война несет горе и смерть.

Да, в эти дни в отчаянии были не только люди, но и животные. Начало людей от прочих живых существ – то, что они не могут думать. Поэтому положение людей было более тяжелым, чем животных. ...Снег, выпавший вчера, подтаял под лучами вставшего солнца, но ночной мороз опять сковал его. Я вынул из шкафа и прибрал постель, принес воду из соседнего двора. Вечером сварил несколько картофелин, сделал пюре, добавил сливочного масла, и позавтракал. Кроме этого пюре, съел пару кусочков затвердевшего хлеба, выпил чай, потом включил грамфон, чтобы послушать новости, и прилег на диван. Подумал о том, что тем, кто в Москве, до происходящего здесь, вероятно, дела – они праздновали Новый год. Звучали песни, слышались смех и шутки. Продукты заканчивались, нужно было что-нибудь приобрести. Рынок еще работал, женщины распродавали то, что не успели реализовать раньше. Все-таки Новый год – праздник, и он не подпорчен...

Может быть, кто-то, как и я, застрявший в городе, не знает, как это случилось накануне: пришли Рустам и Садик, оба прихватив с собой на всякий случай кое-что из продуктов. Мы долго сидели, разговаривая о сложившейся ситуации, мысля о том, как и когда все это завершится...

спонтанно началась ожесточенная перестрелка, которая началась с голоса, доносившегося из транзистора. Это было без автоматной и пулеметной стрельбы в последние время выпадало очень редко. Хотя привыкнуть к было трудно: из-за того, что не было возможности что-то изменить, люди просто смирились. Затем раздался какой-то взрыв, сотрясший весь дом. В сердце возник страх, которого до сих пор не было, – вот, началось... Раздался еще один хлопок, еще... Вместе с последним донесся звон разбитого стекла, в комнату ударил холодный зимний воздух... В это время из окна, кружась, начали залетать мягкие снежинки... Я никогда не видел, как быть, – войну я видел только в кинофильмах. Я сидел на кухне, которую посчитал менее уязвимой для попадания пуль, и присел на низенькую табуретку. Так я провёл некоторое время, выкуривая одну сигарету за другой. Через некоторое время страхот несколько стих – не знаю, через десять минут или больше – я вышел во двор. Не было видно ни единой выстрел. Горел четвертый этаж нашего дома. Пожар, кажется, начался на балконе, но теперь языки пламени и клубы черного дыма вырывались и из окон, горела вся квартира. Над домом появилось черное облако дыма, закрывая собой все небо. Когда я узнал, что неподалеку, на дороге, горели подбитые машины и несколько машин...

Вскоре я увидел человека, который осторожно, как и я, вылез из подъезда противоположного дома. Он крикнул что-то – я услышал голос, доносившийся из подвала, но я его не различил. Стрельба продолжалась, но выстрелы становились в некотором отдалении. Быстрыми шагами я пошел к соседу. Из подвала вылез и тот, с кем он разговаривал. Они попытались улыбнуться, но улыбки не соответствовали создавшейся обстановке, а потому удались с трудом. То же самое, паверное, получилось и у меня...

Нака, ты тоже остался здесь? Я несколько дней не видел никого из вашей семьи, думал, вы куда-нибудь уехали...

– Я один и, видно, тоже зря остался... И я и ты
– Так-то оно так, но уже поздно...
– А мне некуда деться, разве только в Ярославль...
сказать правду, на дорогу туда в кармане нет ни копейки.
Да и невозможно уже никуда выехать, – заговорила
наш сосед, мужчина лет пятидесяти. Его семья недавно
выехала в Россию, а он остался присматривать за домом
и имуществом.

Так мы встретились. Через некоторое время мы узнали
все о наших соседях. Во время первых обстрелов никто
был убит, никого не ранило. Правда, один был и по-
шоче: он никого не узнавал, речь его была бессмысленна.
Мы пытались привести его в чувство, но нам это не удалось.

Многие соседи утром вышли из своих домов по своим
делам. В течение дня некоторые вернулись, но их рассказы
сложилась картина происходящего. Но сказать, что она
товерна, было невозможно, так как рассказ одного не
ответствовал тому, что говорил другой. Но одно не вызвало
никаких сомнений: горели танки, БТР-ы, на улицах лежали
трупы... Война, которую до последнего момента не удалось
избежать, началась...

День клонился к вечеру. Люди разошлись по своим
мам. Я тоже вернулся к себе. Показалось, что в комнате
лоднее, чем на улице. На подоконнике лежал снежок, но
чувствовалась сырость. Через разбитое окно виднелся
противоположный дом, объятый пламенем. Горели вершины
жи. Пахло дымом, трудно было дышать.

Ночь наступила внезапно. В темноте вид горящего
да казался фантастическим. Было такое ощущение, что
ет весь мир... В зареве огня виднелся лежащий на земле
почерневший от пепла...

Я устал, хотя в течение дня ничего не делал, но спать
шел. У меня был подвал со входом из спальни. Мы и раньше
во время бомбежек спускались туда. Подвал был не очень

... приспособлен для подобного случая: сооружен топчан, на нем постель, керосиновая лампа... В подвале было тепло, как в квартире, но в нем было необыкновенно тоскливо и одиноко, как в могиле. Мысли мелькали чередой, перед глазами встали картины возможной беды, одна страшнее другой. Как бы ни старался отогнать их, вновь и вновь представлялось, что остался в подвале под развалинами дома. Я вынул все имеющиеся инструменты: лом, пилу, топор, лопату и разложил их рядом на видном месте. Затем, несколько раз сняв крышку подвала, положил под нее обрубок трубы, чтобы узнать о пожаре, если он вдруг начнется, и при этом не спалось. Пальба продолжалась, она то затихала, то возобновлялась с новой силой. Иногда все начинало ходить ходуном, как во время землетрясения. Мне кажется, что эта ночь была самой длинной за всю мою жизнь – ни до этого, ни после никогда не тянулась так долго...

Прошло несколько дней, похожих друг на друга, – холодные, наполненные плачем, молитвами, проклятиями... Однажды вечером я зашел к Ахмеду, он был из соседнего села и раньше жил неподалеку от меня. У него был собственный участок. Валу в первый день войны я принес от них. Жена его была такая же, как и многие женщины. Я подумал, что у них может быть, что-то осталось из старых запасов (кое-какие продукты, если они теперь в ходу, у меня еще были). Мне достали несколько пачек сигарет, пачка чая и две-три плитки шоколада (к ним, пользуясь некоторым затишьем, как и я, приходили люди в надежде купить что-нибудь).

На обратном пути обратил внимание на свору собак, разбегавшихся у электроподстанции. Приглядевшись, увидел страшную картину: у стены лежал полуобгоревший труп... Там, где собаки сгрызли плоть, виднелись кости... Недалеко от него лежал остаток сгоревшей машины. Очевидно, кто-то вытащил труп из нее, подтащил к стене, накрыл и оставил здесь, не имея возможности похоронить. Я бросил в собак то, что по-

пало под руку, затем нашел булыжники... Собаки не обращали на меня особого внимания... Две-три из них, приблизившись ко мне, громко залаяли, затем пренебрегли мной и ушли к другим...

Недалеко взорвалась мина. Изо всех ног я бросился прочь от этого места. Вырвал, хотя желудок был пуст. Устал бегом к своему дому, услышав протяжно-производительный звук, притаился за толстым деревом. Прямо на моих глазах снаряд попал в стену пятиэтажного дома, подняв клубы густой пыли. Когда пыль улеглась, в стене верхнего этажа появилась огромная дыра. Я подумал, что дело вряд ли ограничится этим снарядом, побежал к подъезду ближайшего дома. Мощная волна от нового взрыва подтолкнула меня внутрь. Я спрыгнул на ступеньки, слегка поранив колено. К счастью, осколки мины не зацепили... На помощь прибежали женщины из соседнего дома, но, узнав, что ничего серьезного со мной не случилось, вернулись к себе. Я попытался пробраться к своему дому, но удача изменила мне...

Чтобы дойти до моего дома из того, в котором я находился, нужно было пересечь дорогу, ширина которой составляла не больше десяти метров, но это оказалось в тот момент очень трудным предприятием. С БТР-а, стоящего на перекрестке в двухстах метрах, непрерывно стреляли. Пролетающие пули, словно перечеркивая путь домой, делали шорох над землей. О том, чтобы перебежать или ползком пересечь дорогу, не могло быть и речи...

Так я простоял несколько часов, укрывшись за стеной своего дома. Иногда, чтобы немного согреться, заходил и подглядывал. Оттуда я наблюдал на стене противоположного дома сменяющиеся друг друга фантастические картины, которые освещал свет с объятых пламенем многоэтажек, проходя сквозь кроны оголившихся деревьев... Наконец, то ли устав, то ли выстреляв весь боекомплект, прекратили огонь с БТР-а... Тогда

... оставаться спокойным, не вызывать лишних подозрений...
...лучий, если кто-то наблюдает за дорогой, я перешел
...противоположную сторону и там уже изо всех ног побе-
...шему подъезду. С трудом открыв застывшими руками
... я пошел в квартиру. Было холодно. Спустившись в
... налил из термоса чай, приготовленный в обед, вы-
... Но перед глазами мелькнула ужасная картина, уви-
... накануне, меня опять затошнило...

...В ванне закончился керосин, но залить его я поленился
... в темноте. Не спалось. Мне стало душно, я вылез
... в коридор. Вытащил из зала в прихожую и поставил друг
... друга два кресла, подстелил теплое одеяло и, не раз-
... ваясь, улегся, накрывшись двумя одеялами. Наконец-то,
... на эти несколько дней, я заснул...

*На Тереке было половодье. Волны играли, как грива коня.
... была мутной, землянистого цвета. Вниз по реке плыли
... и маленькие деревья, вырванные с корнями. Одни
... засохшие, на других виднелась зеленая листва. Вода
... по долинам Терека, затопила островки. Всюду –
... Посмотрев сверху на Терек, я увидел в нем дома. Одни
... были из нашего села, другие – из города. Они стояли в
... двери и окна были распахнуты настежь. Потом пока-
... красное солнце, точнее, его половина (оно всходило
... канувалось). На его фоне я увидел людей, которые шли
... воздушной походкой. Они были веселыми, в их взгля-
... на их лицах ощущалось какое-то неземное спокойствие.
... показалось, что все они одного возраста, и я очень уди-
... этому. Впереди шагал мой отец, за ним – знакомые и
... знакомые мне люди...*

...друг раздался страшный грохот... Видимо, упали остат-
... конных стекол, разбились дверцы мебельной стенки. Я
... не решаясь сдвинуться с места, ожидая новый взрыв...

Было ясно, что в дом угодило что-то огромное — бронеколлапс, снаряд?! Следующий взрыв раздался в окрестности отдалении...

Я попытался вспомнить увиденный сон. Странно, но я очень редко запоминаю свои сны... Но этот, пожалуй, помнил очень хорошо, кроме лиц людей. Мени удалось вспомнить что нечто подобное я видел и раньше, в ту ночь, когда умер отец. Тогда я долго просидел рядом с ним, потом меня вынесли... Я заснул в соседней комнате... И вдруг прерывающий меня разбудил шум машины... Оказалось, брат вез меня муллой, чтобы тот прочитал «Ясин».

...Я попытался встать, но не получилось. Правая сторона на онемела, я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Вызвал отца. После инфаркта у него была парализована левая сторона... Я провел рукой по своему лицу, но никаких изменений не обнаружил. Другой рукой попробовал сделать массаж. Предпринял усилие, чтобы подняться... Безуспешно. «Не хватало еще, чтобы я умер и остался лежать здесь», — промелькнула мысль. — Бронированные двери закрыты... Хорошо бы хоть вытащить ключ из замка...» Новые попытки встать, ни к чему не привели. Потом пришла новая мысль: может как-нибудь свалиться с кресел на пол. И это мне удалось. Потом попытался подняться, держась за стену... Спустился на колени... Наконец-то поднялся... Сняв верхнюю рубашку, одной рукой начал растирать онемевшую сторону. Через некоторое время почувствовал, что полегчало. Ну, слава богу! Тяжелой походкой пошел в спальню, откуда был вынесен, открыл крышку и спустился. Чай закончился. Из-за неожиданно упал на бутылку «Кагора», стоявшую на полке. Накрыв ее, налил в алюминиевую кружку, сделал глоток. Этот показалось мне очень холодным. Постоянно страдая от хронической ангины, я не решился выпить еще. Нашли карточку

вазну и, держа кружку над фитилем, подогрел вино, выпил его большими глотками. Показалось, что по всему разлилось тепло...

Утром, решив зайти к соседям, я вышел из квартиры. Яхирудив на лестничной площадке печку, готовила лепешки (она пекла их ежедневно и раздавала). Все жильцы нашего дома, оставшиеся в городе, а их оказалось человек десять, собрались там.

Но стеснялся рассказывать им о том, что произошло со мной, поэтому для себя решил, что постараюсь выйти из города практически куда, лишь бы уйти отсюда... Но никто не знал, что можно сделать. Люди уже со второго дня после начала войны начали уходить, но об их дальнейшей судьбе мне ничего не знал. Они просто исчезали, как камень в

воду. Узнав, что в подвале соседнего магазина собралось много людей, подождав, когда стихнет пальба (теперь я уже кое-что знал, например, что тогда, когда солдаты обедают, стрельба меньше...), как-то днем я отправился туда. Там, действительно, было многолюдно. Когда спустился в подвал, сразу ударил резкий запах пота, табачного дыма, водки (окажется, в магазине этого добра было довольно). Там я встретил своего соседа, жившего напротив. Его квартира сгорела в первый же день. Разговорился с ним. Из города людей вывозят на машинах. По словам одних – в Надтеречное, Знаменское, Моздок... Другие утверждают, что всех отправляют в фильтрационные пункты. Сам он решил никуда не уезжать, и остаться здесь, уповая на Бога, так как ничего, что не случилось с ним, не может произойти...

Ответа на вопрос, с которым я пришел сюда, найдено не было.

Поднявшись из подвала, я направился домой, с каким-то тревожащим свистом над моей головой пролетела мина и упала

в нашем дворе. До взрыва я успел заметить бойца с бутылкой коньяка в руке. Прогремел взрыв... Он уже много переждав, я вышел из подвала, куда он еще прячется от мины. Мужчина лежал на снегу, но отрубил тылки. Я крикнул ему, чтобы он забежал в подвал. Он отошел шатающейся походкой, держа в руках эту бутылку. Казалось, он ни при каких обстоятельствах не оставит ее, настолько она ему дорога...

Вновь послышались разрывы мин, усилилась армянская стрельба. Возвращаться в такой ситуации было неразумно, поэтому я вновь спустился в подвал... Там прождал около трех часов и, кажется, сошел бы с ума, затерявшись хоть немного. Оказалось, что в подвале остались трупики, которые не успели закопать, там были и раненые, кричащие и стонущие от боли... Там же – пьяные, лезущие из-за баррикады в драку друг с другом, объясняющиеся в любви, матерящиеся... Чеченская, ингушская, русская, армянская, кубинская, азербайджанская речь... И посреди – расхаживающий, тихо проклиная всех, потерявший рассудок мужчина из Чечни (когда он отлучился по какому-то делу, в дом угодила мина, погибла вся семья: мать, жена, четверо детей).

До своей квартиры я добрался в сумерках. В подвале меня поджидали двое моих однокурсников. Одежда они были в камуфляжную форму. Один вооружен... Они переоделись у меня. Спать не ложились... Проговорили до самого утра...

Али и Усман (так звали моих гостей) пришли в город, откликнувшись на призыв... Теперь же они как можно скорее хотели вернуться домой. По их словам, эта война будет длиться надолго. В городе положение безнадежное. Главные теперь, утверждали они, выжить, чтобы потом продолжить борьбу. Я не спорил с ними – знал, что бесполезно.

Мы решили вместе выйти из города (до сих пор не знаю, что меня подтолкнуло к этому). Они сказали, что в Чечне

...наших стоит машина. Нужно добраться туда, а потом мож-
но ехать в Шатой...

Мы вышли в путь на рассвете. Он оказался долгим и труд-
ным, но на второй день мы все же дошли до Чечен-аула. Там
жили родственники жены Али. Переночевав у них, рано ут-
ром, до восхода солнца, на машине мы отправились в
путь...

Дороги были пустыми, до селения Чишки нам не встре-
тили ни одна машина. Там мы остановились, чтобы рас-
спросить жителей об обстановке на дороге. Никто не сове-
товал ехать дальше: дорога заминирована, часто ее обстре-
ливают с неба... Но мы к ним не прислушались...

Вид густой туман. Усман медленно выехал, опустив стек-
ло, прислушавшись в окно, чтобы лучше разглядеть дорогу.

Держись ближе к скалам, так надежнее. Угрозы, что
что-то будет двигаться навстречу, нет, – сказал Али.

Усман послушался своего товарища.

Он хорошо знал эту дорогу... Когда ехал по ней впервые,
ему было страшно. На поворотах казалось, что машина вот-
вот полетит в пропасть. Потом привык. Ехал спокойно, лю-
ди висели нависшими над дорогой скалами, бурлящим внизу Ар-
гунском лесом, раскинувшимся на противоположном берегу.
Часто останавливались у родника, у которого стояла ка-
менная фигура девушки с кувшином, пили там ледниковую
воду и отправлялись дальше...

Когда я сидел, предавшись этим воспоминаниям, наша
машина вышла из пелены тумана. Показалось яркое солнце –
высоко в горах, оно светит почти постоянно. До села
было недалеко, казалось, что мы почти у цели... Но нежи-
данно появившийся с солнечной стороны самолет направил
наши мысли в другую сторону: если летчик заметил машину,
нам конец...

Самолет пролетел на небольшой высоте, он улетел. Он улетел, но гул его еще был слышен. У нас повалилось легло от души... Вдруг мы увидели другой самолет, летящий прямо на нас, – видимо, с предыдущего самолета в машину...

– Останови машину, останови! – одновременно кричали мы с Али.

Усман подъехал к скале и остановился. Мы выскочили из машины и бросились к обрыву. Мои спутники укрепились в огромном валуном, скатившимся сверху. Дорогу от пропасти отделяла полоса вековых деревьев. Поскольку шумели в воздухе, я полетел вниз, но на некотором расстоянии от пропасти успел ухватиться за корни дерева и, подставив ноги, спрятаться за его ствол. В это время с самолета одна за другой пустили две ракеты. Камни с грохотом прокатились по мне и полетели в пропасть. Меня защитило дерево.

Я до сих пор не знаю, сколько времени пролежал на дороге... Самолет развернулся, пустил еще одну ракету. Даже в тот момент, как он улетел, я продолжал лежать. Мои руки были в крови – я ободрал их, когда упал и скользил вниз. Мои спутники с вершины не было видно. Я посмотрел за валуном – ничего. Под грудой камней заметил сапог – он принадлежал Али. Быстро разгреб камни – Али был мертв... Стали слышны шаги. Я встал, но тот не отвечал. Потом я нашел на дороге его опущенную руку. Часы на запястье еще ходили...

В ужасе я побежал вниз, в туман...

Там, в тумане, я присел... Случившееся потрясло меня. Разорвав рубашку, перевязал окровавленные руки. Потом встал, пустился в дорогу. Куда? Этого я не знал.

...Я шел, подавленный горем, с трудом передвигая ноги, как слепой, стуча перед собой палкой, чтобы чувствовать путь.

...и почву, не сорваться в пропасть... Шел в густом тумане, размышляя: «Есть ли в этом мире место, куда можно пойти, а если есть, смогу ли добраться до него?..»

С этой грустной мыслью я продолжал идти по горной тропе, идти неизвестно куда...

Перевод автора

Лунная тропа

Она стояла, облокотившись на перила, у самой кормы прогулочного катера, на котором мы случайно оказались вместе. Я заметил ее еще на берегу, да и неудивительно это было – естественная блондинка, с синими, как море в солнечный день, глазами, мраморно-белую кожу которой словно и не тронуло яркое солнце. «Наверное, приезжая... – подумал я, – С севера...»

Это был обычный вечерний рейс для туристов и отдыхающих на черноморском побережье: двухчасовая прогулка на стареньком катере, которой организаторы придумали романтичное название «По лунной тропе».

Катер подплыл по фарватеру почти до самого берега, выдвинул ход и почти пополз на прибрежную гальку. Потом с борта спустили трап, который с грохотом упал прямо перед ногами собравшихся на прогулку отдыхающих.

Она стояла рядом со мной – молодая девушка, которой было лет восемнадцать-девятнадцать, явно осознавая свою красоту.

И ей все было удивительно красиво (казалось, что природа достигла совершенства, создавая такую гармонию): и фигура, и волосы, и со вкусом подобранная одежда... Я невольно загляделся на нее... Мне захотелось услышать ее го-

лос – мне казалось, что он должен быть призраком, как
ки арфы...

Она была с подругой, но, видимо вдоволь накуратившись
друг с другом в ожидании катера, они обе молчали. Я ша-
гал в нескольких шагах от них и смотрел на очаровательную
меня незнакомку и ее спутницу, не в силах оторвать глаза от
да... Она то и дело отодвигала свободной рукой свои
длинные волосы, которые разметал дувиный с моря ветер.
«Нос, – как-то мелькнуло в голове. – Нос...» Подумав на
том улыбнулся сам себе, вспомнив народную поговорку о
сивой девушке: «Когда не за что зацепиться, зацепится за
нос слишком длинный». Да, нос у нее был несколько длиннее
мы, чем следовало бы ожидать – с маленькой горбинкой на
чешский. «Если она местная, – подумал я, – то все понятно,
ведь на черноморском побережье еще в античные времена
были греческие города-государства...» Эта мысль не вызвала
ла мой интерес к ней: что, если она является потомком
тех греков, стоявших у колыбели человеческой цивилизации?
Я попытался представить ее в одежде древних греков – в
тунике, с огромной золотой пряжкой... Это представление
недолго: «Какая из нее гречанка? – подумал я. – Наверное, из
Греции и греках я знаю больше, чем она...»

...Я был тогда очень молод (мне едва исполнилось семнадцать
лет). Отработав два месяца в студенческом отряде, на пару недель
отряде, на пару недель выбрался на море, пока одноклассники
в сентябре собирали виноград. Я считал себя поэтом, но
тогда не напечатал ни одной строчки, соответствующей моему
была и внешность: шевелюра непослушных светлых волос,
новых волос, довольно редкие усы, которые еще не украсили
ли юношеских красок...

Мы потихоньку поднялись на катер. Экскурсовод через
громкоговоритель в последний раз объявил о выходе в море.
Подоспела где-то загулявшая пара... Подняли трап. Катер

...ушились несколько раз, сполз в море и поплыл, удаляясь
вдаль...

*Солнце садилось: огромный ярко-красный шар завис над
морем, разлив краски по его бескрайним просторам, а вскоре
оно словно утонув в пучине... Это было прекрасно – мне
казалось, что ни словом, ни красками передать такую кра-
сивую невозможную. До этого я видел море только в кинофиль-
мах да на цветных картинах – мне нравились картины Ай-
вазовского (в нашем музее изобразительных искусств нахо-
дился даже один подлинник), но живая натура была куда
более впечатляющей...*

Катер, подпрыгивая на волнах, быстро плыл в откры-
тое море. На палубе зажгли иллюминацию, во всю мощь
прозвучала музыка. Некоторые пары начали танцевать...

Незнакомка стояла, облокотившись на перила, и задум-
чиво смотрела куда-то вдаль. К тому времени взошла луна и,
словно разделяя море на две половины, широкой полосой
прорезилась лунная тропа. Мы плыли по ней – просто так,
чтобы плыть, чтобы испытать определенные чувства... Эта
тропа была призрачной – у нее не было границ, не было ни
начала, ни конца... Все зависело от твоего воображения...

Девушка была увлечена своими мыслями, а ее подружка
танцевала, крепко прижавшись к какому-то молодому чело-
веку спортивного телосложения.

У меня на катере не было ни одного знакомого, да и за-
водить знакомство мне не хотелось... Если бы не эта таин-
ственная незнакомка...

Набежал ветер, волны стали еще больше... Катер раска-
чивало, что грозило мне большими неприятностями – я, вы-
брошенный вдаль от моря, не переносил качку. За несколько дней
до этого я вернулся на «Комете» из Новороссийска в Геленд-
жик – это было мое первое морское путешествие, длившееся
всего полчаса. Его я выдержал, хотя мне одному известно,

скольких трудов это стоило!.. И в этот вечер я ничего не ел, не пил, на всякий случай...

Тем временем объявили белый танец. К моему удивлению, девушка вплотную подошла ко мне.

– Можно вас пригласить на танец?

Это был полный провал – я не имел никакого опыта танца!.. Я что-то промямлил, замешкался... Она, воя, потащила меня на середину палубы... Ничего не решив, решил полностью довериться ей, подчиниться ее движениям – насколько это мне будет удаваться...

– Меня зовут Люда, – сказала она, – а тебя?

Я назвался и замолчал.

– Какой-то ты неразговорчивый...

– Я только что из леса...

Она улыбнулась. Танец, к счастью, закончился. Я привел ее на свое место, у кормы, и разговорился с ней... Тогда мне было действительно похож на звуки арфы...

... Ей было восемнадцать. Местная. «Это прибрежные, но ловят солнечные лучи... А местные редко ходят за границу, особенно в сезон отдыха...» – сказала она, когда я по ее своей догадке, что она с севера. Год назад она окончила школу, но не смогла поступить в институт. Временно устроилась на работу в кафе, официанткой. В тот день у нее был выходной, и подруга упростила ее отправиться на прогулку...

После этого вечера мы виделись с ней почти каждый день, до самого моего отъезда. Я приходил к ней в кафе, подолгу сидел, съедая одну порцию мороженого за другой. Жила она недалеко от работы, в пятиэтажном доме. Единственный ребенок в семье. Дважды, в ее выходные дни, по вечерам мы ходили на море, подолгу бродили по берегу, разговаривали...

... Я читал ей стихи Байрона, Лермонтова, Неру-
... и иногда (не признаваясь в авторстве) – и свои...

... Она пришла провожать меня в аэропорт (это было
... большое поле с одним неказистым строением, откуда до
... дальних городов вылетали доисторические АН-2; мне
... было в Краснодар, а оттуда – в Грозный), на проща-
... вручил ей свои стихи...

... Потом прочитаешь, – сказал я, – мы еще увидимся...
... Помню, что писал я о неразделенной любви, о разлуке...
... что вроде этого:

Пусть не любим... Бездушною скалою
Пусть ты стоишь, прекрасна и горда...
Я счастлив тем, что был хоть той волною,
С тобой которой встретиться – судьба!

... Одним словом, юношеский лепет...

... Прошло много-много лет. Недавно я провел в тех ме-
... стах несколько дней.

... Я был один, делать было нечего, разве только пуститься
... в экскурсию по следам бывшего...

... Первым делом я пошел в бухту – за три десятилетия там
... почти ничего не изменилось... Была осень. Море волнова-
... лось, волны с шумом набегали на берег и с грохотом разби-
... вались о камни... Все, как тогда... Что для моря тридцать
... лет, ведь оноечно?!

... Потом я вернулся в город и отыскал кафе – оно тоже по-
... чти не изменилось, разве только обстановка. Конечно, в пос-
... ледние годы много понастроили, но каким-то чудесным об-
... разом это кафе уцелело! На красочной вывеске было каким-
... то немыслимым шрифтом выведено: «Платан», а внизу до-
... писано: «Пиво на разлив».

Я заглянул в кафе. Оно было почти пустым — только у двумя столиками у окна сидело несколько подвыпивших посетителей.

Я вошел и в нерешительности остановился.

— Что стал как вкопанный?! Садись за любой столик, три пива? Есть фисташки, рыба...

Я невольно остановил свой взгляд на толстой женщине, которая голосом, исходящим словно из пустой пивной банки, обращалась ко мне. «Не может быть! Это она, та самая красавица, с которой я встретился тридцать лет назад во время прогулки по лунной тропе, та, которой я посвящаю стихи. Неужели все эти годы она провела в этом кафе, неужели здесь прошла ее жизнь, среди грязной посуды и пьяных посетителей?!» — мелькнуло в сознании.

— Люда, тащи три пива! — донеслось из зала.

— В долг не дам, хватит!

— Будь другом, красавица!

«На свете много людей с одинаковыми именами... Может быть, просто совпадение? — вертелось в голове. Когда придя в себя, я повернулся и шагнул из кафе в починившиеся улицы. Расспрашивать ее я не стал. — Наверное, это повесть и про она... Да и какая мне разница? Ведь тогда мы встретились с ней случайно... На прогулке по лунной тропе, которая теперь да не ведет... А в жизни у каждого своя тропа...»

Я еще немного побродил по ночному городу и унес с собой, унося с собой жалкие осколки прекрасного (мимо моего!) былого, разбитого вдребезги этой занозидной встречей...

«Нет, не стоило возвращаться к былому, — думаю, сидя в вагоне поезда, который через несколько дней увезет меня домой. — Пусть оно просто остается в памяти, пусть никто не сталкивается с настоящим...»

Перевод датчанки

Муса МУТАЕВ

(Род. в 1956)

В 1992 году вышла книга рассказов Мусы Мутаева «Борз». Произведения писателя печатались в журналах «Орга» и «Вайнах».

В настоящее время проживает в Норвегии.

Чайная симфония

Он был моим другом детства, хотя всегда сторонился веретеников. Его, помимо музыки, ничто не интересовало.

Нам казалось тогда, что Висита – странный мальчик. И что у него, кроме нот, ничего нет, потому что он всегда держал под мышкой нотную папку. Сколько помню, никогда не видел, чтобы он кого-то ругал или кому-то сказал грубое слово. Он всегда спешил на занятия музыкой. Потом, когда мы окончили школу, он исчез из моей жизни, мы с ним не общались. Я даже не вспоминал о нем. Ну и что, что был школьный друг? Вместе бегали, играли, радовались, а теперь вот стали взрослыми, все изменилось.

Висита – композитор. Сочиняет музыку. Некоторые говорят, даже неплохую музыку. Меня порой удивляло, что я не видел его целых двадцать лет после школы, хотя жили мы в одном квартале.

Как-то нечаянно я снова ворвался в его жизнь. Виной тому была, конечно, музыка. Однажды поздней осенью я шел домой. Из остановившейся рядом машины вышел Висита. Я

его сразу узнал. Он меня тоже. Разговорились, Висита мне давал вопросы, чем он. Вспомнили беззаботные подростковые годы. Потом я ненароком обронил: «Как с музыкой?» Он ответил, что продолжает «баловаться» ею. Я не совсем понял, что Висита имел в виду. Он пригласил меня в воскресенье к себе домой, чтобы показать, как «балуется музыкой». Мы договорились и согласился.

Пришел к нему, как и договорились, в обеденное время. Он стал доставать чайники из-под кровати.

Мы заговорили о музыке. Я высказал мысль, что, пожалуй, Бетховена нет композитора, который сочинил бы что-то действительно хитрое. Но Висита возразил:

– Чайковский написал не менее важные произведения.
Я отчасти согласился и добавил:

– Хитрость классической музыки заключается в том, что ты не устаешь ее слушать, у нее нет очерченности, как у современной музыки, нет архитектуры. Классическая музыка – это свобода мышления, где нет ни начала, ни конца, а любая другая музыка имеет свои границы. И поэтому люди быстрее устают от нее.

На что Висита сказал:

– И у природы есть музыка. У воды, у огня, у леса, даже у чайников, которые сейчас стоят на этом столе, есть своя музыка.

Я рассмеялся.

– Ты смеешься. Да, да, ты смеешься! А зря! Есть в жизни такие дороги, которые, точно не знаешь, куда тебя приведут. И то, что снилось тебе в детстве, когда-то сбывается. И ты смотришь на эту местность, на дороги, на дома, где когда-то во снах витал. Поверь, я знаю, что говорю! Я знаю, что музыка – от природы. Ее нельзя записывать. Она не поддается записи. Потому что музыку сочиняет сама природа, а не человек. У музыки нет конца, как нет и начала. Она бесконечна.

он размышлял в таком духе довольно долго. И несколько раз повторил: – Об этом, кажется, не догадывались даже Моцарт, Моцарт и Рахманинов... Они безумно мучались, играя музыку, в то время как бесконечная музыка природы капала в таких вот чайниках...

– Даже у тишины есть музыка, – заключил он в то время, когда я молча сидел, разглядывая эти странные чайники.

– Ты знаешь, у этих чайников есть одна особенность... Каждый раз они исполняют совершенно иную мелодию, не похожую на предыдущую.

– И как ты до этого додумался? Как догадался?!

Висита улыбнулся:

– Это моя тайна. Смотри, никому не говори, – загадочно прищурив глаза, он смотрел на меня. – Если бы ты не был моим школьным другом, я бы не показал тебе этого... К тому же, ты не любишь музыку...

– Я?.. Я не люблю?! – воскликнул я. – С чего ты взял, что я не люблю музыку?!

– Со школьной скамьи мне казалось...

– Но это было давно...

– Ну и что?!

– А то, что я очень люблю музыку... Грига, Бетховена, Моцарта, Паганини, Берлиоза... – я начал выкладывать всех композиторов, произведения которых мне приходилось слышать и о которых я когда-то читал.

– Моя музыка сильнее, – загадочно улыбнулся Висита.

– Что за музыка?!

– Вот посмотри!

На столе стояло семь чайников, наполненных водой. Вначале я не понял, что он хочет показать. Он ничего не говорил. По всей вероятности, хотел удивить меня. Каждый чайник был меньше другого. На носиках – свистульки. Я недо-

уменно смотрел на Виситу. С промежутками в двести минут он включил их все. Я сидел молча. Через некоторое время музыка начала набирать бег. Это была прекрасная музыка. Скорбь, печаль, тоска по несбывшимся мечтам и за волной накатывали на меня.

Снова хлынули звуки. Вот она, волна, поднимается. Лодка ударяется о берег. Рушится. Люди в панике бегут по палубе. Кричат. Просят о помощи... Но никто не откликается. Никого нет. Никого. Пустынный берег. Пустынное море. Темно-крайнее синее небо. Я плыву, захлебываюсь, но плыву. Но я уже, обессилев, лежу на берегу, с напряжением открываю глаза. И большая черная волна накрывает меня. Мои мысли сводит судорога. Море неистовствует, но набегающая волна не в силах забрать меня обратно в пучину, она с шумом откатывается назад. Я одинок и свободен!

Одна картина сменяет другую. Теперь я подросток. Такой стеснительный, что боюсь выходить на улицу. У меня нет друзей. Приезжает родственник. И мы отправляемся на улицу. Страх перед людьми сковывает меня. Я спотыкаюсь на ровном месте. Затем бегу от всего мира, ноги обретают силу. Но люди бегут за мной. С криком я просыпаюсь.

Новый кадр. Зима. Музыка. И нежность зимнего вечера. И некому помочь мне. Я иду по полю, вокруг такие знакомые, такие приятные лица. Жду, что вот сейчас кто-то протянет мне руку, обнимет, скажет ласковое слово. А я рассказываю о былом. Расскажу, как жил...

И вдруг потоком, как за кратким словом, в котором угадывается скрытая мысль человека, пришла тоска. Как осени. Голые деревья, опустевший сад, холодный и хлесткий дождь... Боже мой, как я одинок! Как одинок!

Я босиком. Бог мой, сколько же мне лет? Сколько же? Четыре? Сколько же мне, наконец, лет? Пять... Или еще меньше! Я умер... Или умираю. Земля... Главное, чтоб не холо-

я была. Главное, когда буду лежать в ней, почувствовать тепло, уют. Тебя нет. Следы... Вот следы... И те уходят бесследно. Потом топот тысяч ног к... любви и ненависти. «Мы тебя любили. Все мы тебя любили. Мечтали. Мы тебя прощали глазами...» Жизнь! Жалкая, как холодная осень! Прощай! А там неужели нет пристанища для меня и моих друзей? Пристанища, где все есть, где все всех любят, где есть счастье? Неужели нет места этому на земле?! Я хочу жить в Париже. Нет, нет, не в Париже. Подождите. Я хочу жить в Лондоне. Да, да, сейчас. Я быстро уйду, земля, главное, нехолодная... За все мои грехи, за все проступки, за все ошибки, которые совершило и готовится совершить человечество против человека и природы, простите нас, моря, леса, солнце, небо, луна, земля, и, конечно, вы – животные! И только за той... за той чертой, куда стекаются все мои мысли и страдания, где в глубине души шествует торжество, там, в глубине колодца, где есть мое печальное отраженье, я почувствовал близость к сумасшествию... Я увидел в колодце свет, зовущий путника на отдых. И понял, и убедился, что это – все! Все! Я пришел к концу! Я почувствовал в одиночестве счастье! Подумалось вдруг, что одиночество придает человеку гармонию любви ко всему. Это точно! Это правда! И, осознав это, я ощутил усталость и какое-то облегчение...

Я до конца не понимал, что кроется в этой музыке. Вдруг как каким-то торжеством нахлынувшая волна снесла мою мечту. И я, как дитя, потерянное во Вселенной, опустился на землю. Это было... изумительно! Это был порыв души с неведомой мне до сих пор музыкой. Такое со мной случалось лишь раз, когда слушал «Реквием» Моцарта.

Композитор смотрел на меня вопросительно. Он хотел понять, какое впечатление произвела на меня его «Чайная симфония». Почему-то на ум пришли Сальери и Моцарт. Потом переключился на Бетховена...

...Полуразрушенный город как будто был мертв. Нигде не было света. Пришел домой очень усталым. Хотел заснуть и больше не просыпаться. Я не любил реальной жизнь, всегда жил в мечтах, витал в облаках. Все никак не мог спуститься на землю. Потому что прекрасно понимаю, что, спустившись, почувствую лишь холодную мглу. Улицы почерневшие, безжизненные лица людей, пустой, разбитый войной город Грозный. Я хотел уснуть. И проснулся весной, когда цветут вишни под моим окном, когда играют дети, поют птицы. Только под утро уснул. И не проснулся ровно двое суток. Потом слушал Бетховена, Моцарта, Грина, Рахманинова, но не получил такого наслаждения, как от «Чайной симфонии». Не могу понять, какой секрет был скрыт в этих чайниках. До сих пор собираю чайники. Наливаю, как положено, воды, включаю с промежутками в две - три минуты – и никакой музыки! Потом тайная зависть сковала мое тело, мозг... Я предвидел это... Я всегда тянусь к гениальному, хотя сам не в силах создать ничего подобного.

– Мы могли бы заработать большие деньги, – сказал я. – Это гениальная симфония!

– Представь, если бы эту симфонию сыграть в Большом театре или в Ла Скала... – у Виситы загорелись глаза. – Представь себе...

– Да, да, – воскликнул я, – в дождливый день.

– Осенью... Ранней осенью... В конце августа – начале сентября. Еще деревья не голые, еще есть зеленые листья. Ветер осенний. Под вечер... Или утром, когда солнце собирается взойти, но еще не взошло. И где-то далеко-далеко виднеется серебряная гора Казбек, – Висита улыбнулся. Он разглядывал комнату, как будто был здесь впервые. – Но, к сожалению, эти звуки нельзя передать с помощью нот...

Я долго не мог освободиться от звучания «Чайной симфонии» в моей душе. На следующий день бросился покупать

чайников. Но не нашел. Мне вежливо объяснили, что чайники со свистульками долго не залеживаются и было бы хорошо, если бы я посмотрел на базаре, например, на Курчаевском, что я, не медля, сделал в первое же воскресенье. Там я купил три чайника. Недоставало четырех. Главное, нужно было подбирать по размерам: один меньше другого или, наоборот, больше.

— Чудо всегда исходит от природы, — вздохнул Висита. — И же предупреждал тебя, чтобы ты не затевал ничего такого. Ты же не музыкант, у тебя не получится. Ты же не знаешь, что такое фа, соль, ля, си... У тебя даже слуха нет...

Меня трудно было переубедить. И, собственно, зачем меня учить?! Я же разбираюсь в музыке не хуже, чем Висита. Люблю музыку не меньше, чем он. Как он этого не понимает?!

В следующее воскресенье я купил еще два чайника меньших размеров. Недоставало всего двух. Мне показалось, что этих вполне достаточно. Я приготовил комнату с магнитофоном для записи своего пятичайникового творения, которое назвал «Чайной симфонией». В душе моей проросли черна честолюбия и тщеславия. Мой план был прост: с магнитофонной записи переложить свою симфонию на ноты и предложить ее миру. Я был уверен: о моем таланте станут говорить, моим гением будут восхищаться... В общем, меня ждет слава, признание... Но, включив все чайники, как это делал Висита, я не услышал волшебных звуков. Мои чайники просто свистели один за другим, а потом пронзительным хором — надрывно и требовательно, словно я забывчивая хозяйка, увлекшаяся каким-нибудь телемылом. Все! Я упал! Не могу встать. Я получил такой удар, что не могу оправиться, по крайней мере, несколько часов. Ложь! Обман! Как же он мог так ловко меня подставить?! Никакой музыки! Даже нет таких звуков, которые имели бы какой-то смысл... Ужас! А

если еще раз попробовать? Еще раз!.. Опять ничего не вышло.

Было раннее утро, когда я влетел к нему. Я был в ярости. Висита спокойно смотрел на меня. Он даже не моргнув, когда я бешеным порывом бросил в лицо обвинение и тому, что все, показанное им мне, — обман и ложь! И в чайничках никакой музыки. Все это лишь больная фантазия сумасшедшего.

— А что же ты слышал?

— Это... это был обман!.. — не сдавался я. — Это случайно... случайно получилось! Это иллюзия. Иллюзия, созданная несостоявшимся композитором... Шарлатан!

— Ты думаешь...

— Уверен! — ответил я. — Это не твоё создание!

— А чье? — улыбнулся холодно Висита.

— Чужое...

— Другой бы не показал тебе. Я открыл тебе секрет... Сейчас ты тоже, как и все, хочешь записать это на листок и показать всем! Вот, смотрите, какой я великий композитор!

Висита спокойно достал из-под кровати семь чайничков. Наполнил их водой. Поставил в ряд. Загадочно взглянул на меня. Улыбнулся. Посмотрел на часы. Я тоже засек время. С промежутками в две-три минуты он включил чайники. Затем спокойно сел рядом со мной. Я напрягся. Хотел понять, в чем тут подвох. Выбросил из головы все мысли. Я должен был во что бы то ни стало раскрыть эту тайну. Узнать!

Музыка зазвучала с главного чайника. Он был толстый. Все началось с соль минора. Как будто кто-то топором рубил лед. Холод пробежал по коже и остановился у краешка сердца. Потом второй чайник. Третий. Теперь все семь. Внутри что-то так вцепилось, что захотелось кричать. Потом музыка полилась, как весенний дождь. С шумом, ветерком. Звучки торопились, перебивая друг друга... Что-то случилось. В ко-

нок сжалось горло. В моем воображении, как ясный день, промелькнуло все, что было забыто очень давно. Забыто. Волны, словно я в первый раз бросился в реку, подбрасывают меня. Плотно закрыв рот, я плыву... Опять звуки. И я композитор в одном из крупных театров. Рядом коллеги. Вот и она, вся в белом. Я узнал ее... Идет дождь. И я такой молодой... Теперь я у королевы. Неизвестно, в каком году и царстве... О, как прекрасно!

Когда одну за другой Висита вырвал розетки из сети, музика умерла. Как умирают цветы под вечер.

— Если б я мог записать... — промолвил Висита, вздыхая.
— Если бы я мог!

Да, в самом деле, невозможно было записать эту музыку. Я почувствовал себя неважно. Опустошение внутри и вокруг. Закончилось что-то главное в жизни. И уже никогда не вернется. Навалилась усталость. И мне почему-то захотелось остаться одному. Остаться где-нибудь в захолустье, без войны, без трагедий и шумных людей. Чтобы у меня был дом — невзрачный, весь заросший кустами и бурьяном. Чтобы деревья укрывали весь дом и двор. Чтобы даже улицы там не было. Вот где можно было бы сочинять музыку, думал я.

Несколько раз пробовал передать нотами «Чайную симфонию», но, к сожалению, не смог. Потом мне как-то пришлось слушать музыку, сочиненную Виситой, но она, по моему, была очень слабой по сравнению с «Чайной симфонией», в которой все было настоящее: и печаль, и радость, и тревога за себя, за всех...

Перевод И. Эльсанова

Содержание

Саид Бадугев. <i>Олдум. Перевод Л. Довлеткиреевой</i>	1
<i>Имран. Перевод М. Эльдиева</i>	11
Шамсуддин Айсханов. <i>День не удался. Перевод С. Мусаван</i>	16
Абузар Айдамиров. <i>В день смерти сына.</i>	
<i>Перевод У. Юсупова</i>	30
<i>Соперник. Перевод А. Тарамовой</i>	61
Муса Ахмадов. <i>Сбор металлолома. Перевод Н. Крыловой</i>	74
<i>Деревянные куклы. Перевод М. Эльдиева</i>	82
Муса Бексултанов. <i>Не спасся. Перевод А. Магомедова</i>	97
<i>И кто постучится в дверь твою в ночи.</i>	
<i>Перевод М. Эльдиева</i>	103
Султан Яшуркаев. <i>Красный майор.</i>	
<i>Перевод автора и Э. Хасмагомадова</i>	124
Эльбрус Минкайлов. <i>В тумане. Перевод автора</i>	147
<i>Лунная тропа. Перевод автора</i>	159
Муса Мутаев. <i>Чайная симфония. Перевод И. Эльсанова</i>	165

Чеченский рассказ

Перевод с чеченского.
Редактор Л. Довлеткиреева
Корректор С. Мусаев
Компьютерная верстка З. Касумова